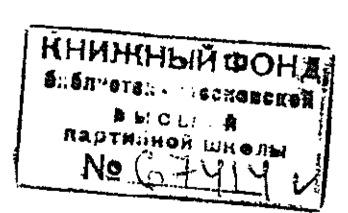

М. Б. Свердлов

От закона русского к Русской Правде

Москва
«Юридическая литература»
1988

67.3 С24

Ответственный редактор доктор исторических наук А. Н. Сахаров

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор А. Д. Горский

доктор юридических наук, профессор Е. А. Скрипилев

Свердлов М. Б.

С24 От Закона Русского к Русской Правде. — М.: Юрид. лит., 1988. — 176 с.

Работа посвящена древнейшему устному праву восточных славян, реконструируется состав Закона Русского. Исследуется история текста Краткой и Пространной редакций Русской Правды. Раскрывается значение этого важнейшего историко-правового памятника.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов-юристов, историков, филологов.

С $\frac{1203010000-005}{012(01)-88}$ 9-88 67.3

ISBN 5—7260—0005—6

Михаил Борисович Свердлов

От Закона Русского к Русской Правде

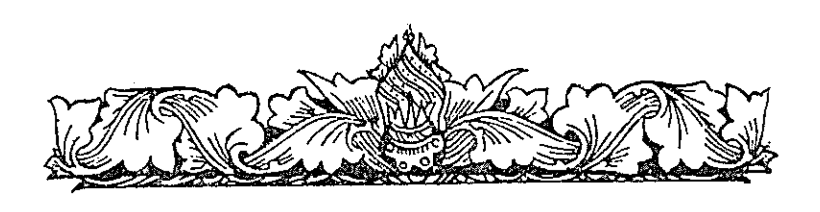
Редактор **Л. А. Могусева**
Художник **Е. П. Суматохин**
Художественный редактор **Э. П. Батаева**
Технический редактор **А. А. Арсланова**
Корректоры **В. Н. Филиппова, Т. Д. Краснова**

ИБ № 1905

Сдано в набор 15.10.87.
Подписано в печать 13.01.88.
А-02614. Формат 84×100¹/₃₂.
Бумага типографская № 1.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем: усл. печ. л. 8,58; усл. кр.-отт. 8,78; учет.-изд. л. 10,17. Тираж 13 000 экз.
Заказ № 6646. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

Введение

Со времени открытия В. Н. Татищевым Русской Правды прошло 250 лет. За этот период Правда исследовалась в самых различных аспектах как важнейший источник для изучения истории социально-экономических отношений и основной источник светского права на Руси XI—XIII вв., как памятник древнерусского языка[1]. Будущим историографам еще предстоит в полной мере раскрыть процесс изучения Русской Правды. Но уже сейчас можно определить основные тенденции в исследовании Русской Правды (здесь и далее следует иметь в виду, что в настоящей работе изучается прежде всего история текста Русской Правды, а не ее норм).

[1] Обстоятельные очерки по историографии и археографии Русской Правды см.: *Калачев Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846, с. 1—42; *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 7—32; *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, с. 225—239, 272—287; *Валк С. Н.* Советская археография. М.—Л., 1948, с. 120—132; он же. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (далее — ТОДРЛ). М.,—Л., 1958, т. XIV; он же. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII— начала XIX вв. — Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960; он же. Русская Правда в изданиях и изучениях 20—40-х годов XIX в.— Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960; *Щапов Я. Н.* Калачев как буржуазный источниковед. — В кн.: Малоисследо-

Установлено, что в ст. ст. 1—18 Краткой редакции Русской Правды (далее — КП) содержатся древнейшие по содержанию нормы. Этот комплекс статей условно назван Правда Ярослава, или Древнейшая Правда. Статьи 19—40 КП, следующие за сообщением о съезде сыновей Ярослава Мудрого, принято именовать Правдой Ярославичей. В связи с основным содержанием их правовых норм — об охране княжеского господского хозяйства — эту часть КП называют также доменнальным уставом. Пространная редакция Русской Правды (далее — ПП) — сложный по составу источник светского древнерусского права. В нее вошли как нормы Краткой редакции, так и ряд других правовых установлений. История Русской Правды — это составная часть истории развития системы древнерусского права.

Советские исследователи рассматривают Русскую Правду как основной древнерусский источник светского права, в котором были объединены юридические нормы, регулирующие феодальные отношения[1] собственности, господства и подчинения, как свод княжеских законов, источниками которых явились нормы обычного права, княжеские уставы и отдельные постановления. При изучении сохранившихся списков Правды было замечено совпадение некоторых норм Правды Ярослава, или Древнейшей Правды, и Закона Русского, упоминавшегося в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.

ванные источники по истории СССР XIX—XX вв. М., 1964; *Никитин А. Л.* Болтинское издание Правды Русской. — Вопросы истории, 1973, № 11, см. возражения этой работе: *Валк С. Н.* Еще о Болтинском издании Правды Русской. — ТОДРЛ. 1976, т. XXX; *Хачатуров Р. Л.* Некоторые методические и теоретические вопросы становления древнерусского права. Иркутск, 1974, с. 12—41; *Зимин А. А.* Из историографии советского источниковедения («Русская Правда» в трудах С. В. Юшкова). — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; *Кочин Г. Е.* Русская Правда. — В кн.: Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979; *Гальперин Г. Б.* Древнерусское право. — Там же.

[1] В отечественной историографии общественный строй Руси XI—XIII вв. определялся самым различным образом. В работах Б. Д. Грекова, С. В. Юшкова, Б. А. Романова, И. И. Смирнова, В. В. Мавродина, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина, В. Т. Пашуто, В. Л. Янина и многих других ученых показан процесс становления и развития феодализма в древнерусский период. А, например, В. И. Горемыкина высказала мнение о том, что общественный строй Древней Руси носил рабовладельческий характер, И. Я. Фроянов — что он был дофеодальным, общинным (по данной проблеме см. статьи М. Б. Свердлова, А. А. Горского, Н. Ф. Котляра, В. И. Горемыкиной. — Вопросы истории, 1985, № 11; 1986, № 8, 12; 1987, № 2). Вопрос об общественном строе Древней Руси не закрыт.

До настоящего времени дискуссионными остаются основные вопросы о содержании, времени и конкретных причинах появления так называемых Правды Ярослава (Древнейшей Правды), Правды Ярославичей, содержащей доменнальный устав, Пространной редакции Русской Правды, развитии во времени их нормативного состава, т. е. вопросы, касающиеся истории их текста. Мало изучен генезис Русской Правды — от племенных обычаев к феодальному праву. В результате этого недостаточно исследованы такие вопросы, как соотношение устного и писаного права в процессе становления феодальной социально-экономической формации, определение основных этапов в истории текста Русской Правды. Поэтому возникают значительные сложности в понимании характера ее норм как выражения воли господствующего класса, санкционированной государством — орудием классового господства, как фиксации правоотношений и их регулирования государством, следствия классовой борьбы угнетаемого сельского и городского населения, проявления внутренних закономерностей развития права классового общества. Недостаточно определены возможности сравнительно-исторического метода в исследовании Русской Правды. Отсюда следует, что изучение генезиса Русской Правды все еще представляет важную научную задачу, решение которой позволит по-новому взглянуть на историю права и социально-экономических отношений в Древней Руси.

Исследование данных вопросов становления древнерусского права IX — первой половины XI в. тем более актуально, что анализ внешнеполитической истории Древнерусского государства этого периода свидетельствует о развитых формах международной правовой практики и о высоком уровне правового мышления представителей Руси при дипломатическом регулировании межгосударственных отношений[1]. Русско-византийские договоры первой половины X в. указывают на существование Закона Русского, который при заключении письменных договорных актов в равной мере учитывался наряду с писаным византийским правом — «Законом Греческим».

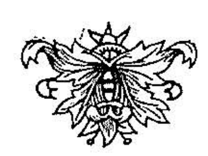
[1] См.: *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси: IX—первая половина X вв. М., 1980; он же. Дипломатия Святослава. М., 1982.

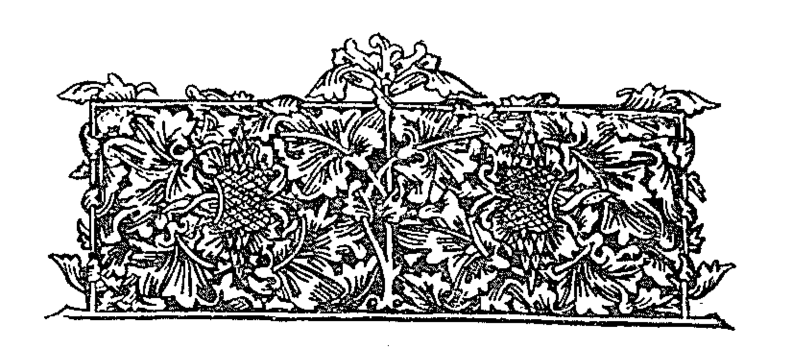
Однако нормативное содержание Закона Русского все еще не раскрыто, мало изучено конкретно-историческое содержание системы права Древнерусского государства, которое стало в X — первой половине XI в. крупнейшим в Европе.

Поэтому автор поставил перед собой задачу реконструировать (насколько это позволяют источники и, по необходимости, гипотетично) нормативный состав Закона Русского, определить его место в истории древнерусского права в сравнении с предшествующим племенным обычаем и последующей государственной правовой системой, установить значение Закона Русского как источника права в дописьменный период, как источника правовых норм в последующем государственном законодательстве XI — первой трети XII в., рассмотреть основные факты и этапы генезиса текста Русской Правды — основного источника светского писаного права на Руси — в неразрывной связи с историей общественных отношений, классов и классовой борьбы в XI — первой трети XII в., а также в связи с развитием юридической мысли и закономерностями внутреннего развития писаного права.

Источниковая база исследования поставленных вопросов истории текста Русской Правды давно введена в научный оборот — это прежде всего КП и ПП, русско-византийские договоры первой половины X в., летописные материалы. Поэтому основными средствами дальнейшего изучения поставленных вопросов стали главным образом критика текста Русской Правды, а также системный сравнительно-исторический анализ норм Русской Правды и предшествующих древнерусских источников права с юридическими памятниками синхростадиальных европейских раннефеодальных обществ.

В многочисленных научных трудах Русская Правда рассматривалась в самых различных аспектах — юридическом, историческом, лингвистическом. Только историко-правовые комментарии к Русской Правде, собранные во втором томе ее академического издания, составили свыше 50 печатных листов (Правда Русская, т. II. Комментарии/Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1947). С тех пор количество комментариев к статьям Русской Правды значительно увеличилось (новейший историко-правовой комментарий см.: Российское законодательство X—XX вв. М., 1984, т. 1, с. 49—63, 80—126). Поэтому при изучении истории текста Русской Правды автор вынужден в основном ограничиться источниковедческой литературой, относящейся к теме исследования, и соотносить свои наблюдения прежде всего с новейшей историографией вопроса, совершая в необходимых случаях историографические экскурсы (или указывая историографические обзоры). Автор с благодарностью учел ценные замечания, сделанные рецензентами книги — профессорами А. Д. Горским и Е. А. Скрипилевым.

Глава I Закон Русский

Закон Русский упоминается в русско-византийских договорах, сохранившихся в составе древнерусской летописи «Повесть временных лет». В договоре 911 года записано: «Аще ли ударить мечем или бьеть кацем либо сосудом, за то ударение или бьенье да вдасть литр 5 сребра *по закону Рускому*» (ст. 5)[1]. Договор 944 года повторяет эту статью с небольшими отличиями: «Ци аще ударить мечем или копьем, или кацем любо оружьем русин грьчина или грьчин русина, да того деля греха заплатить сребра литр 5 *по закону Рускому*» (ст. 14) и содержит указание на Закон Русский в ст. 6: «Аще ли ключится украсти русину от грек что, или грьчину от Руси,

¹ Памятники русского права, вып. I /Сост. А. А. Зимин. М., 1952, с. 7 (далее — ПРП, I). Номера статей приведены в соответствии с данным изданием.

достоино есть да възвратить [е] не точью едино, но и цену его; аще украденное обрящеться продаемо, да вдасть цену его сугубо, и то[и] покажнен будеть по закону Гречьскому [и] *по уставу, и по закону Рускому*»[1].

Ссылки договоров на закон молодого Русского государства, используемый как источник права наряду с законами Византийской империи, стали темой оживленной дискуссии в исторической и юридической литературе. Для сторонников норманского происхождения Древнерусского государства в дореволюционной историографии Закон Русский являлся скандинавским правом[2]. Это ошибочное мнение, как и норманская теория в целом, уводило исследователей от решения основных вопросов истории Древней Руси[3]. В то же время авторы, изучавшие процесс становления древнерусского права от обычая до Русской Правды, не придавали особого значения упоминавшемуся в русско-византийских договорах Закону Русскому (значительная литература о русско-византийских договорах — особая тема). В. О. Ключевский поставил вопрос о том, аналогичен ли Закон Русский времени заключения договоров Закону Русскому периода составления Русской Правды. Он полагал между ними различия, но определены они были умозрительно в соответствии с развиваемой им теорией торговой городовой Руси. Поэтому, по его мнению, Закон Русский являлся «юридическим обычаем», а в качестве источника Русской Правды представлял собой «не первобытный юридический обычай восточных славян, а право городской Руси, сложившееся из довольно разнообразных элементов в IX—XI вв.»[4].

Взгляд на Закон Русский как на обычное право восточных славян, высказанный в дореволюционной историографии, был поддержан советскими исследователями. Однако в связи с тем что содержание норм Закона в дореволюционной и советской литературе

¹ ПРП, I, с. 32—33, 34.

² См.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского, 5-е изд. Спб., 1842, кн. I, т. I, стб. 144—145; *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории, т. III. М., 1846, с. 359—360, и др.

³ См.: *Шушарин В. П.* Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964; *Шаскольский И. П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.—Л., 1965, и др.

⁴ *Ключевский В. О.* Сочинения, т. I. М., 1956, с. 219—222.

не было раскрыто, его место в истории права и характеристика отражаемых в нем социальных отношений оказались самыми различными, будучи подчиненными историко-правовым концепциям авторов. Для С. В. Юшкова Закон Русский означал «систему права, сложившуюся в основных центрах Руси, той социальной группы, которая возникла в результате разложения первобытнообщинного строя восточного славянства». Эта система предшествовала Русской Правде. Но несколько далее С. В. Юшков, не аргументируя, отождествлял систему норм обычного права с Русской Правдой «или Законом Русским», «как эта система называлась в русско-византийских договорах, несомненно, являвшаяся типичной для варварского, дофеодального общества»[1]. По мнению В. В. Мавродина, Закон Русский являлся обычным правом, «создававшимся столетиями на Руси»[2]. Б. Д. Греков, полагавший, что древнейший слой Русской Правды отражает общественные отношения «приблизительно» VIII—IX вв.[3] (это перекликается с мнением Л. К. Гетца[4]), специально не рассматривал Закон Русский как особый источник права. М. Н. Тихомиров, изучая состав Древнейшей Правды, относимой им к 1036 году, также не указывал ее соотношение с нормами Закона Русского[5].

Л. В. Черепнин и А. А. Зимин, напротив, рассмотрели связи норм русско-византийских договоров и Русской Правды. Л. В. Черепнин отметил, что нормы «Устава и закона русского» (термин «Закон Русский» он не использовал) попали не только в Правду Ярослава, но и в Правду Ярославичей, и в ПП. Он предположил, что между 882 годом (когда Олег занял Киев) и 911 годом (когда нормы «устава и закона» были использованы в русско-византийском договоре) был создан княжеский правовой кодекс, необ-

[1] *Юшков С. В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, с. 85, 145.

[2] *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 245.

[3] См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953, с. 188; в другом месте Б. Д. Греков относил древнейшую часть Русской Правды к VII—VIII вв. (см. там же, с. 529).

[4] См.: *Goetz L. K.* Das Russische Recht Stuttgart, 1910, Bd. I, S. 141—183, 270—277.

[5] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 48—59.

ходимый для проведения княжеской политики в присоединенных славянских и неславянских землях. По мнению Л. В. Черепнина, кодекс отражал отношения социального неравноправия. Это было «право раннефеодального общества, находившегося на более низкой стадии процесса феодализации, чем та, на которой возникла Древнейшая Правда»[1]. А. А. Зимин также допускал складывание в конце IX — начале X в. раннефеодального права, причем, по его мнению, при Олеге существовало еще обычное право («законы»), а при Игоре появились княжеские законы — «уставы», «поконы», которые вводили денежную кару за нарушение права собственности и нанесение увечий, ограничивали кровную месть, заменяли ее в отдельных случаях денежной компенсацией, начали использовать институты свидетелей-видоков, свода, поединков, присяги, объясняемой «появлением на Руси варягов-полукупцов, полуразбойников». Эти нормы вошли позднее в КП[2]. Хотя некоторые выводы Л. В. Черепнина и А. А. Зимина о развитии раннефеодального древнерусского права в IX—X вв. от правового обычая и обычного права до Русской Правды дискуссионны, их историко-правовые и источниковедческие наблюдения над данным процессом не позволяют говорить о Русской Правде только как о записи обычного права отдельного племени[3] без учета промежуточных этапов его развития, включая Закон Русский, и их отражения в Русской Правде.

Таким образом, исследователями устанавливались связь Закона Русского с обычным правом и их последующее использование в качестве источников составителями КП и даже ПП. Все же содержание древнейшего русского права и его последующее развитие оставались нераскрытыми в результате неразработанности исходной посылки — определения характера и объема восточнославянского обычного права, нормы которого или без доказательства называ-

[1] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.—В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 139—146.

[2] См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность и Русская Правда. — Исторические записки, т. 76. М., 1965, с. 234—240.

[3] См.: *Халфина Р. О.* Обычное право.—Юридический энциклопедический словарь. М., 1984, с. 209.

лись Законом Русским, или вычленялись из состава КП и ПП на основе архаичности формулировок и постановлений.

Исходным пунктом изучения древнейшей истории русского права должен стать проверенный научный принцип: от известного — к неизвестному. Прежде чем определять объем и состав восточнославянского обычного права и Закона Русского, формы их использования в КП, следует выяснить характер законодательства Ярослава и его сыновей[1].

Краткая редакция Русской Правды в составе Новгородской первой летописи

КП сохранилась в двух списках Новгородской первой летописи младшего извода: в Археографическом (Комиссионном) — на листах, написанных почерком первой половины или середины XV в., и в Академическом — середины XV в. А. Н. Насонов отметил, что Археографический (Комиссионный) список более исправен[2]. Оба списка КП, как и самих летописей, восходят к одному протографу. Академический список КП считается более близким к протографу и более исправным, тогда как Археографический содержит больше поновлений, хотя его некоторые чтения лучше передают протограф. По лингвистическим наблюдениям С. П. Обнорского, Академический и Археографический списки восходят к общему протографу, но первый более архаичен и более близок к протографу Академического списка по сравнению со списком Археографическим[1]. Таким образом, хотя в распоряжении исследователей для изучения текста КП имеются два древних списка, восходят они к одному тексту в составе протографа Новгородской первой летописи.

На вопрос, когда КП была включена в летописный свод, исследователи давали самые разные ответы. Но прежде чем обратиться к этим мнениям, следует рассмотреть летописный текст, в связи с которым КП приводится.

В 1015—1016 гг. после смерти Владимира Святославича его старший сын (или пасынок) Святополк захватил власть в Киеве и, стремясь к единовластию, приказал убить своих братьев. Погибли Борис, Глеб и Святослав Владимировичи. Однако против старшего брата выступил новгородский князь Ярослав, прозванный позднее Мудрым. Этому предшествовали трагические события в Новгороде. Новгородцы, возмущенные насилием, чинимым скандинавской дружиной Ярослава, восстали и ночью «исекоша варягы въ Поромони дворе». Разгневанный Ярослав обманом зазвал на княжеский двор «нарочитых» новгородских мужей и «исече» «вои славны, тысящю», «а друзии бежаша изъ града». Однако когда стало известно о смерти Владимира Святославича и убийстве младших братьев, Ярослав собрал вече, повинился перед новгородцами, и те помогли собрать ему для похода на Киев большое войско, которое разбило войско Святополка и вынудило последнего бежать в Польшу, к своему зятю князю Болеславу. Ярослав щедро наградил участников похода.

Рассказы о киевском походе Ярослава и награде его участников по содержанию, а иногда текстуаль-

[1] Под «обычным правом» в историко-правовой литературе обоснованно понимается система норм (правил поведения), основывающихся на обычае, регулирующая общественные отношения в данном государстве, в определенной местности либо для данной этнической или социальной группы. Обоснованно также мнение, согласно которому обычное право создавалось в различных племенах (*Халфина Р. О.* Обычное право, с. 209). Под «законом» мы понимаем правовую норму, санкционированную государством, вне зависимости от ее происхождения в древнерусский период — из обычного права или как следствие нормотворчества, хотя само слово «закон» восходило еще к праславянскому лексическому фонду в период родоплеменного строя (см. далее). Следует отметить, что у историков права существуют значительные различия в интерпретации содержания терминов «обычное право» и «закон», а также путей их конкретно-исторического развития.

[2] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. *М. — Л.*, 1950 (далее — НПЛ), с. 7—10. В академическом издании Русской Правды Академический список по палеографическим признакам относится ко второй четверти XV в., «точнее к 40-м годам XV века», а Археографический (Комиссионный) — к середине XV в. (См.: Правда Русская / Под ред. Б. Д. Грекова, т. 1. Тексты. М. — Л., 1940, с. 67, 77).

[1] См.: Правда Русская, I, с. 78; Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940, с. 8. См. также: *Обнорский С. П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946, с. 29.

но совпадают в древнейшем новгородском летописании (по Синодальному списку XIII в. Новгородской первой летописи) и в южнорусском своде 1113 года — «Повести временных лет», — сохранившемся в редакции 1116 года в Лаврентьевской летописи и в редакции 1118 года в Ипатьевской летописи[1]. Сведений же о судебнике, данном Ярославом по этому случаю новгородцам, в них нет. Поэтому представляется текстуально недоказанным мнение А. А. Зимина о включении КП в киевский Начальный свод 1093 года[2], который лег в основу «Повести временных лет», поскольку текст КП тогда должен был бы сохраниться в составе южнорусских летописных сводов. И. А. Стратонов объяснил историю КП в составе летописей следующим образом: в новгородскую летопись 1017 года был включен древнейший текст грамоты Ярослава, затем в новгородской летописи 1050 года он был воспроизведен с добавлением Правды Ярославичей 1036 года. В новгородском своде 1167 года под влиянием ПП грамота и Правда Ярославичей были объединены. Издержками такого подхода явились определение И. А. Стратоновым КП как частного юридического сборника и особенно сведéние истории КП к деятельности летописца[3].

В новгородской первой летописи младшего извода КП завершает расширенный текст, в основе которого находились свод 1113 года, текст Новгородской летописи старшего извода (сохранился в Синодальном списке), а также фраза, подготавливающая включение судебника в летописный текст, причем летописец объединил новгородскую запись о первом изгнании Святополка из Киева новгородцами и варягами во главе с Ярославом в 1016 году и южнорусские сообщения о втором изгнании Святополка из Киева в 1019 году.

[1] См.: НПЛ, с. 15; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. I. М., 1962, стб. 142; ПСРЛ, т. II. М., 1962, стб. 129.

[2] См.: *Зимин А. А.* К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — Труды Московского гос. историко-архивного института, т. 7. М., 1954, с. 164—170.

[3] См.: *Стратонов И. А.* К вопросу о составе и происхождении Краткой редакции Русской Правды. Казань, 1920, с. 33—39; см. также: *Зимин А. А.* К истории текста... с. 207—208.

Новгородская
первая летопись
старшего извода
1016... И бысть сечи зле,
и до света победиша
Святопълка. И бежя
Святопълкъ въ печенегы,
а Ярослав иде Кыеву,
и седе на столе отця
своего Володимира.
И нача вое свое делити:
старостамъ по 10 гривенъ... а
новъгородьчемъ по 10 всемъ; и
отпусти в домовь вся.[1]

Повесть временных лет
(ред. 1116 г.)
1019... бысть сеча зла,
яка же не была в Руси,
и за рукы емлюче сецяхуся
и сступашася трижды яко
по удольемь крови тещи.
К вечеру же одоле Ярославъ,
а Святополькъ бежа...
прибежа в пустыню межю
ляхи и чехы, испровержс
зле животъ свои...[2]

Новгородская
первая летопись
младшего извода
1016... И бысть сеча зла,
оже за рукы емлющеся сечаху
и по удолиемъ кровь течаше;
мнозе вернии видяху аггелы
божиа помагающа Ярославу;
и до света победиша
Святополка. И бежа
Святополкъ в печенегы,
и бысть межи чахы и ляхы,
никим же гонимъ пропаде
оканныи,
и тако зле живот свои скончa;
...а Ярославъ иде къ Кыеву,
седе на столе отца своего
Володимира; и абие нача
вои свои делите,
старостамъ по 10 гривенъ..,
и отпусти ихъ всех домовъ,
и давъ имъ правду, и уставъ
списавъ, тако рекши имъ:
«по се грамоте ходите,
якоже списах вамъ, такоже
держите». А се есть правда
руская[3].

Учитывая привлечение новгородским летописцем южнорусского летописного памятника, М. Д. Приселков предположил компиляцию в первой четверти XV в. ранее не использованного в новгородском летописании киевского свода начала XIII в., в приложении к которому находилась КП. Этот судебник был включен, по мнению исследователя, в рассказ о награде Ярославом новгородцев[4]. По мнению М. Н. Тихомирова, КП была вставлена в новгородский свод 1167 года, причем составитель Новгородской первой летописи младшего извода произвольно перенес КП из сообщения 1035 года в рассказ о событиях 1019 года[5].

Указанные предположения о времени включения КП в состав летописи сугубо гипотетичны. Отсутст-

[1] НПЛ, с. 15.

[2] ПСРЛ, I, стб. 144—145; аналогичный текст в «Повести временных лет» (ред. 1118 г.): ПСРЛ, II, стб. 132.

[3] НПЛ, с. 175—176.

[4] См.: *Приселков М. Д.* Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды. — Исторические записки, т. 16. М., 1945, с. 241.

[5] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 35—40.

вуют даже косвенные данные о ее истории в составе предшествующих летописных сводов. КП обнаруживается лишь в двух списках середины XV в., восходящих к одному протографу. Да и в последующем новгородском летописании эта композиция летописного свода была существенно изменена: архаичная по форме и содержанию КП заменена более совершенной ПП. Поэтому не представляются доказанными мнения о включении КП в южнорусские летописные своды и в новгородское летописание до XIII в.[1], а также о составлении КП в результате деятельности летописцев, поскольку КП в целом использовалась как источник при составлении ПП (см. далее).

Датировка, а также объяснение летописцем обстоятельств появления КП, имеют не абсолютное, а относительное значение. Из факта включения КП в новгородское летописание можно сделать более ограниченные, но и более определенные выводы. Как следует из композиции статей южнорусского и новгородского летописного сводов и вступительной фразы к тексту судебника, летописец использовал в протографе Новгородской первой летописи младшего извода летописные и юридические источники, с которыми он обращался довольно свободно: объединял различные события под одним годом, дополнял исходный новгородский текст южнорусскими материалами и собственными вставками. Однако эти дополнения были не произвольны, у всех них кроме стереотипной фразы о помощи ангелов устанавливается источник. Поэтому можно предположить, что при отнесении КП ко времени Ярослава и новгородским событиям летописец пользовался, вероятно, не дошедшим до нас заголовком судебника, поскольку в тексте, кроме предпоследней ст. 42 (Покон вирный), нет данных о составлении ее при Ярославе. Напротив, в середине КП (ст. 19) находится заголовок об установлении Правды Ярославичами и их мужами, что при отсутствии предполагаемого заголовка способствовало бы отнесению летописцем всего судебника Ярославичам. В данной связи представляется верным предположение о том, что КП имела заголовок «Суд Ярославль Володимеричь», который при включении судебника в летопись был опущен, тогда как составителями ПП он был сохранен (см. об этом далее).

[1] Как отметил С. П. Обнорский, новгородский по происхождению протограф Академического и Археографического списков КП был составлен во второй половине XII—XIII вв. (См.: *Обнорский С. П.* Очерки... с. 30).

Пометы „зри" и „смотри" в Академическом списке Новгородской первой летописи младшего извода

В Академическом списке Новгородской первой летописи младшего извода рядом с текстом КП имеются пометы «зри» и «смотри», сделанные рукой летописца. Их толкование различно. М. Н. Тихомиров, принимая гипотезу А. А. Шахматова о зависимости Академического списка от Археографического и Троицкого списков Новгородской первой летописи и Новгородского свода 1448 г.[1], видел в этих пометах следы сверки переписчиком текста КП с другим оригиналом[2]. По мнению В. П. Любимова, пометы «зри» и «смотри» указывают на один источник, которым пользовался составитель протографа Академического списка[3]. А. А. Зимин справедливо критиковал В. П. Любимова за предположение, сделанное на этом основании, о непосредственном использовании летописцем XV в. Начального свода 1093—1095 гг., к тому же самостоятельно существовавшего. Однако, принимая наблюдение В. П. Любимова о причине появления помет, указав на первую из них, где в списке киевских митрополитов перечень без пропусков идет до 30—40-х годов XII в., А. А. Зимин сделал вывод об использовании летописцем XV в. предполагаемого свода 1136 г., который включал текст КП[4].

Проведенный анализ помет «зри» и «смотри»

[1] См.: *Шахматов А. А.* Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 181.
[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование.... с. 43.
[3] Это мнение, высказанное в докладе, приведено А. А. Зиминым (см.: *Зимин А. А.* К истории текста... с. 157).
[4] *Зимин А. А.* К истории текста... с. 157—164.

был выборочным и не раскрывал причин их появления. Поэтому целесообразно рассмотреть значение их в тексте летописи.

Первая помета «зри» в Новгородской первой летописи младшего извода относится к перечню русских митрополитов. Он находится под 989 годом среди списков киевских и новгородских князей, новгородских епископов и посадников, перечисления русских епископий. Однако значение пометы «зри» раскрывается, по нашему мнению, не в перечислении митрополитов, перерыв в котором, по мнению А. А. Зимина, отразил время составления летописного свода, а в отношении летописца к приводимым спискам. В статьях, предшествующих Археографическому списку Новгородской первой летописи, также находятся княжеские родословия, списки киевских великих и новгородских князей и т. д., что указывает на особый (начетнический) интерес к составлению подобного рода перечней. Их текстуальное совпадение, включая одинаковую форму «строй» вместо «стрый»— «дядя по отцу», свидетельствует об их восхождении к общему протографу, но можно также сделать вывод о новгородской обработке в Академическом списке протографа отдельно существовавших перечней, как следует из появившегося там новгородского «цокания» (Святополци, Ярополци, Давыдовиць, вместо Святополчи, Ярополчи, Давыдовичь) при сохранении вместе с тем в некоторых словах «ч» (Ростиславич, Володимирич).

Помета «зри» находится в Академическом списке в том месте, где составитель его протографа[1] нарушил систему перечней, сохранившуюся в Археографическом списке. В Академическом списке (и его протографе) после перечней великих киевских и новгородских князей появляется помета «зри». Здесь перечень новгородских посадников переставлен в конец списков, а перечень новгородских тысяцких устранен совсем, список русских митрополитов приведен неполно, а перечни новгородских епископов и архиепископов объединены, и их текст значительно сокращен[1]. Таким образом, помета «зри» появилась в том месте, где началась творческая работа составителя протографа Академического списка Новгородской первой летописи, причем данная работа заключалась в изменении композиции и переработке источников. Об этом же свидетельствует оставленное составителем протографа и сохраненное в Академическом списке свободное от записей место перед списками русских митрополитов, новгородских архиепископов и епископов русских (лл. 36 об., 37), причем л. 38 был заполнен первоначально только до середины.

Следующая помета «зри» находится у заголовка повести «О убиении Бориса и Глеба» под 1015 годом. Эта повесть южнорусского происхождения не входила в древнейшие новгородские летописные своды, в них существовал лишь сокращенный рассказ об убийстве Бориса и Глеба[2]. В состав протографа Новгородской первой летописи младшего извода повесть «О убиении Бориса и Глеба» вошла в варианте, восходящем к «Повести временных лет», в редакции 1113 года, до слов «Глебу же убьену бывшю и поверженү на брезе межи двема колодама» (в новгородской летописи: «И убиену же Глебови и повержену на месте пусти межи двема колодама»). Далее тексты «Повести временных лет» в редакциях 1116 и 1118 гг. совпадают, а в Новгородской первой летописи младшего извода следует совершенно иное повествование. Под 1016 годом происходит неудачная редакционная перестановка событий: сначала помещено сообщение о Любечской битве, в которой Ярослав победил Святополка и тот «бежа в ляхы», затем излагается рассказ о предшествующем новгородском княжении Ярослава, о его походе на Киев и снова о сражении под Любечем, в чем отразилась контаминация различных источников[3]. Таким образом, вторая помета «зри» указывает на включение в состав летописи редакционно измененного текста.

[1] Мнение о восхождении помет «зри» и «смотри» к протографу основывается на текстологическом наблюдении о его буквальном копировании писцом Новгородской первой летописи младшего извода (см.: Правда Русская, I, с. 69).

[1] НПЛ, с. 160—164, 469—475.

[2] См. реконструкцию А. А. Шахматовым Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г. (*Шахматов А. А.* Разыскание о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908, с. 617).

[3] НПЛ, с. 169—175; ПСРЛ, I, стб. 132—142; ПСРЛ, II, стб. 118—129.

Третья и четвертая пометы «зри» находятся у заголовков так называемых Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. К их характеристике следует вернуться после анализа остальных помет. Пятая помета «смотри», написанная тем же почерком и чернилами, что и основной текст, находится у летописной записи под 1044 годом: «Ходи Ярославъ на Литву; на весну же Володимиръ заложи Новъгородъ и съдела и». Этого текста в отличие от окружающего нет ни в предшествующем новгородском (ср. Новгородскую первую летопись старшего извода), ни в южнорусском летописании[1]. Совершенно очевидно, что составитель протографа Новгородской первой летописи младшего извода отметил пометой «смотри» редакционную обработку текста, которая заключалась в дополнении основного летописного источника местными записями.

Последняя, шестая помета «зри» находится у заголовка к летописной статье под 1055 годом «Начало княжения Изяславля въ Киеве». Этой статьи не было в Новгородской первой летописи старшего извода, а сам текст указывает на редакционную работу летописца, которая объединяла южнорусские записи о распределении княжеских столов, нападении половцев и заключении с ними мира переяславским князем Всеволодом Ярославичем с новгородскими сообщениями о «клевете» на новгородского епископа Луку и его холопа Дудика[2].

Таким образом, пометы «зри» и «смотри» указывали на редакционные изменения в тексте автором протографа Новгородской первой летописи младшего извода или его источником, причем редакционная обработка заключалась в дополнении, сокращении и перестановке существующих текстов. Поэтому пометы «зри», которые находятся у заголовков Академического списка «Правда роськая» (так называемая Древнейшая Правда) и «Правда уставлена руськои земли» (так называемая Правда Ярославичей), свидетельствуют не только о включении в летопись нового материала, но и о его редакционной обработке, что указывает не на абсолютное, а на относительное значение этих заголовков в исследовании текста КП: они могли появиться в данном месте текста в результате редакционной работы и отсутствовать в первоначальном тексте Правд.

[1] НПЛ, с. 181; ср. НПЛ, с. 16; ПСРЛ, I, стб. 155; ПСРЛ, II, стб. 143.

[2] НПЛ, с. 182; ср. НПЛ, с. 17; ПСРЛ, I. стб. 162; ПСРЛ, II, стб. 151.

Древнейшая Правда и Правда Ярославичей в составе КП

В связи со сделанным выше наблюдением решающее значение в изучении истории текста КП приобретает анализ работы с ней древнерусских кодификаторов, которые использовали ее при составлении ПП.

В ПП также находится запись о съезде Ярославичей, в значительной мере текстуально совпадающая с сообщением КП[1].

КП	**Ст. 2 ПП**
Правда уставлена руськои земли, егда *ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячько Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин, Микула.*	По Ярославе же паки *совкупившеся* сынове его, *Изяслав, Святослав, Всеволод, и мужи их, Коснячько, Перенег, Никифор,* и отложиша убиение за голову, по кунами ся выкупати; а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша.

Среди большого числа комментариев к этим текстам можно отметить два основных направления (с определенными различиями в толкованиях). Согласно одному, сравнение приведенных текстов свидетельствует о том, что заголовок КП переписан с испорченного списка, а его первоначальный текст сохранился в ПП; согласно другому, состоялось два съезда Ярославичей, на что указывают различные заголовки и слово «паки» — опять, снова, повторно. Обсуждался также вопрос о том, когда собирались Ярославичи, до или после смерти отца[2]. Между тем ана-

[1] Здесь и далее тексты КП приведены по Академическому списку с учетом разночтений Археографического списка, ПП — по Троицкому I списку (вторая половина XIV в.), лучше других передающему текст протографа древнейшей Синодально-Троицкой группы списков; данные списки положены в основу комментированных изданий Русской Правды: Правда Русская. Учебное пособие. М.—Л., 1940; Правда Русская, II; ПРП, I, и др.

[2] Сводку мнений см.: Правда Русская, II, с. 121—131.

лиз заголовков позволяет сделать вполне определенные выводы.

Давно отмечено, что князья в приведенном тексте КП названы не в порядке их старшинства и политического значения. Это наблюдение стало одним из оснований предположения М. Д. Приселкова о перестановке имен в угоду Всеволоду после смерти киевского князя Святослава, когда осуждалось изгнание им из Киева старшего брата Изяслава[1]. Однако в летописных сводах, редактировавшихся даже после смерти Святослава, в том числе при сыне Всеволода Владимире Мономахе, при перечне князей более младший Всеволод не ставился впереди старшего Святослава[2].

Кроме того, в КП князья перечислены наравне со своими «мужами» — вольность, невозможная в нормативных и договорных актах XI—XII вв. (и позднее) в условиях социальной дифференциации средневекового общества, в то время как в ПП приведен текст о съезде Ярославичей, где князья указаны отдельно от их «мужей» в полном соответствии с иерархическим принципом. В начале Устава о резах Владимира Мономаха та же композиция: «Володимер Всеволодичь... созва дружину свою на Берестовемь: Ратибора Киевьского...» (ст. 53 ПП). Вместе с тем несомненен тот факт, что оригинал, к которому через неизвестное количество списков восходит текст КП о съезде Ярославичей, был более полон, чем тот, которым пользовались составители ПП. На это указывает, например, отсутствие в последней прозвища «Микыфора» — Кыянин и следующих за ним подряд имен Чюдина и Микулы[3].

[1] См.: *Приселков М. Д.* Задачи... с. 249—250.

[2] ПСРЛ, I, стб. 161, 162, 163, 166, 167, 173, 181, 182.

[3] У издателей и исследователей КП широко распространено мнение, что Чюдин Микула — одно лицо, причем Чюдин является прозвищем. Причина этого состоит, видимо, в необычности для современного восприятия имени Чюдин, производного от этнического названия «чудь» (см.: Правда Русская, I, с. 71, 80; Правда Русская. Учебное пособие, с. 14; ПРП, I, с. 79; *Зимин А. А.* К истории текста... с. 179—180, 192—193). Такое же объединение двух лиц встречается по отношению к Коснячко и Перенегу (см.: ПРП, I, с. 79; *Зимин А. А.* К истории текста... с. 192). Между тем «Повесть временных лет» сообщает именно о Чюдине в период деятельности братьев Ярославичей: «двор Чюдин», «Тукы, брат Чюдин», Чюдин — посадник или тиун Вышгорода (ПСРЛ, I, стб. 55, 171, 182, 200). Коснячко, киевский воевода, тоже упоминается без прозвища Перенег (там же, стб. 171). О понимании Чюдина и Микулы как разных лиц свидетельствуют также палеографические наблюдения: в Академическом и Археографическом списках КП, а следовательно, в их протографе, между именами Чюдин и Микула стоят словоразличительные знаки, тогда как между именем Микыфор и прозвищем «Кыянин» их нет (между именами Коснячко и Перенег в Академическом списке словоразличительного знака нет, в Археографическом — есть: Правда Русская, т. III. Факсимильное воспроизведение текстов /Под ред. Б. Д. Грекова. М., 1963, с. 16, 27). Поэтому представляется верным последовательное различие этих княжеских «мужей» (см.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 64—65; он же. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 80).

Таким образом, наблюдения над заголовком так называемой Правды Ярославичей позволяют установить, что в его основе находился более полный текст, чем тот, который был использован составителями ПП, однако редактирование его было сделано неумело, в результате чего младший брат Всеволод оказался впереди более старшего брата Святослава, князья и их «мужи» перечислены подряд без указания различий в их социальном положении[1].

В заголовке о съезде Ярославичей, которым начинается ряд статей КП, время съезда не названо, но в ст. 2 ПП оно соотнесено с определенным событием. Слова «по Ярославе» свидетельствуют о том, что собрались Ярославичи после смерти Ярослава. Сложно толкование слова «паки». В исследованиях широко распространился перевод этого слова, данный

[1] В определенной мере указанием на редактирование заголовка в Новгороде служит новгородизм «Микыфор» вместо южнорусского «Никифор» (ср. текст в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, в которые вошли южнорусские летописные своды: «... идеже есть ныне дворъ Гордятинъ и Никифоровъ» (ПСРЛ, I, стб. 55; ПСРЛ, II, стб. 44), и тот же текст, включенный в новгородское летописание: «... идеже есть ныне Гродятинъ и Микифоровъ дворъ» (НПЛ, с. 110—111). Судя по южнорусским летописным памятникам, в XI — первой половине XII вв., т. е. в период составления КП и ПП, имена Никифор, Никола писались через «Н», тогда как написание этих имен через «М» в Новгородских летописях прослеживается с последней четверти XII в. (см.: ПСРЛ, I, стб. 181, 263, 280. 292; ПСРЛ, II, стб. 171, 176, 237, 256, 276, 286, 629, 634; НПЛ, с. 19, 203; ср. с. 35, 42, 45, 224, 235, 239 и др.). В Ипатьевском списке появляется изредка форма «Микифор», но в Хлебниковском и Погодинском списках она же передана через «Н», и эти же лица в том же Ипатьевском списке названы «Никифор» (ср.: ПСРЛ, II, стб. 276, 280, 286). Отсюда можно предположить, что сообщение о съезде Ярославичей и их «мужей» правлено в Новгороде после третьей четверти XII в.

Н. И. Ланге, как «вторично»[1]. «Паки» стало существенным аргументом в пользу предположения о том, что состоялись два съезда Ярославичей. Мнения сторонников этой гипотезы расходились лишь в том, был ли созван первый съезд до смерти Ярослава или после нее. Первое мнение существенно изменялось: от общего предположения о съезде братьев, собравшихся до смерти Ярослава, до датировки Правды Ярославичей (княжеского устава Ярославичей) концом правления их отца в 1036—1052 гг., когда княжичи стали взрослыми[2]. Между тем оставались неопровергнутыми наблюдения Б. А. Романова об отсутствии указаний в заголовке КП на первый съезд, а также о несоответствии заголовка КП о съезде Ярославичей сообщению В. Н. Татищева «просиша новгородцы да дасть [Ярослав] им грамоту, како судити и дани давати, иже первая им неукромна; он же повеле сыновом своим Изяславу и Святославу созвати люди переднии от киевлян, новгородцов и иных городов, написав, даде им грамоты, како судити и дани давати, заповедав по всем градам тако судити и не преступати»[3] (возражения, ссылающиеся на малолетство Ярославичей и юность их мужей, отводились предположением А. А. Зимина о съезде Ярославичей незадолго до смерти отца).

Однако слово «паки» имело в древнерусском языке также значение «потом, кроме того, снова»[4]. В последнем значении, подразумевающем небольшой промежуток времени, — «вскоре» используется это слово в Поучении Владимира Мономаха: «... пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь Скордятичемь, тои пакы и отиде к Берестию... И Святославъ умре, и язъ

[1] См.: *Ланге Н. И.* Исследование об уголовном праве Русской Правды. Спб., 1860, с. 7—8.

[2] См.: *Ланге Н. И.* Исследование... с. 7—8; *Стратонов И. А.* К вопросу... с. 22; *Зимин А. А.* К истории текста... с. 207—208.

[3] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 44—45.

[4] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. Спб, 1895, стб. 866—868. На эти значения обратил внимание А. Е. Пресняков, который решительно возражал против мнения о повторном съезде Ярославичей (см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Спб., 1909, с. 263; он же. Лекции по русской истории, т. I. М., 1938, с. 217); см. также близкое мнение Я. Н. Щапова (*Щапов Я. Н.* К истории Правды Ярославичей.— В кн.: Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984, с. 257).

пакы Смолиньску, а и — Смолиньска тои же зиме та к Новугороду... И пакы и — Смолиньска къ отцю придох Чернигову... И пакы и — Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозе половечьскыи вои...» и т. д.[1]. При понимании слова «паки» как «вскоре» оказывается, что первого съезда Ярославичей, на котором были бы приняты определенные нормативные акты, при жизни Ярослава Мудрого не существовало, а смысл фразы таков: вскоре после смерти отца собрались его сыновья и приняли определенное постановление. Показательно в этой связи, что в тексте не указано, собрались ли они по воле отца или по своей инициативе, тогда как подобные ссылки делались: «Се азъ князь великыи Ярослав, сын Володимеров, *по данию отца своего* сгадал есмь с митрополитом киевскым и всея Руси Иларионом, сложихом греческыи номоканон...»[2]. «приведох епископа Смоленску, здумав с людми своими, *по повелению отца своего святого,* еже хотев при животе своем сътворити»[3].

Даже если принять значение слова «паки» как «снова», или «вторично» (после небольшого перерыва), то и в этом случае преамбула сообщает о вторичном собрании братьев вскоре после смерти Ярослава в связи с принятием особого закона, тогда как первый съезд состоялся по неизвестному поводу (скорее всего для реализации завещания Ярослава по распределению княжеских столов).

Суть принятых Ярославичами постановлений, согласно ст. 2 ПП, заключается в том, что они 1) запретили кровную месть, заменив ее выкупом («отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати»); 2) подтвердили прежние постановления Ярослава («а ино все, яко же Ярослав судил, такожe и сыновей его уставиша»)[4].

[1] См.: ПСРЛ, I, стб. 247—248.

[2] Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. /Подгот. Я. Н. Щапов. М., 1976, с. 86, 91, 93 и сл.; эта формула находилась в архетипе устава Ярослава (*Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 293).

[3] Грамота 1136 года смоленского князя Ростислава Мстиславича. — В кн.: Древнерусские княжеские уставы... с. 141.

[4] Интерпретации постановлений Ярославичей в ст. 2 ПП посвящена большая литература (см. сводку мнений: Правда Русская, II, с. 245—254). Мы следуем толкованию текста, проведенному А. А. Зиминым (см.: *Зимин А. А.* К истории текста... с. 180).

Итак, анализ содержания текста КП о съезде Ярославичей вновь обращает внимание на его особенности, тогда как ст. 2 ПП раскрывает суть юридических постановлений Ярославичей. При этом оказывается, что так называемая Правда Ярославичей (ст. 19—41 КП) по содержанию не совпадает с их юридическими постановлениями, о которых сообщается в ст. 2 ПП, а съезд Ярославичей, на котором решались правовые вопросы, состоялся только один.

Сделанные наблюдения можно продолжить посредством анализа работы с КП древнерусских правоведов в процессе составления ПП. Последнюю они озаглавили: «Суд Ярославль Володимеричь. Правда Русьская», отнеся, таким образом, всю Русскую Правду (Краткую редакцию) к законодательству Ярослава Мудрого. Подобный подход прослеживается и при изучении статей ПП. Например, ст. 1: «Аще убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата..; оже ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь,.. ли словенин, то 40 гривен положити за нь». Часть ее текстуально совпадает со ст. 1 КП: «Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата..; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин..; любо словенин, то 40 гривен положити за нь». Это совпадение легко объясняется, поскольку ст. 1 КП начинает Древнейшую Правду — Правду Ярослава, а ПП названа «Суд Ярославль Володимеричь». Но в ней же содержатся нормы, которые совпадают с нормами статей, относимых исследователями к Правде Ярославичей, поскольку они следовали за заголовком, сообщавшим о съезде братьев-законодателей (ср. ст. 19 КП: «Аще убьють огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиици, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен»). Следовательно, составители ПП рассматривали весь текст КП, которым они пользовались, как законы Ярослава. И они сами не оставляют никаких сомнений в этом своим читателям, поскольку пишут в следующей, уже приводившейся выше ст. 2 ПП, что после смерти Ярослава «паки» собрались Изяслав, Святослав, Всеволод и их мужи и отменили кровную месть, «а все остальное, то как Ярослав судил, так и его сыновья постановили». Следовательно, справедливость гипотезы, возникшей при анализе текста КП и летописей, об отнесении всего текста КП ко времени Ярослава Мудрого подтвердилась недвусмысленными указаниями древнерусских правоведов, которые работали в начале XII в. над составлением ПП.

Предположение о том, что совместная юридическая деятельность Ярославичей ограничилась отменой кровной мести, находит подтверждение и в ст. 65 ПП, в которой редактировалась ст. 17 КП.

Ст. 17 КП	**Ст. 65 ПП**
Или *холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть недати его,* то холопа пояти, *да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть ударены тои* мужь, *да бьють его.*	...аже *холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а* затемь аче и *где налезеть ударены* тъ своего истьця, кто его ударил, то *Ярослав был уставил убити и,* но сынове его по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором.

Текстуальные совпадения этих статей свидетельствуют об использовании составителями ПП именно списка КП, однако они отредактировали ст. 17 КП в соответствии с постановлением Ярославичей. О том, что ст. 17 КП была отредактирована не самими князьями, а позднее, на основе их постановления, свидетельствует ссылка на последнее вместо прямого нормотворчества («но сынове его по отци уставиша на куны», ср. ст. 2 ПП: «По Ярославе... отложиша убиение за голову, но кунами ся выкупати»). Отсюда можно также заключить, что текст КП, включенный в ПП, редактировался позднее совместной деятельности Ярославичей[1].

О единстве КП говорит и тот факт, что ст. ст. 19—41 не развивают нормы, содержащиеся в ст. ст. 1—18 КП, а представляют собой особое законодательство[2]. Лишь ст. 2 повторяет ст. 30 КП.

---

[1] Нельзя поэтому согласиться с мнением А. А. Зимина в связи со ст. 65 ПП, что Ярославичи отменили убийство холопа специальным постановлением (см.: *Зимин А. А.* К истории текста... с. 180): в данном случае норма КП редактировалась в соответствии с постановлением Ярославичей в целом о запрещении кровной мести, на что указывает ссылка на предшествующие законы Ярослава и его сыновей.

[2] Это наблюдение было наиболее обстоятельно обосновано Н. А. Максимейко, впрочем, отсюда еще не следует, как полагал

Ст. 2 КП	Ст. 30 КП
Или будеть *кровав или синь* надъражен, *то не искати ему видока* человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли приидеть видок; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.	Аще же придеть *кровав* мужь *любо синь, то не искати ему послуха.*

Текстуальные совпадения в выделенных курсивом словах обеих статей несомненны. Однако в, казалось бы, более архаичной Древнейшей Правде записана развитая по форме юридическая норма (если в суд обратится избитый человек со следами побоев, то ему свидетели не нужны; если крови и синяков нет, то суду нужны свидетели, без них суд такие дела не рассматривает; если в первом случае пострадавший не может за себя отомстить, то с обидчика суд взыскивает 3 гривны и плату врачу). В то же время в более развитом домениальном уставе эта статья заменена лаконичной формулировкой: если придет в суд избитый до крови или синяков человек, то ему свидетели не нужны (однако наказание за преступление в ст. 30 КП не указано, что свидетельствует о неполноте ее текста)[1]. Это противоречие давно было отмечено исследователями, которые пришли к противоположным мнениям. Согласно одному из них, повторение юридической нормы свидетельствует о самостоятельном существовании обеих частей КП. Согласно другому, ст. 30 КП появилась в тексте в результате ошибки писца-составителя или переписчика Новгородской первой летописи или списка КП, которым летописец пользовался[2].

Поскольку в первом случае необъяснимыми остаются причина замены ст. 2 неполно сформулированным постановлением, а также совершенно чуждое по содержанию окружение ст. 30 (ст. ст. 28, 29, 31 — о кражах), чего нельзя сказать об окружении ст. 2 (ст. 1 — об убийстве, ст. ст. 3—7 — об ударах и увечьях), можно считать более обоснованным мнение,

исследователь, что автором обеих частей КП являлось одно лицо (см.: *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I. Харьков, 1914, с. 52—69).

[1] См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право... с. 291.

[2] Сводку мнений см.: Правда Русская, II, с. 191—192; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 253.

согласно которому текст ст. 30 ошибочно появился среди ст. ст. 19—41 КП.

Но возникает вопрос: почему в ст. 23 указывается 80-гривенная вира, «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убиле дорогобудьци», если КП была составлена при Ярославе? Некоторые исследователи считают этот текст доказательством в пользу того, что вторая часть КП была составлена после 1054 года. Для ответа на этот вопрос следует выяснить, когда Дорогобуж, тесно связанный с историей Волынской земли[1], находился под юрисдикцией Изяслава. До 1054 года на Волыни княжил Святослав, в 1054—1057 гг. — Игорь Ярославич. Между 1057 и 1078 годами Волынь контролировалась Святославом и его сыном Олегом, который был оттуда выведен в великое княжение Всеволода Ярославича. Вероятно, перевод Игоря из Владимира в Смоленск в 1057 году был произведен под нажимом Святослава, который настаивал на продолжении своего княжения на Волыни. В 1078 году Всеволод отдал Владимир Ярополку Изяславичу и «придал» ему Туров[2]. Таким образом, оказывается, что ни прямых, ни косвенных свидетельств о княжении Изяслава на Волыни и, в частности, в Дорогобуже между 1054 и 1078 годами нет. Поэтому следует предположить, что Изяслав, второй по старшинству сын Ярослава, княжил на Волыни, пока Владимир Ярославич был в Новгороде, т. е. до 1052 года. После смерти Владимира в 1052 году в Новгород был переведен Изяслав[3], а на Волынь — теперь уже второй по старшинству Святослав. На «западнорусский» период княжения Изяслава может указывать объединение под властью его сына Ярополка по праву наследования «отчины» Владимира и Турова, а также упоминание о туровском княжении Изяслава при жизни отца в Ипатьевской летописи[4].

[1] О том, что в данном случае речь идет о Дорогобуже Волынском, см.: *Голубовская Н. П.* Географические данные в «Русской Правде». Киев, 1913.

[2] См.: ПСРЛ, I, стб. 161—162, 204, 247.

[3] В Софийской первой летописи под 1054 годом: «Изяславу тогда сущю Новегороде...» (ПСРЛ, т. V, вып. 1. Л., 1925, с. 131).

[4] ПСРЛ, II, стб. 150. Если не учитывать приведенных сведений, то следует предположить существование домениальных владений Изяслава в Дорогобуже вне территории собственного

Если вывод о том, что Изяслав был князем на Волыни только при жизни Ярослава, верен, то ст. 23 как аргумент в пользу написания так называемой Правды Ярославичей после смерти Ярослава отпадает.

Таким образом, сделанные наблюдения позволяют установить, что составители ПП относили использованный ими текст КП к законодательству Ярослава. Юридическими постановлениями Ярославичей они считали запрещение кровной мести и замену ее денежным штрафом. Заголовок о съезде Ярославичей, начинающий ст. ст. 19—41 КП, в данном виде вызывает значительные сомнения в подлинности. Однако эти наблюдения не отвергают обоснованные в историографии выводы о разновременности составления отдельных комплексов статей КП. Напротив, они их подтверждают, наполняя в определенной мере иным содержанием законодательство при Ярославе Мудром.

Новгородское восстание 1015 года и Русская Правда

Как отмечалось ранее, летописец, включая КП в состав летописи, связал ее появление с новгородскими событиями 1015—1016 гг. и с награждением Ярославом новгородцев в благодарность за помощь, оказанную в борьбе за великокняжеский киевский стол. Нахождение КП в таком контексте наводило исследователей на мысль о ее новгородском происхождении. Но аргументы сторонников противоположного мнения, подчеркивавших общерусский характер ряда статей КП и древность отражаемых ими общественных отношений, также сохраняли свою силу. Тогда сторонники новгородского происхождения КП более обстоятельно остановились на ее содержании.

княжества или допустить наказание дорогобужцев Изяславом в 1069 году при его возвращении из Польши в Киев (см.: Правда Русская, II, с. 163; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 81; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 187). А. А. Зимин предлагал «рассматривать убийство дорогобужцами старого конюха Изяслава» как протест против усиления феодального гнета, что послужило поводом к реформе — введению виры 80 гривен за убийство членов старшей княжеской дружины (см.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 250).

Н. А. Максимейко отметил специфику правовых казусов и новгородский характер лексики КП, применение слов, типичных для северорусской бытовой и юридической практики, например «варяг», «колбяг», «гридин», «купец», «изгой», «ябетник», характерное именно для Новгорода разделение понятий «русин»— житель южнорусских районов и «словенин» — житель Новгородской земли, и своеобразный подбор статей, отражающих особенности положения Новгорода XI—XII вв., в частности, в начале XI в., в составе Древнерусского государства[1]. Эти аргументы поддержал М. Н. Тихомиров. Он отметил также текстуальные связи Древнейшей Правды с памятниками новгородской письменности[2]. Л. В. Черепнин позднее пополнил аргументы в пользу новгородского происхождения Древнейшей Правды ее анализом как памятника права в целом. Он рассмотрел ее содержание в тесной связи с конкретной исторической ситуацией, сложившейся в Новгороде 1015—1016 гг., и показал определяющую роль социальных и политических событий в подборе норм Правды[3].

Сторонник южнорусского происхождения Древнейшей Правды (в 30-х годах XI в.) С. В. Юшков считал, что аргументы, приведенные М. Н. Тихомировым, не обладают достаточной убедительностью, поскольку для подобного заключения новгородскую лексику следует сравнить с языковыми особенностями других русских земель первой половины XI в., а такие данные отсутствуют, к тому же М. Н. Тихомиров и другие исследователи, настаивавшие на новгородском происхождении Древнейшей Правды, не показали, по его мнению, состояния права в Киеве — центре Древнерусского государства. Л. В. Черепнина С. В. Юшков упрекнул, и в этом он присоединился к К. В. Базилевичу, в методологическом заблуждении, поскольку, по Л. В. Черепнину, возникновение Древнейшей Правды объяснялось не ростом классовых противоречий в новгородском обществе, а борьбой Новгорода с пришлыми элементами — варягами[4]. Возражения

[1] См.: *Максимейко Н. А.* Опыт... с. 11—32.
[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 49—56.
[3] См.: *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков, т. I. М., 1948, с. 240—249.
[4] См.: *Юшков С. В.* Русская Правда, с. 280—284; *Базилевич К. В.* Рецензия. — Советская книга, 1949, № 7, с. 73.

С. В. Юшкова по поводу лексики КП убедительны против гипотезы о новгородском происхождении Древнейшей Правды[1], однако они не опровергают мнения о ее составлении специально для Новгорода князем Ярославом в конкретных обстоятельствах 1015—1016 гг. Упрек же Л. В. Черепнину можно объяснить лишь как полемическое преувеличение, поскольку он поставил перед собой задачу лишь выявить обстоятельство, которое послужило непосредственным поводом для записи Древнейшей Правды. Совершенно обоснованным представляется дальнейший разбор Древнейшей Правды в работах А. А. Зимина, Л. В. Черепнина, Б. А. Рыбакова как законодательного акта, данного в конкретно-исторической ситуации для Новгорода в 1015—1016 гг.[2]. Правда, определенный резон есть в упреке С. В. Юшкова, согласно которому за скобками остается определение общерусского или южнорусского права этого же времени. Но этот пробел без труда заполняется, если признать, как ни парадоксально, новгородское назначение Древнейшей Правды.

Цель и место ее издания разъясняют состав и содержание ее статей. Предшествующая историография очень много сделала для их изучения, и задача дальнейшего исследования заключается, видимо, в том, чтобы избежать односторонности историко-правовых выводов.

Так, сложная структура ст. 1 КП: *«Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову;* аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь», — отмечалась многими учеными[1]. Выделенный курсивом текст содержит основное постановление статьи — сохранение права мести, несмотря на его ограничение: в нем названы ближайшие родственники убитого, которые могли мстить за него.

Повторное «аще» — «если» вводит в ст. 1 перечень лиц, за убийство которых следовало платить штраф в 40 гривен — это русин (в узком значении житель Руси — Среднего Поднепровья, Киевской, Черниговской и Переяславской земель[2], гридин (член младшей княжеской дружины[3], купец, ябетник и мечник (последние двое — члены княжеского административно-судебного аппарата[4]. Новое «аще» добавляет к этому перечню изгоя (человека, изменившего свой социальный статус по объективным или субъективным причинам)[5] и словенина (жителя Новгородской земли)[6].

Отчетливо выделяемые группы лиц, вероятно, были приписаны к первоначальному тексту статьи[7].

Footnotes, page 32:

[1] См.: *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.). М., 1975, с. 62.

[2] См. *Зимин А. А.* К истории текста... с. 171—176; он же. Феодальная государственность... с. 245—248; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 131—139; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь. — В кн.: История СССР, первая серия, т. I. М., 1966, с. 514—516; он же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982, с. 404—408. Следует отметить, что М. Н. Тихомиров, датировав появление Древнейшей Правды 1036 годом (по его словам, «первый опыт законодательства в Новгороде», «запись обычного новгородского права, дополненного некоторыми статьями Закона судного людем»), допускал существование «основы» Древнейшей Правды (ст. ст. 1—11), датируемой им 1016 годом (см.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 61).

Footnotes, page 33:

[1] Обзоры мнений и комментарии см.: Правда Русская, II, с. 16—57; Правда Русская. Учебное пособие, с. 36—39; ПРП, I, с. 85—87; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 75—76.

[2] См.: *Насонов А. Н.* Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 28—50.

[3] Гридин — древнерусское слово, производное от скандинавского gridi — «товарищ, телохранитель».

[4] Слово ябетник, вероятно, является скандинавским заимствованием.

[5] Изгоями считались холоп, который выкупился из холопства, и другие лица, которые меняли свой социальный статус.

[6] В историографии уже давно слово «словенин» считается производным от племени новгородских «словен», на основании чего в композиции ст. I КП отмечается противопоставление южнорусского «русина» новгородскому «словенину» (Правда Русская, II, с. 32—42).

[7] Различные мнения о дополнениях в ст. I КП см.: *Ланге Н. И.* Исследование... с. 102; Правда Русская. Учебное пособие, с. 37; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 49 (позднее М. Н. Тихомиров допускал перечень лиц обоих списков как одновременное перечисление лиц, находившихся под княжеской защитой: *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 75); ПРП, I, с. 86; *Зимин А. А.* Феодальная государственность.... с. 245—247. Л. В. Черепнин разделил слои в дополнительном тексте к ст. I КП иначе, более поздней вставкой он считал только слова «аще изгой», датируемые им временем после 1016 года (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 133—134), однако такое мнение не подтверждается ввиду одинаковой структуры дополнительного текста.

3 Заказ 6646

Если при исследовании КП исходить из конкретной политической ситуации, сложившейся в Новгороде в 1015—1016 гг., то становится ясным, что́ вызвало появление в ст. 1 дополнительных перечней лиц. В них объявляется княжеская защита, с одной стороны, жителей Южной Руси и купцов, младшего княжеского административно-судебного аппарата и членов княжеской дружины и, с другой стороны, одновременно новгородцев и изгоев — лиц, по отношению к которым существовала тенденция принизить их социальные права. Поэтому представляется, что обе группы лиц были записаны в ст. 1 КП одновременно, причем их композиционное сопоставление означало уравнение в правах данных общественных групп великокняжеской властью и решение важных социально-политических задач в новгородских условиях 1015—1016 гг.[1].

В историографии неоднократно отмечалось, что статьи Древнейшей Правды носят избирательный характер и относятся лишь к определенной стороне жизни княжеской дружины и богатой части городского населения. Например, тематически ограничены статьи КП об ударах и членовредительстве, об оскорблении действием (ст. ст. 2—10), об изымании беглого челядина, скрывшегося у иноземцев, варяга и колбяга (ст. 11), о нарушении права собственности (ст. ст. 12—16, 18), о наказании холопа, который ударил свободного мужа и скрылся от него в «хоромах» господина. Правда не предусматривает также защиту хозяйства, хотя оно и названо в отдельных статьях.

Такая избирательность норм Древнейшей Правды объясняется целью ее издания — урегулировать социальные конфликты, избежать в дальнейшем столкновений новгородцев с наемниками-варягами и купцами-колбягами, стабилизировать положение в Новгороде после завоевания Ярославом с помощью новгородцев и варягов киевского великокняжеского стола в 1015—1016 гг.

Таким образом, на основании рассмотренных выше положений можно сделать вывод о предназначении Древнейшей Правды для Новгорода в условиях

[1] Об одновременности появления обоих дополнительных перечней в ст. I КП см.: *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, с. 287—289.

1015—1016 гг. Это наблюдение возвращает исследование к вопросам, давно поставленным в историографии, об источниках Древнейшей Правды и соотношении их с общерусским правом.

Древнейшая Правда и Закон Русский

Совпадение некоторых норм Древнейшей Правды и статей русско-византийских договоров 911 и 944 гг., которые содержали нормы, определявшие статус русских в Византии, отмечено давно, что позволило сделать вывод о восхождении этих норм к упоминаемому в договорах Закону Русскому[1]. Текстологическое сравнение норм договоров и КП значительно затруднено из-за разновременности их составления и включения в летописи, а также того, что статьи русско-византийских договоров редактировались при их включении в текст с учетом применения в Византии содержащихся в них правовых норм. Поэтому в основе доказательства близости этих юридических памятников лежит совпадение смысла содержащихся в них правовых норм, а не их текстуальное выражение.

Так, положения ст. 4 договора 911 года, ст. 13 договора 944 года[2] и ст. 1 КП о кровной мести родственников убитого носят одинаковый характер.

Ст. 4 договора 911 года	**Ст. 13 договора 944 года**	**Ст. 1 КП**
(1) Аще кто убьеть хрестиана русин или христьян русина, да умреть, идеже аще сотворить убийство. (2) Аще ли убежить сотворивый убийство,	(1) Аще убьеть хрестьянин русина или русин хрестьянина, да держим будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьют и.	Убьеть мужь мужа, (1) то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или либо сестрину

[1] См.: *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836, с. 55—62 и сл.; *Депп Ф.* О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. Спб., 1849, с. 16—20; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 140—141; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 234—240 и др.

[2] Издание договоров с делением на статьи см.: ПРП, I, с. 6—10, 30—35.

аще есть имовит, да часть его, сиречь. иже его будеть по закону, да возметь ближнии убьенаго, а и жена убившаго да имееть толицем же, пребудеть по закону. (3) Аще ли есть неимовит сотворивыи убои и убежав, да держиться тяжи, дондеже обрящеться, яко да умреть.	(2) Аще ли ускочить створивыи убои, [и] аще будеть имовит, да возьмуть именье его ближьнии убьенаго. (3) Аще ли есть неимовит и ускочить же, да ищють его, дондеже обрящется, аще ли обрящется, да убьен будеть.	сынови; (2) аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову.

При сравнении указанных правовых норм может сложиться мнение, что в договорах круг мстящих еще не ограничен, тогда как в КП уже ограничен[1]. Это мнение было бы справедливо, если бы рассматриваемые памятники были однородны. В условиях применения в Византии ст. 4 договора 911 года и ст. 13 договора 944 года лишь постулировали право на кровную месть, предусматривая, очевидно, что определение круга мстителей является внутренним делом русской стороны по Закону Русскому. В византийском праве дела об убийстве решались по иным правовым принципам: преступник карался смертью за предумышленное или непредумышленное убийство, но только после суда; самоуправство и самосуд не допускались[2]. Участие близких родственников в выкупе или право их на месть византийский закон не предусматривал.

Указание круга мстителей в ст. 1 КП было обязательно, поскольку в условиях ее применения в Новгороде при решении конфликтов между новгородцами и варягами норму русского права надо было соотнести со скандинавским правом. Так как этническая принадлежность варягов в Новгороде и в окружении Ярослава не раскрывается в «Повести временных лет», а иностранные источники позволяют установить в их числе шведов, норвежцев и датчан, нет возможности сравнивать ст. 1 КП с областными законами одного из этих скандинавских народов. Особенно

[1] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 140.

[2] См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, с. 72, 188—189.

сложно использовать в этом случае нормы норвежских и шведских судебников, записанных в XII и в основном в XIII в. Поэтому, учитывая синхростадиальность развития (т. е. сущностное единство социально-экономических и социально-политических структур в определенные периоды исторического развития разных народов и государств) Норвегии и Швеции, а также то, что шведы и норвежцы преобладали среди скандинавов на Руси, ст. 1 КП целесообразно сравнить с законом норвежского короля Олава Святого (ок. 995—1030) о наказании за убийство. Ссылка на этот закон сохранилась во введении к законам Фростатинга (область в Средней Норвегии, охватывавшей несколько районов-фюльков): «...кто бы ни убил человека без причины, он должен быть лишен мира и собственности, и где бы он ни был обнаружен, его следует считать вне закона, от него никакое возмещение не может быть принято ни королем, ни родственниками». Недостаточно ясно, подтверждал ли Олав Святой древнее исключительное право на месть, или оно, напротив, сознательно вводилось государством, тогда как скандинавские судебники XII—XIII вв. сохранили разработанную систему выкупа за убийство — вергельда. В данном случае важно отметить, что русская система наказания за убийство в начале XI в. значительно отличалась от скандинавской. Поэтому в условиях применения ст. 1 КП в Новгороде ее надо было особо оговорить. Отсюда можно заключить, что ст. 1 КП перечисляет возможных мстителей согласно русской системе наказания за убийство, тогда как на основании соответствующих статей русско-византийских договоров судить о возможном круге мстителей на Руси нельзя.

Рассматриваемые статьи договоров, сформулированные для применения в Византии, указывают также на возможность выкупа при убийстве, если убийца бежал и у него было «имение». Причем близкие родственники убитого обладали правом на часть откупа. Таким образом, право откупа за убийство, отмеченное в ст. 1 КП, также восходит к Закону Русскому, на что уже указывалось в историографии.

Статьи договоров, предусматривающие взимание штрафов за нанесение ударов, прямо ссылаются на Закон Русский и имеют соответствия в КП.

Ст. 5 договора 911 года	Ст. 14 договора 944 года	КП
Аще ли ударить мечем или бьеть кацем любо сосудом, за то ударение или бьение да вдасть литр 5 сребра по Закону Рускому. Аще ли [будеть] неимовит тако сотворивыи, да вдасть, елико можеть, да соиметь [с] себе и ты самыа порты, в них же ходить, а о проче да роте ходить своею верою, яко никако же иному помощи ему, да пребываеть тяжа оттоле на взыскаема.	Ци аще ударить мечем или копьем, или кацем любо оружьем русин грьчина или грьчин русина, да того деля греха заплатить сребра литр 5 по Закону Рускому. Аще ли есть неимовит да како можеть, в толико же [и] продан будеть, яко да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти; а о проче да на роту ходить по своеи вере, яко не имея ничтоже, ти тако пущен будеть.	Ст. 3. Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне... Ст. 4. Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне...

Указание в договорах на размер штрафа в византийской денежной системе естественно, поскольку подразумевалось, что указанные казусы совершаются на территории Византии. Обычно весь текст ст. 5 договора 911 года и ст. 14 договора 944 года относят к русскому праву (в некоторых работах признается византийское влияние на него)[1]. Между тем ссылка на Закон Русский завершает предшествующий текст, который совпадает по содержанию со ст. 3 и ст. 4 КП. Последующий текст отражает дальнейшую юридическую разработку нормы в конкретных условиях пребывания русских в Византии, исходящую из социальных реалий («имовит» — «неимовит»), чем объясняется отсутствие второй половины статей договоров не только в КП, но и в ПП. Византийское влияние на композицию второй половины статьи проявляется также в дифференциации наказания для «имовитого» и «неимовитого» (ср. Эклога, XVII, 11: «Ворующий в другом месте государства в первый раз, если это сделал свободный человек и состоятельный,

[1] См.: *Мейчик Д.* Русско-византийские договоры. — Журнал министерства народного просвещения. Спб., 1916, № 3, с. 89—103; ПРП, I, с. 17—18; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 140—141; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 236.

вместе с украденной вещью возвратит владельцу двойную ее стоимость. Если же он неимущий, да будет высечен и изгнан. Во второй раз, — да будет отсечена рука его»[1]).

В ст. 6 договора 944 года содержится еще одно указание на Закон Русский: «Аще ли ключится украсти русину от грек что, или грьчину от Руси, достоино есть да възвратить [е] не только точью едино, но и цену его; аще украденное обрящеться продаемо, да власть цену его сугубо, и тои покажнен будеть по закону гречьскому [и] по уставу и по Закону Рускому». В ст. 13 КП аналогичный казус по краже решается совершенно иначе: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своем миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду». Принципиальные отличия во взимании украденной вещи и ее цены в договоре и КП указывают на различные системы права, лежащие в их основе. Сравнение с приведенной выше гл. 11 XVII титула Эклоги свидетельствует о том, что взимание стоимости или двойной стоимости украденной вещи восходит к византийскому праву[2]. В таком случае завершение ст. 6 договора 944 года является не ссылкой на конкретные совпадающие постановления византийского и русского законов, а общим по характеру завершением статьи, основанной на византийском праве: «... и пусть будет наказан греками и русскими»[3]. Норма о воров-

[1] Эклога, с. 69.

[2] А. А. Зимин полагал в 3-гривенном штрафе за кражу коня влияние нормы ст. 6 договора 944 года, поскольку высшая цена коня равнялась 3 гривнам, а 12-гривенный штраф за кражу холопа или удар холопом свободного представлял собой, по его мнению, удвоение высшей стоимости холопа (ПРП, I, с. 46; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 237—238). Однако эти предположения вызывают возражения, поскольку 3- и 12-гривенные штрафы входили в единую шкалу штрафов за воровство, а также за убийства, ранения и оскорбления (80 : 40 : 12 : 5 : 3), за исключением более дифференцированных штрафов за кражу различного рода домашних животных, птиц и отдельных предметов.

[3] Аналогично слово «закон» использовано в ст. 9 договора 944 года, излагающей норму берегового права: «Аще обрящють Русь кубару гречьскую, въвержену на коем любо месте, да не преобидять ея; аще ли от нея возьметь кто что, или человека поработить или убьеть, да будеть повинен закону руску и гречьску», т. е. тот, кто ограбит потерпевшее кораблекрушение судно, обратит в рабство или убьет находившихся на нем людей, пусть будет осужден у русских и греков.

стве, основанная на русском праве, была включена в ст. 6 договора 911 года, но там ссылка на Закон Русский отсутствует.

Л. В. Черепниным было высказано мнение об указании в договоре не только Закона Русского — комплекса правовых норм, но и «устава» — их записи, письменного текста. Оно основывалось на словах Новгородской первой летописи о том, как Ярослав «...дав... Правду... и устав списав», передал новгородцам судебный кодекс[1]. По мнению А. А. Зимина, поскольку в договоре 911 года упоминаются «законы» — обычное право, а в договоре 944 года — «устав и закон русский», то, следовательно, в княжение Олега существовало только обычное право, тогда как при Игоре появились княжеские законы — «уставы» и «поконы»[2] (ранее А. А. Зимин полагал, что в аналогичном выражении ст. 15 договора 911 года, «по закону и по покону языка нашего» сообщалось о существовании устного обычая и письменного закона — «покона»[3]). Между тем представляется, что слова «устав» и «покон» имеют широкое значение — «постановление» независимо от его устной или письменной формы[4] и поэтому они являются в данном случае синонимами слова «закон».

Совпадение правовых норм русско-византийских договоров с содержанием статей КП подтверждает мнение о том, что в их основе находился один источник — древнерусское право. Договоры сообщают его название — Закон Русский.

Авторы, которые рассматривали древнейший период истории русского права, на установлении этого факта прекращали исследование. Они ограничивались утверждением, что Закон Русский представлял собой обычное право (систему юридических обычаев), не делая попыток его реконструкции.

Объективной причиной такого подхода к начальному периоду истории древнерусского права явилась ограниченность источниковой базы, поскольку древнерусских юридических источников сохранилось немного, а более древних памятников, чем русско-византийские договоры, нет. Лишь немногие исследователи, стремясь расширить круг источников для изучения древнейшей истории русского права, привлекали повествовательные (нарративные) материалы[1]. При этом А. А. Зимин попытался реконструировать обычное право Древней Руси VIII—IX вв. и процесс складывания раннефеодального права в конце IX — начале X в. посредством перенесения «архаических» норм КП в более древний период[2]. Однако и в этом случае отсутствовали объективные критерии отбора. Между тем значительные возможности для изучения древнейшего периода истории русского права содержит сравнительно-историческое исследование.

Генезис феодальной общественно-экономической формации происходил как в результате синтеза разлагающихся рабовладельческих отношений на землях Римской империи и родоплеменных отношений у «варварских» народов, переселившихся на ее территорию, так и вследствие непосредственного развития раннефеодального общества из распадающегося родоплеменного строя у народов, населявших обширные пространства Центральной, Северной и Восточной Европы. Установление этих закономерностей исторического развития имеет важнейшее значение для сравнительно-исторического изучения происхождения и развития древнерусского права.

Переселения славянских племен VI—IX вв. явились составной частью Великого переселения народов II—VI вв., когда германцы, славяне, тюрки и другие этнические группы стали передвигаться на огромные расстояния на земли других народов или на пустующие территории. Германские племена, франки, бургунды, остготы, вестготы, лангобарды и другие переселялись в Италию, Галлию, Испанию, в результате чего в V—VI вв. образовались так называемые варварские королевства. В это время славяне расселились от Эльбы на западе до Северского Донца — на востоке, от Балтийского моря — на севере до Дуная, Прута и Днестра — на юге. У южных славян в конце

[1] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 141.
[2] См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 229.
[3] ПРП, I, с. 24.
[4] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка, т. III. Спб., 1903, стб. 1277—1280; ст. ст. 21, 42 КП.

[1] См., например: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения.... с. 139—154; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 230—244.
[2] См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 230—240.

VII в. образовалось Первое болгарское царство, у западных славян в первой четверти VII в. — государство Само, в начале IX в. — Великоморавское государство, у восточных славян — племенные княжения, затем северное и южное государственные образования, объединенные во второй половине IX в. в Древнерусское государство[1], которое к концу X в. стало самым крупным государством Европы.

Исторический период перехода германцев и славян от родоплеменного строя к раннефеодальному обществу проходил в условиях развитого железного века в близких геоклиматических условиях лесной и лесостепной зоны европейского континента, что позволяет установить близость синхростадиальных этапов социально-экономического и политического развития германских и славянских народов в VI—IX вв., несмотря на некоторые различия его темпов вследствие синтеза общественного строя германцев с разлагающимся рабовладельческим строем Римской империи[2]. Близкие социально-экономические отношения в германских и славянских союзах племен, находящихся на стадии разложения родоплеменного строя и появления первых элементов феодальных общественных отношений, одинаково влияли на политическую и правовую надстройку, что выражалось в появлении так называемых «варварских» государств и «варварских» Правд.

«Варварские» Правды являются сложными по происхождению юридическими памятниками[3]. Все они

[1] См.: *Шаскольский И. П.* О начальных этапах формирования Древнерусского государства. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

[2] Изучение генезиса и типологии феодализма в Европе является особой темой научных исследований. См.: Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969; *Удальцова З. В., Гутнова Е. В.* Генезис феодализма в странах Европы. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук); *Королюк В. Д.* Особенности становления феодализма и формирование раннефеодальных государств в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе. — Советское славяноведение, 1970, № 5; *Удальцова З. В.* Генезис и типология феодализма. — Средние века, 1971, вып. 34; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Щапов Я. Н.* Назревшие проблемы типологии древнейших государств нашей страны. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975.

[3] Обстоятельный анализ Правд как памятников права см.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как

основаны на племенных Правдах — устных законах племени или союза племен, но записаны по инициативе королей или герцогов. Такое происхождение и «состав» варварских Правд позволяют использовать их ретроспективно для изучения социально-экономических отношений и отражающих их правовых норм родоплеменного строя. В то же время на их основе можно изучать генезис феодальных отношений и формирование права как нормативного выражения воли господствующего класса.

На запись германских Правд определенное воздействие оказали юридические традиции римского права, а также ранее сложившиеся Правды. Однако определяющее влияние на их состав оказали социально-экономические отношения в обществах, в которых они возникли. Поэтому, как показал А. И. Неусыхин, северогерманская группа Правд, Саксонская, Фризская, Тюрингская и Правда франков-хамавов, записанные в начале IX в., содержат гораздо больше архаических черт, чем возникшие раньше их Рипуарская и Вестготская Правды, что отражало более медленные темпы общественного развития саксов и фризов, чем франков, лангобардов, вестготов и бургундов. Вместе с тем Салическая Правда, записанная по распоряжению Хлодвига (481—511), не содержит данных о начавшемся процессе синтеза галло-романского рабовладельческого строя с общинным строем франков, хотя сложилась она на территории римской Галлии после образования франкского государства. Столь же важны для изучения родоплеменных общественных отношений и племенных Правд близкие по структуре Алеманская и Баварская Правды. В них первые два раздела указывают преступления, подлежащие суду церкви и герцога, а третий представляет собой записи племенных Правд алеманов и баваров, у которых процесс классообразования происходил со значительным опозданием по сравнению с южной и западной группами германских племен при отсутствии синтеза разлагающегося рабовладельческого строя с общинным строем варваров[1].

класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв. М., 1956, с. 46—58; *Корсунский А. Р.* Варварские Правды. — Советская историческая энциклопедия, т. 2. М., 1962, стб. 964—966.

[1] См.: *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... с. 48—58.

Англо-саксонские Правды VII — первой четверти VIII в. также отражают родоплеменные отношения, но в значительной мере разложившиеся, в условиях существования королевств в Кенте и Уессексе.

В Скандинавии первые систематические записи юридических норм появились, в основном, в XIII в. (закон Гулатинга в XII в.). Они основываются на древнем племенном праве. Но при их использовании в сравнительно-историческом исследовании следует иметь в виду, что они существовали и развивались как устное право в течение двух-трех веков в условиях государства, причем специфической особенностью развития феодального права в Скандинавских странах является не запрещение народных собраний — тингов и отправления ими судебных функций, а установление над ними королевского контроля с принуждением посещать народные собрания[1]. Скандинавские судебники отражают уже значительную социальную дифференциацию и сложившиеся раннефеодальные отношения вне зоны романо-германского синтеза, но со специфическими особенностями исторического развития Скандинавских стран.

В западнославянских странах и у неславянских народов Прибалтики писаные судебники появились уже к XIII в. после значительного периода развития классового общества, государства и права с определенным влиянием средневекового немецкого права или в записи на латинском или немецком языке, тогда как в Болгарии и Сербии правовые памятники развивались под значительным византийским влиянием, а в Хорватии — под влиянием латинской традиции при политическом воздействии Венеции, с одной стороны, и Венгрии, с другой (в записи на славянских или латинском языках).

Теоретически обоснованно и практически возможно сравнительно-историческое изучение правовых памятников различных стран Европы периода генезиса феодализма и раннего феодализма с учетом особенностей развития в них классовых отношений. Однако при изучении древнейших правовых норм, вошедших в Русскую Правду, важно установить их сходство с нормами судебников древнейших обществ, в которых,

[1] См.: *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967, с. 157—158.

как и в Древней Руси, феодальные отношения развивались в результате распада родоплеменного строя (что не исключает сравнения Русской Правды и с юридическими памятниками более поздними, чем она, но отражающими близкие синхростадиальные уровни общественного развития).

Учитывая сходство основных этапов социально-экономического развития и становления отражающего их писаного права, обоснованным представляется сравнительно-историческое изучение Закона Русского, Русской Правды и германских Правд, определенные комплексы норм которых основывались на обычном праве вне влияния римской юридической традиции, т. е. Салической, Баварской и Алеманской Правд с учетом данных северогерманской группы Правд, а также с привлечением древнейших судебников других народов, развившихся вне зоны романо-германского синтеза для определения нормативного состава обычного права в разлагающемся родоплеменном обществе и форм древнейшего законодательства в процессе становления раннефеодального общества в Древней Руси.

Праславянское общество в канун распада единства языка и материальной культуры в V—VI вв., насколько можно судить по данным византийских авторов, лингвистическим и археологическим источникам, сравнительно-историческим материалам, находилось на высшей стадии развития родоплеменного строя — «военной демократии», синхростадиально совпадающей с уровнем общественного развития германцев I—III вв.[1]. Характеризуя общественный строй периода «военной демократии» и процесс его последующего развития, Ф. Энгельс писал: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы родового общества, развивающегося в военную демократию... Органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной

[1] См. об этом: *Свердлов М. Б.* Общественный строй славян в VI — начале VII века. — Советское славяноведение, 1977, № 3.

воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»[1].

Высшим органом управления племени было народное собрание. Тацит сообщает, что народное собрание у германцев обладало также судебными функциями. По его словам, «на совете можно также жаловаться и обвинить в уголовном преступлении; различие наказаний зависит от преступления». Сообщив, что предателей и трусов германцы вешали и топили в болоте, Тацит пишет: «Но и в случае более легких преступлений наказание зависит от вида правонарушения: виновные присуждаются к уплате штрафа определенным количеством лошадей и скота. Часть штрафа выплачивается королю или племени, часть — тому, кто обвинял, или его родственникам»[2]. Тацит сообщает также о другой норме права германцев: «Необходимо поддерживать как вражду, так и дружбу отца или родственника, но непримиримые отношения не укореняются: ведь даже человекоубийство искупается определенным количеством крупного и мелкого рогатого скота, и вся семья (universa domus) принимает удовлетворение с пользой для общества, поскольку более опасна вражда, которая находится рядом со свободой»[3]. Эти известия имеют важнейшее значение для изучения начального этапа системы права и организации суда в развитом родоплеменном обществе. Из сказанного следует, что племенное народное собрание осуществляло суд над членами племени (вероятно, в наиболее важных случаях). В процессе суда народное собрание руководствовалось общепринятыми нормами, которые определяли наказание в зависимости от вида преступления, т. е. собрание выносило решение — «правду» в соответствии с обычаем. Не меньшее значение имеют указания Тацита о том, что уже в родоплеменном обществе за совершенное преступление полагался штраф в пользу князя или племени, а кровную месть можно было заменить выкупом. Известия Тацита содержат также важные сведения и о происхождении выкупа за убийство — он возник в результате сознательного отказа от мести, а не из-за отсутствия мстителя.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 164—165.
[2] Tac. Germ., XII.
[3] Ibid., XXI.

Праславянская лексика VI в. н. э. содержала все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству. Так, уже были слова *sǫdъ (суд), *zakonъ (закон), *pravo (право), *pravьda (правда)[1] и т. п. Она отражала также и систему представлений, связанных с правонарушением и наказанием за преступление[2]. Это позволяет предположить наличие судебных функций у народного собрания, а также аналогичных германским по содержанию обычно-правовых норм и суда в праславянском обществе на основе не только общеисторических посылок и сравнительно-исторических материалов, но и лексических данных. Показательно, что понятие «вира» как возмещение за убийство, «вражду» восходит, вероятно, еще к индоевропейской системе правовых представлений, отсюда его единство происхождения, но не заимствование, с герм. Wehr-geld[3]. На основании сообщения Тацита можно также считать ошибочным распространенное мнение о позднем появлении «продажи» — штрафа в пользу князя (соответственно государства) в Древней Руси и в Русской Правде, основанное на том факте, что слово «продажа» упоминается только в так называемой Правде Ярославичей[4]. Между тем одинаковые формулировки правонарушений, равенство размеров штрафов КП и «продаж» в ПП сви-

---

[1] См.: *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка, т. I. М., 1959, с. 241; т. II. М., 1959, с. 121, 129; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, т. III. М., 1971, с. 372, 507, 794; *Брицин М. А.* Из истории восточнославянской лексики. Киев, 1965, с. 83—95; *Степанов Ю. С.* Слова *правда* и *цивилизация* в русском языке. — Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1972, т. XXXI, вып. 2, с. 171—172.

[2] См.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. М., 1978; они же. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка. — В кн.: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

[3] См.: *Ларин Б. А.,* Лекции... с. 63, 79. В дореволюционной историографии на восхождение слова «вира» к индоевропейскому лексическому фонду указывал А Н. Филиппов («Русская Правда» в исследованиях немецкого ученого. — Юридический вестник, М., 1914, кн. VI, с. 207—210).

[4] См.: Goetz L. K. Das Russische Recht. Bd. I, S. 177—183; *Приселков М. Д.* Задачи... с. 245; ПРП, I, с. 102; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 260.

детельствуют о тождестве содержания денежных штрафов в обоих юридических памятниках.

КП

4. Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то *12 гривне за обиду*.
7. Аще ли перст утнеть который либо, *3 гривны за обиду*.
10. Аще ли ринеть мужь мужа... *3 гривне...*
11. Аще ли челядин съкрыется.., то изымати ему свои челядин, а *3 гривне за обиду*.
8. А во усе *12 гривне*, а в бороде *12 гривне*.
34. А иже межу переореть любо перетес, то *за обиду 12 гривне*.
32. А в княже борти *3 гривне...*
33. Или смерд умучать... *за обиду 3 гривны;* а в огнищанине... *12 гривъне*.

ПП

23. Аже кто ударить мечемь, не вынез его, или рукоятию, то *12 гривен продажи за обиду*.
28. Аже перст утнеть кии любо, *3 гривны продаже*, а самому гривна кун.
31. Аче попъхнеть мужь мужа... то *3 гривны продажи...*
32. А челядин скрыеться .., то свои челядин поняти, а оному платити *3 гривны продажи*.
67. А кто порветь бороду.., то *12 гривен продаже...*
72. Аже межю перетнеть бортьную, или роленную разореть.., то *12 гривен продажи*.
75. Аже борть подътнеть, то *3 гривны продаже...*
76. Аже пчелы выдереть, то *3 гривны продажи...*
78. Аже смерд мучить смерда.., то *3 гривны продажи*, а за муку гривна кун; аже огнищанина мучить, то *12 гривен продаже*, а за муку гривна.

Отсюда следует, что денежные суммы, указанные в КП, представляли собой штрафы — «продажу» в пользу князя[1], а не возмещение пострадавшим, которое стало указываться вместе с «продажей» лишь в ПП, в чем можно видеть развитие писаного права, в котором уточнены юридические формулировки, но не появление новой правовой нормы[2]. При этом «обида» оказывается названием правонарушения, за которое назначался публичный штраф.

На то, что кодификаторы при составлении ПП не придавали особого значения термину «продажа» как специальному обозначению штрафа, указывает ст. 42

---

[1] См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Das Russische Recht.— Русская Правда. Киев, 1911, с. 20; *Юшков С. В.* Русская Правда... с. 288.

[2] Представляется поэтому неудачным предположение о содержании штрафа как вознаграждения потерпевшему и публичного штрафа одновременно (*Депп Ф.* О наказаниях... с. 45—49; *Стратонов И. А.* К вопросу... с. 15—17).

ПП, где снято слово «продажа», в отличие от ее источника — ст. 40 КП, где «продажа» названа.

Ст. 40 КП	**Ст. 42 ПП**
Аже украдуть овъцу или козу, или свинью .., 60 резан продажи...	Аже крадеть скот на поли, или овце, или козы, ли свиньи, 60 кун...

Сделанные наблюдения позволяют раскрыть содержание ст. 2 КП, которая, казалось бы, свидетельствовала о непосредственном денежном возмещении пострадавшему ответчиком: «Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому..; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда». Эту статью, взятую изолированно от других норм Русской Правды, можно так интерпретировать[1]. Однако при сравнении со ст. 29 ПП раскрывается ее иное содержание. В ст. 29 ПП в соответствии с общей редакцией судебника указана в качестве штрафа «продажа»: «Аже придеть кровав мужь на двор или синь, то видока ему не искати, но платити ему продажю 3 гривны». Возникает мысль, что в ПП частное вознаграждение заменено публичным штрафом. Между тем, если считать, что штрафы, указанные в КП и ПП, являлись «продажами», как показывает выполненное ранее сравнение, то и в ст. 2 КП также названа «продажа». Такому толкованию текст ст. 2 КП не противоречит. В выражении «оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне» местоимение «ему» воспринималось как Dativus commodi, тогда как в данном случае это Dativus auctoris как и местоимение «себе». В этом случае текст содержит следующую мысль: «если [кто] *за себя* не может мстить, то взять *за него* [князю] за обиду 3 гривны». При таком понимании норма ст. 2 КП оказывается не исключением, а правилом в ряду других норм о публичных штрафах, и в соответствии с принципом редактирования составителями ПП содержит в судебнике указание о «продаже»[2].

Поэтому мнение об относительно позднем появлении «продажи» — публичного штрафа не представля-

---

[1] См.: Правда Русская, II, с. 58—64.

[2] На 3 гривны как «продажу» и «мзду», как частное вознаграждение, которые сформулированы под более поздним влиянием ПП, указывал А. Е. Пресняков (см.: *Пресняков А. Е.* Княжое право... с. 264; он же. Лекции... с. 214).

4 Заказ 6646

ется доказанным. Ее истоки восходят к периоду распада родоплеменного строя, а сложилась она, вероятно, в период существования Древнерусского государства в IX—X вв., так что законодательство Ярослава только зафиксировало ее существование. Частное вознаграждение княжеским законом не оговаривалось. В ПП возмещение пострадавшему указывалось, но отдельно от публичного штрафа: «аче ли утнеть руку.., то полувирье 20 гривен, *а тому* за век 10 гривен» (ст. 27 ПП), «аже перст утнеть кии любо, 3 гривны продаже, а *самому* гривна кун» (ст. 28 ПП); «аже ударить мечемь.., то 3 гривны, а *самому* гривна за рану же лечебное...» (ст. 30 ПП); «аже выбьють зуб.., то 12 гривен продаже, *а за зуб* гривна» (ст. 68 ПП); «аже борть подътнеть, то 3 гривны продаже, *а за дерево* пол гривны» (ст. 75 ПП); и др. А. А. Зимин, предполагавший замену при Ярославичах штрафа «за обиду», который, по его мнению, шел пострадавшему, «продажей» и компенсацией «за век» при сравнении ст. 7 КП и ст. 28 ПП, равно как и других статей КП и ПП, не заметил того, что при таком толковании складывается парадоксальная и необъяснимая судебная практика: официально утвержденное возмещение пострадавшему становилось значительно меньшим, чем ранее. Однако этого парадокса не произойдет, если считать указанные в КП суммы как штрафы «за обиду» в пользу князя (возмещение пострадавшему не называется); в ПП те же штрафы именуются «продажами», и изредка фиксируется меньшее по размерам возмещение пострадавшему. При этом оказывается, что в ст. 27. ПП («полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен») отмечается продолжение старой традиции княжеских штрафов: в ст. 5 КП о повреждении руки — источнике ст. 27 ПП — указан штраф в 40 гривен, равный вире — княжескому штрафу за убийство, так что при сокращении вдвое княжеского штрафа за это увечье естественно его определение как полувирье при точном определении возмещения пострадавшему — 10 гривен[1].

[1] Ср: аналогичную по форме и по содержанию ст. 4 Латгальской Правды: «За увечье ноги или руки, глаза или носа [виновный] должен заплатить половину [суммы] возмещения за убийство человека» (*Назарова Е. Л.* «Ливонские Правды» как исторический источник. — В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1979. М., 1980, с. 172).

Определение времени, когда была ограничена кровная месть выкупом, а также установлен публичный штраф, существовавший одновременно с вознаграждением пострадавшему или его родственникам (на высшей стадии развития родоплеменного строя — в период «военной демократии»), позволяет также сделать вывод об ошибочности мнения о том, что они появлялись по мере их упоминания в Русской Правде, и выделения на этом основании этапов ее становления как памятника права (в новейшей историографии этот исследовательский прием последовательно проводился А. А. Зиминым) без учета особенностей Русской Правды как источника писаного права, отражавшего уже сложившиеся нормы устного права. Данное наблюдение свидетельствует также о недоказанности мнений о происхождении ограничения кровной мести под влиянием государства, христианства или византийского права[1].

Синхростадиальная близость общественного строя славян и германцев в период Великого переселения народов и образования государств позволяет провести сравнительно-историческое исследование правовых норм восточных славян в период образования Древнерусского государства (по русско-византийским договорам) и норм германских Правд, в которых не отразились явления романо-германского синтеза общественных отношений. В основу системного сравнения норм судебников взяты по изложенным ранее причинам Салическая, Баварская, Алеманская Правды, статьи северной группы германских Правд, Саксонской, Тюрингской, Фризской и других, англосаксонские и скандинавские судебники привлечены факультативно в случае отсутствия соответствующих статей в избранных для сравнения Правдах или, напротив, для определения распространенности рассматриваемых норм. Учитывая, как установлено выше, что Закон Русский был источником норм Древнейшей

[1] См. *Miklosich F.* Die Blutrache bei den Slaven. — Denkschriften der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Bd. 36. Wien, 1888, S. 135—137; *Goetz L. K.* Das Russische Recht. Bd. I, S. 207—211; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... с. 327, и др. Следует отметить, что еще В. И. Сергеевич полагал, что княжеские виры существовали до Владимира, а обычай частного выкупа, заменявшего месть, был еще древнее, но не обосновал своего мнения (см.: *Сергеевич В.* Лекции и исследования по древней истории русского права. 3-е изд. Спб., 1903, с. 382).

Правды, целесообразно также их последовательное сравнение[1].

Следует отметить, что в отличие от нормы ст. 4 договора 911 года, ст. 13 договора 944 года и ст. 1 КП (с определенными различиями, вызванными особенностями происхождения данных памятников) о праве кровной мести и о праве выкупа за убийство в германских Правдах отмечается только денежный вергельд — вира[2], что свидетельствует о запрещении мести в германских государствах и государственных образованиях ко времени их кодификации. Лишь архаическая по юридическим нормам Саксонская Правда предусматривает наряду с вергельдом (Lex Sax., XXVII) наказание смертью: «Если кто вследствие вражды убьет в собственном доме, наказывается смертью». В пользу того, что в данном случае имеется в виду публичное наказание, а не кровная месть, свидетельствует глава, утверждающая судебный приговор и государственное преследование убийцы: «Пусть осужденный на смерть нигде не имеет мира; если же он убежит в церковь, пусть его выдадут» (Lex Sax., XXVIII).

Данные Тацита о происхождении денежного выкупа (еще в натуральной форме — крупного и мелкого скота) не в результате отсутствия мстителя, а вследствие сознательного отказа от мести, аналогичное указание Саксонской Правды позволяют обоснованно толковать слова ст. 1 КП «аще не будет кто мьстя» как указание на добровольный отказ от мести. Лишь небольшое число исследователей понимали это выражение в данном смысле. Между тем оно представляется верным. В этом случае оказывается, что норма ст. 1 КП завершает долгую эволюцию ограничения права кровной мести (это выразилось также в значительном сужении круга мстителей), тогда как понимание ее как вынужденный отказ в результате отсутствия мстителя оценивало ее как среднее звено эволюции, за которым добровольный отказ еще должен был

[1] Здесь и далее перевод Салической Правды Н. П. Грацианского (Салическая Правда. Пер. проф. Н. П. Грацианского. М., 1950), Алеманской и Баварской Правды — Г. М. Даниловой (*Данилова Г. М.* Алеманское и баварское общество VIII — начала IX вв. Петрозаводск, 1969), переводы других германских судебников — автора.

[2] Lex Sal., XV; Lex Alam., XLIX, 1; Lex Bajuv., IV, 28; Lex Fris., I, 1, 2, 3, 5, 6; Lex Thuring., I, 1, 2.

последовать. Реформа Ярославичей, запретившая кровную месть, лишь завершила длительное развитие правовых норм, ее ограничивающих.

Статья 5 договора 911 года, ст. 14 договора 944 года и ст. ст. 3, 4, 9 КП, в основе которых находился, как установлено ранее, Закон Русский, имеют аналогии в нормах германских Правд о нанесении ударов рукой, оружием или отдельными предметами, хотя в них основное внимание уделено видам ранений, а не предметам, которыми удары нанесены.

Lex Sal.	Lex Bajuv.	Lex Sax.
XVII, 6. Если какой-нибудь свободный ударит палкой свободного, но так, что кровь не пойдет, то до 3 ударов за каждый удар платится по 120 ден... 7. Если же пойдет кровь, платится столько же, сколько полагается за рану железом. 8. Если кто ударит другого сжатым кулаком...	V. 1. Если кто ударит другого кулаком, должен уплатить ½ солида.	VI. Если [кто] порежет мечем одежду или щит, пусть уплатит штраф 36 солидов или поклянется сам третий. VIII. Кто устремится на другого с обнаженным мечем и удержан другим человеком, пусть уплатит штраф 12 солидов...

Сравнение данных правовых норм Закона Русского, КП и германских Правд свидетельствует об их типичности для устного права племенных Правд, и поэтому следует считать верным конечный вывод А. А. Зимина о происхождении нормы ст. 3 КП из обычного права (по нашему мнению, из племенной Правды (о ее типологически стадиальном отличии от обычного права см. далее), к которой восходят также ст. ст. 4 и 9 КП). Однако аргументам А. А. Зимина в пользу этого мнения следует возразить. Он полагал, что в первоначальном тексте ст. 3 КП было указано только право на месть: «Аще сего (обидчика.—*А. З.*) не постигнуть (не настигнуть местью. — *А. З.*) ...то ту конець», отметив сходство ст. ст. 2 и 3 КП по структуре и содержанию. Между тем в ст. 3, как и в ст. 2 (о последней см. далее), санкция «...то ту конець» относится к непосредственно предшествующему тексту статьи. Отсюда следует, что исходной нормой являлась следующая: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью.., то 12 гривне». В пользу

этого мнения свидетельствуют тождество ее структуры с аналогичными ст. ст. 4 и 9 КП и с указанными нормами германских Правд, а также аналогичная норма ст. 25 ПП: «Аже кто кого ударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылеснию, то 12 гривен». Эта норма фиксировала обычное для «варварских» Правд и их предшественниц — устных племенных Правд — правонарушение и устанавливала денежный штраф. В таком случае казус «аще сего не постигнуть, то платити ему» является самостоятельным и к нему относится завершающая санкция «то ту конець». Большинство исследователей полагали, что слово «постигнуть» означает «настигнуть преступника» и это подразумевало месть[1]. Однако это слово означает также «добиться»[2]. Исходя из этого значения слова, но, главное, из содержания самой нормы и отсутствия сведений о бегстве преступника, И. Д. Беляев обоснованно сопоставил ст. 3 КП со ст. 5 договора 911 года и ст. 14 договора 944 года, из которых следовало, что, если преступник не мог выплатить штраф, все его имущество, включая одежду, продавалось[3]. Отсюда можно предположить, что дополнительная норма ст. 3 КП отражала дальнейшее развитие статьи о штрафах за нанесение ударов, причем эта более развитая норма не только существовала в период заключения русско-византийских договоров, но и сохранилась в древнерусской юридической практике X—начала XI в., откуда она была заимствована при составлении Древнейшей Правды и где она сосуществовала с нормой Закона Русского: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью.., то 12 гривне». Именно эту последнюю норму использовали из Закона Русского наряду со многими другими нормами составители ПП (см. далее).

Сравнение норм русско-византийских договоров и Древнейшей Правды со статьями германских Правд свидетельствует об их типологическом сходстве, что позволяет определить находящийся в основе древне-

[1] См.: Правда Русская, II, с. 65—68; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 231—232.

[2] См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Спб., 1895, т. II, стб. 1262.

[3] См.: *Беляев И.* Лекции по истории русского законодательства, 2-е изд. М., 1888, с. 231; Правда Русская. Учебное пособие, с. 40.

русских правовых памятников Закон Русский как Правду восточных славян в период образования Древнерусского государства. Поскольку специфические условия определили особенности состава и записи норм русско-византийских договоров и Древнейшей Правды, в результате чего у них более нет совпадающих по содержанию статей, целесообразно продолжить сравнение статей Древнейшей Правды, исходящих из норм русского права и предназначенных для использования в качестве источника права на Руси (в Новгороде), с германскими Правдами для определения их типа, равно как и памятника в целом как определенного этапа в истории развития писаного права раннеклассового общества.

КП	Lex Sal.	Lex Alam	Lex Bajuv.
2. Или будеть кровав или синь надъражен, то не искати ему видока человеку тому; аще не будеть на нем знамениа никотораго же, то ли придеть видок; аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда.	XVII, 4. Если же кто будет ранен между ребер или в живот, причем окажется, что появится рана и проникнет до внутренностей, присуждается к уплате 1200 ден. что составляет 30 солидов помимо 5 сол. на лечение. 5. Если кто ранит человека так, что прольется кровь на землю, и будет уличен, присуждается к уплате	LIX, 1. Если кто-либо в гневе ударит другого, то должен уплатить 1 солид. 2. Если же прольет кровь другого, должен уплатить $1^1/_2$ солида. 4. Если же при ранении головы покажутся разбитые кости... 5. Если эту кость доктор потеряет и не сможет ее представить, то надо пригласить двух свидетелей, которые видели, что	V, 1. Если кто ударит другого кулаком, должен уплатить $^1/_2$ солида. 2. Если кровь его прольется, то должен уплатить $8^1/_2$ сайг. 3. Если поднимет на него противозаконно руку, что называется прикосновением, или если его ранит так, что он из-за этого обратится к врачу... надлежить уплатить $1\ ^1/_2$ солида. 4. Если он нанесет такую рану, что из нее польется кровь, или кость из головы выбьет... должен уплатить 3 солида[1].

[1] См. также аналогичные постановления: Lex Fris., XXII, 1—26; Lex Sax., I—V.

600 ден., что составляет 15 сол.	от удара выпала кость...

Статья 2 КП сложна по составу, однако ее сравнение с германскими Правдами и ст. 1 КП позволяет раскрыть историю ее текста. Слово «или», начинающее ст. 2, структурно присоединяет ее к казусу ст. 1: «Убьет мужь мужа, то мьстить.., аще не будеть кто мьстя, то...», т. е. согласно ст. 2 КП, после столкновения один из «мужей» может быть не убит, а «кровав или синь надъражен». Содержание ст. 2 КП свидетельствует о стремлении княжеской власти ограничить личную месть пострадавшего, заменив ее денежным штрафом, подобно тому как это законодательно осуществлялось в ст. 1 КП. На существование первоначального права мести указывает не устраненное из правовой нормы «оже ли себе не можеть мьстити», соответствующее в ст. 1 словам: «...аще не будеть кто мьстя». Поэтому по аналогии со ст. 1 КП первоначальный вид ст. 2 можно реконструировать следующим образом: «Или будеть кровав или синь надъражен, то мьстити себе; *аще* ли себе не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 гривне, а летцю мъзда». Таким образом, данная реконструкция восстанавливает зафиксированное устными восточнославянскими племенными Правдами право личной мести, нашедшее отражение в ст. 1 КП, а также право денежной компенсации, существовавшее уже в период распада родоплеменного строя. Определение особого штрафа за лечение, подобного установленному в германских судебниках, свидетельствует о значительном развитии данной нормы устного права в период, предшествующий его записи в Древнейшей Правде.

Редактирование первоначального текста ст. 2 указывает на пути, по которым шло его развитие до записи. Оно свидетельствует о стремлении устранить возможные случаи мести и полностью подчинить данное правонарушение судебному разбирательству, что объективно вело к полной замене мести денежным штрафом, как в германских Правдах. Санкция «то не искати ему видока человеку тому» указывает на достаточность для суда прямых улик, после чего обвиняемый наказывался 3-гривенным штрафом. Если признаков избиения не было, то истец должен был представить свидетеля, если же не мог его представить, то дело прекращалось[1].

Статьям 5, 6, 7 КП об увечьях руки, ноги или пальцев также соответствуют аналогичные постановления германских Правд.

КП	Lex Sal.	Lex Alam.	Lex Bajuv.
5. Оже ли утнеть руку, и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен. 6. Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирять[2]. 7. Аще ли перст утнеть который любо, 3 гривны за обиду.	XXIX, 1. Если кто изувечит руку или ногу другому, лишит его глаза или носа присуждается к уплате 4000 ден... 2. Если же у него эта изувеченная рука останется висеть, присуждается к уплате 2500 ден... 3—8 [об отсечении пальцев].	LXI, 1. Если кто другому пробьет руку выше локтя, должен уплатить 6 солидов. 8. Если будет изувечена вся рука так, что нельзя ею делать, должен уплатить 20 солидов. 9. Если же ее оторвет от локтя, должен уплатить 40 солидов. LXIV, 1. Если кто поранит у другого одним ударом два	IV, 9. Если кто у свободного вырвет глаз или руку, или ногу, должен уплатить 40 солидов. 10. Если рана и перелом таковы, что он останется изувеченным, надо уплатить 20 солидов. 11. [об отсечении пальцев]. 12. Если кто пронзит руку выше

[1] Структурную близость ст. ст. 1 и 2 КП отмечал А. А. Зимин; это мнение он основывал на предполагаемом первоначальном чтении ст. 2 КП: «Или будеть кровав, аще ли не можеть (мстить.—*А. З.*), то тому конець», а также на предположении чтения в ст. 1 КП: «Аще не будеть кто мьстя... то тому конець» (см.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 231—232). Это толкование значительно изменяет содержание и текст статей КП, однако основывается не на текстологическом анализе, а на мнении о невозможности существования денежного штрафа за преступление до XI в. Между тем признание пережиточности принципа кровной мести, стремление ее ограничить и, более того, заменить денежным штрафом явилось причиной структурной и нормативной близости ст. ст. 1 и 2 КП; нельзя также согласиться с отрицанием А. А. Зиминым отнесения слов «то ту конець» к предыдущему тексту. Фраза «аще ли не можеть» неразрывно связана с предшествующей нормой, регламентирующей месть и денежное возмещение: «аще не будеть на нем знамения никотораго же, то ли приидеть видок, аще ли не можеть (прийти видок. — *М. С.*), ту тому конець».

[2] Исследователи многократно отмечали дефектность ст. 6 КП: «Аще будеть нога цела или начьнеть храмати, тогда чада смирять», поскольку неопределенно указан состав преступления

бедра, должён уплатить 12 солидов. 3. Если кто другого ранит в колено так, что тот останется хромым так, что нога его будет волочиться, должен уплатить.	локтя, должен уплатить 6 солидов. Если ниже локтя пронзит, 3 солида уплачивает[1].

и неясен смысл санкции (Правда Русская, II, с. 73—76). Между тем анализ текста статьи позволяет представить его историю. М. Н. Тихомиров убедительно реконструировал первоначальное содержание ст. 6 по аналогии с предшествующей: «Оже ли утнеть ногу... то 40 гривен». В пользу этого мнения свидетельствует и ст. 27 ПП, в основе которой находятся ст. ст. 5 и 6 КП. В ней указывается одинаковое наказание за увечье руки и ноги, но повторена также неясная формулировка состава преступления из ст. 6 КП: «Аче ли утнеть руку, и отпадеть рука, или усохнеть или нога... или не утнеть, то...». Отсюда следует, что текст ст. 6 КП появился уже в Древнейшей Правде и вошел позднее в состав КП, использованный при составлении ПП (предположение об изменении содержания ст. 6 КП при составлении КП неоправданно, поскольку в КП существовавшие ранее судебники и отдельные законоположения были объединены механически — см. далее). Ясное в данной реконструкции определение состава преступления и санкции раскрывает смысл сохранившегося текста ст. 6 КП в качестве действующей правовой нормы. В контексте судебника она являлась продолжением ст. 5: за удар по ноге, если она «отпадеть» или «усохнеть», то следует платить штраф 40 гривен; если нога останется целой или пострадавший начнет хромать, то его детям или близким следует примирить враждующих (как отмечал А. Е. Пресняков, указывая аналогичную статью закона Этельберта: «если сломает бедро, то штраф 12 шил., а если начнет хромать, то друзья решат») или можно мстить («смирять» в значении «мстить» — см.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 41; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 76; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 232). Отсюда следует, что ст. 6 КП не дефектна, а неудачно отредактирована. В ее основе находилась ранее существовавшая норма о 40-гривенном штрафе за лишение ноги. Эта норма была отредактирована в конкретных условиях составления Правды под влиянием тенденций к ограничению мести или, напротив, под воздействием устного права, сохранявшего традиции мести (однозначное толкование не представляется возможным). Сюжетное единство ст. ст. 5 и 6 КП имело результатом их объединение некоторыми исследователями (см.: Правда Русская, II, с. 74—76; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 76; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 232), что все же не представляется целесообразным, учитывая их различия по содержанию.

[1] См. также: Lex Fris., XXII, 27—44 ff.; Lex Sax., XII, XIII; Lex Thuring., XV, XIX—XXII.

12 солидов. LXII,LXV [об отсечении пальцев рук и ног].

В отличие от норм КП, предусматривающих наказания за угрозы и оскорбления действием за ус и бороду (ст. 8), за толчки (ст. 10), в варварских Правдах большое место отведено нормам, которые определяют наказания за словесные оскорбления[1], хотя в некоторых судебниках и встречаются положения об охране мужской чести (статьи о хватании за волосы, связывании)[2].

Статья 11 КП об укрывательстве челядина в чужом доме соответствует по определению состава преступления и санкции статьям германских Правд (особенно Алеманской Правды) о сманивании и укрывательстве чужих зависимых (mancipia) и сервов:

КП	Lex Sal.	Lex Alam.	Lex Bajuv.
11. Аще ли челядин съкрыется любо у варяга, любо у колбяга, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду.	XXXIX, 1. Если кто вздумает сманить чужих рабов, и будет уличен, присуждается к уплате 600 ден...	LXXXVII. Если кто примет у себя беглого раба другого и будет возражать против того, чтобы тот в этот самый день или в другой последовал к господину и не пожелает возвратить его согласно закону, тогда тот должен идти к своему начальнику, чтобы ему было оказано правосудие.	XIII, 9. Если кто подговорит чужого раба к бегству и уведет его за пределы границы, т. е. за пределы пограничных знаков, то должен уплатить 12 солидов и его самого возвратить.

[1] См.: Lex Sal., XXX.

[2] См.: Lex Sal., XXXII; Lex Bajuv., IV, 7; Lex Sax., VII. Б. А. Ларин обратил внимание на безглагольную конструкцию фразы в ст. 8 КП «а в усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне» и отметил ее характерность для устной речи (см.: *Ларин Б. А.* Лекции... с. 93). Это может служить еще одним доказательством происхождения ст. 8 КП из устного права. По мнению А. С. Орешникова и Л. В. Черепнина, структура ст. 8 КП отличается от соседних статей, что свидетельствует о ее вставочном характере (см.: *Орешников А. С.* К вопросу о составе Краткой Правды. — В кн.: Лингвистическое источниковедение. М., 1963, с. 128—129; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отно-

Он должен уплатить ему 40 солидов за то, что против закона отказывается возвратить раба этому господину и удерживал его у себя.

Существование в составе германских Правд наказаний за сманивание или укрывательство чужих рабов позволяет предположить аналогичную норму в Законе Русском, послужившем источником статей Древнейшей Правды. Только в связи с конкретными обстоятельствами, для урегулирования русско-варяжских конфликтов, эта статья была отредактирована в применении к варягу или колбягу, укрывшему беглого челядина. Поэтому исходным текстом, который лег в основу Древнейшей Правды, можно полагать следующий: «Аще ли челядин съкрыется, а его за три дни не выведуть, а познають и в третий день, то изымати ему свои челядин, а 3 гривне за обиду».

Данное наблюдение подтверждает включение нормы о принудительном изымании беглого челядина в русско-византийские договоры 911 и 944 годов.

Договор 911 года	**Договор 944 года**
12. Аще украден будеть челядин Рускып, или ускочить, или по нужи продан будеть, и жаловати начнуть Русь,[да] покажеться таковое от челядина, да поимуть [и] Русь; но и гостие, [аще] погубиша челядин, и жалують, да ищуть [и], обретаемое, да поимуть е...	3. Аще ускочить челядин от Руси... [и] аще будеть [обращется], да поимуть и; аще ли не обращется, да на роту идуть .., ти тогда взимають от нас цену свою. 2 паволоце за челядин. 4. Аще ли кто от людии цесарства нашего, или от града нашего, или от инех град ускочить челядин нашь к вам, и принесеть что, да въспятять и опять...

шения... с. 129). Однако ее композиционное положение, завершающее нормы о членовредительстве и оскорблении (ст. ст. 4—7 КП), и содержание, относящееся к повреждению усов и бороды и вместе с тем к оскорблению, не свидетельствуют о вставочном характере вследствие тематического единства. Строение ст. 8 действительно своеобразно, но это может быть объяснено тем, что ею завершается комплекс ст. ст. 4—8. Предполагать, что статьи при складывании первого писаного судебника имели единую форму, значит приписывать его составителям несвойственные для этого периода навыки кодификационной работы.

Однако при совпадении состава преступления санкция статей договоров существенно отличается от санкции ст. 11 КП. Согласно договорам, беглого челядина следует просто возвратить, тогда как, по КП, нужно платить еще штраф «за обиду». Правда, статьи договоров о беглой челяди отличались по санкции и от постановлений византийского закона. Согласно Эклоге (XVII, 17): «Обольстивший и спрятавший и (украсший) [в вариантах — укрывший] чужого раба, кроме возвращения этого раба его владельцу, отдаст ему еще и другого или вместо него его цену»[1]. Отсюда можно заключить, что санкция ст. 12 договора 911 года и ст. ст. 3, 4 договора 944 года была сознательно отредактирована с целью устранения возможных споров при различии соответствующих норм византийского и русского права (штраф в размере цены или возвращение челядина в первом случае, нивелированный штраф за обиду в соответствии с русской пенитарной системой — во втором). Особенности статей о беглой челяди в русско-византийских договорах и вместе с тем близость ст. 11 КП к соответствующим статьям германских Правд и византийской Эклоге позволяют сделать вывод о том, что норма ст. 11 КП соответствовала постановлениям Закона Русского в отличие от отредактированных статей договоров.

Статья 12 КП о наказании за езду без спроса на чужом коне соответствует норме Салической Правды, причем уже Штрубе де Пьермонт отметил аналогичную статью в Ютландской Правде[2]:

КП	**Lex Sal.**
12. Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав его, то положити 3 гривне.	XXIII. Если кто сядет на чужого коня без позволения хозяина, присуждается к уплате 1200 ден...

[1] Эклога, с. 69.

[2] См.: Discours sur l'origine et les changemens des loix russiennes, lû dans l'Assemblée publique de l'Academie Impériale des Sciences le 6 septembre 1756... Par Strube de Piermont. Spb, p. 18; Слово о начале и переменах российских законов... говоренное Федором Штрубом сентября 6 дня 1756 году и пе-

Д. Н. Дубенский, И. Д. Беляев, В. О. Ключевский, М. Ф. Владимирский-Буданов, М. Н. Тихомиров отмечали аналогичные нормы в судебниках, Законе судном людем и Эклоге, предполагая в ст. 12 КП византийское заимствование. Однако существование тождественных норм в различных по происхождению памятниках (франкском, ютландском, русском, болгарском, византийском) убедительно свидетельствует о независимом происхождении этих статей, что подчеркивали Н. И. Ланге и Л. К. Гетц[1]. Таким образом, можно предположить, что источник ст. 12 находился в нормах права, предшествующих появлению КП.

КП	Lex Sal.	Lex Alam.	Lex. Bajuv.
13. Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть в своемь миру, то взяти ему свое, а 3 гривне за обиду. 14. Аще познасть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии[2]. 15. Аже где възыщеть на друзе проче, а он сязапирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне. 16. Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил .., даже доидеть до третьего, то рци третьему...	XI [о краже вне дома и в доме со взломом]. XLVII, 1. Если кто признает своего раба, или коня, или быка, или какую бы то ни было вещь у другого, пусть передаст это в третьи руки, а тот, у кого признаны (данные вещи), должен доказывать (на них) свое право. [Далее процедура свода на судебном заседании с участием свидетелей]. XXXIX [о своде на собрании при похищении рабов за море].	LXXI, 1. Если кто коня украдет, то его собственник должен его оценить, с принесением клятвы, до 6 солидов... вор должен уплатить за голову и 8 гельдов теми деньгами, которые имеет. LXXXIX. Если кто-нибудь найдет свои вещи у другого человека будь то несвободные (рабы) или скот или золото, или серебро, или другие ценные вещи и тот откажется их возвратить и станет оспаривать, и после этого будет уличен перед судьей, то должен возвратить такие же вещи или те самые и уплатить 12 солидов...	IX, 1. Если кто украдет что-либо, то за всякую вещь он должен уплатить 9 гельдов, т. е. возместить девятикратную стоимость. 3. Если он украл более ценное имущество, т. е. стоящее 12 солидов или больше, или лошадь такой стоимости, или раба и пожелает отрицать это, то должен поклясться с 12 помощниками из своего рода или 2 бойца должны сразиться. 13—15 [о купле и хранении краденого][1].

реведенное на российский язык Семеном Нарышкиным. В Санкт-Петербурге, с. 16.

[1] Сводку мнений см.: Правда Русская, т. II, с. 96—98; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 58.

[2] Б. А. Ларин отметил в безглагольной конструкции фразы «то поручника за 5 днии» происхождение ее из устной речи (см.: *Ларин Б. А.* Лекции... с. 93).

Статья 17 КП «Или холоп ударить свободна мужа, а бежить в хором, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его» вызвала многочисленные комментарии, основной смысл которых заключался в подчеркивании охраны интересов холоповладельцев, поскольку, вероятно, согласно более древней правовой норме, холоп, ударивший свободного, должен быть убит[2]. Впрочем, признание определенных прав за челядью — зависимым населением в широком значении слова, и, в частности за холопами[3], было характерно для восточ-

[1] Подробнее см.: *Филиппов А. Н.* Начальные стадии процесса виндикации движимости по leges barbarorum. — Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904; обоснованны возражения А. Н. Филиппова мнению Л. К. Гетца о заимствовании нормы Древнейшей Правды о своде из Салической и Рипуарской Правд; позднее Л. К. Гетц писал о совпадении норм о своде в саксонском и лангобардском праве, что было поддержано рецензентом (см.: *Филиппов А. Н.* «Русская правда»... с. 198—207, 214).

[2] Сводку мнений см.: Правда Русская, II, с. 112—116; см. также: ПРП, I, с. 92; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 247; он же. Холопы на Руси. М., 1973, с. 63—65; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 161—162; Б. А. Романов, напротив, считал, что ст. 17 КП защищает мелких городских «свободных мужей» от самоуправства холоповладельцев (см.: Правда Русская, II, с. 15; ср. возражения этому мнению: *Зимин А. А.* Холопы... с. 63—64).

[3] По словам В. В. Мавродина, «всякий холоп — челядин, но не всякий челядин — холоп» (см.: *Мавродин В. В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945, с. 157); мнение о широком значении понятия «челядь» наиболее обстоятельно обосновано Б. Д. Грековым (см.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь... с. 158—171), последующее изучение проблемы не опровергло этого мнения (см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 149—170).

нославянских законов. Оно нашло отражение в ст. 12 договора 911 года, где отмечалось право украденного или беглого челядина на дачу судебных показаний. Отсюда ст. 17 КП и лежащая в ее основе норма Закона Русского о предоставлении защиты холопу, ударившему свободного мужа, будет продолжением той же тенденции. Она нашла развитие в древнерусском законодательстве, в признании холопа ограниченным субъектом права, что было отмечено уже в дореволюционной историографии[1].

Существенные трудности представляет толкование штрафа за виновного холопа в 12 гривен. По Н. И. Ланге, это была не «продажа» — штраф за преступление, а вира — выкуп за разрешаемое убийство холопа пострадавшим. Близка к такому пониманию интерпретация А. А. Зиминым этого наказания как «своеобразного выкупа жизни холопа»[2]. Согласно комментарию И. Д. Беляева, обида от раба приравнивалась к обиде от господина[3], тогда как Н. А. Максимейко предполагал взятие холопа для «понуждения ответчика к денежному удовлетворению потерпевшего», т. е. деньги или холоп, по его мнению, взимались альтернативно[4]. Поскольку в данных объяснениях отсутствует объективный критерий оценки юридической нормы, в поисках его целесообразно сравнить ст. 17 КП с нормами германских Правд.

В большинстве их подобный казус не рассматривается, поскольку за нанесение несвободным человеком удара свободному полагалась только смерть. В соответствии с такой нормой варварского права находится вторая часть ст. 17 КП об убийстве холопа, «где его налезуть ударении тои мужь». Содержание первой части ст. 17 можно раскрыть с помощью Саксонской Правды. Хотя она существовала в одной из отсталых в общественном развитии областей германцев, но ее законоположения были сформулированы в начале IX в., когда Саксония входила в состав Каролингской империи, и поэтому правотворчество франкских правителей или саксонских эделингов и фрилингов могло противопоставить обычаю (убийство зависимого за удар им свободного) волю господина. Как записано в Саксонской Правде, «что бы ни совершил серв или лит по приказу господина, пусть отвечает господин» (ст. L), «если серв без ведома господина совершит какое-либо преступление, как, например, убийство или кражу, его господин платит за него штраф в соответствии с видом содеянного» (ст. LI)[1]. Согласно КП, 12 гривен — это штраф за удар, нанесенный свободным свободному мужу (ст. 3). Таким образом, удар холопа, взятого под защиту господином, приравнивали к удару самого господина, что объясняется приведенными статьями Саксонской Правды. Противоречивый характер ст. 17 КП свидетельствует о том, что архаические нормы постепенно вытеснялись новыми, отражавшими усиление власти господина. Под этим углом зрения первую часть ст. 17 следует рассматривать как поновление древней юридической нормы. Можно предположить следующие этапы в складывании ст. 17 КП. Первоначально, вероятно, существовал обычай: «Аще холоп ударить свободна мужа, да бьють его» (в значении «убьют»). Дальнейшим ее развитием явилось следующее положение: «Аще холоп ударить свободна мужа, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его», вводился штраф, взимаемый с господина за холопа, который приравнивал содеянное холопом к содеянному самим господином. Третьим этапом в складывании ст. 17 КП явилось ее редактирование в применении к новгородским условиям (отсюда появление часто используемого в новгородских источниках слова «хоромы» и редакционно неудачного повтора «а бежить в хором, а господин начнеть не дати его»). Таким образом, норма об ограничении убийства холопа, ударившего свободного мужа, сложилась до того, как она была записана в судебнике.

[1] См., например: *Беляев П. И.* Холопство и долговые отношения в древнерусском праве. — Юридический вестник, 1915, кн. IX.
[2] См.: *Ланге Н. И.* Исследование... с. 165; ПРП, I, с. 92.
[3] См.: *Беляев И. Д.* Лекции... с. 234.
[4] См.: *Максимейко Н. А.* Опыт... с. 171.

[1] См. также: Lex Fris. I, 13—17. На жизненность такой нормы указывает постановление закона Гулатинга, согласно которому, если троль (лично зависимый) обвинялся в убийстве, его господин должен был принести присягу по отношению к нему как при собственной защите, а если клятвы было недостаточно, господин сам объявлялся вне закона. Если кто-либо не мог совершить клятву, он должен был избавиться от этого троля или заплатить виру в 40 марок (Gul., 163).

С историей текста ст. 17 КП связан вопрос о времени ее появления в Древнейшей Правде. Л. В. Черепнин полагал в ней дополнение к ст. 11 КП, допуская, что оно «вполне могло быть сделано в 1036 году». Он отметил также в ст. 17 КП «два мотива»: 1) охрана чести «свободного мужа», для чего последнему разрешалось «специальным указом» предавать смерти несвободного человека, 2) и «забота о правах холоповладельцев»[1]. Однако ст. ст. 11 и 17 КП относятся к урегулированию совершенно различных правонарушений: бегство челядина от господина в первом случае и, наоборот, укрывательство господином холопа, совершившего преступление, — во втором. Определение Л. В. Черепниным содержания ст. 17 представляется противоречивым, поскольку положение о предании смерти холопа, нанесшего оскорбление свободному, нарушало интересы холоповладельцев. Вместе с тем представляются важными замечания Л. В. Черепнина о стилистической близости ст. ст. 11 и 17 КП, а также о композиционных отличиях последней статьи от предыдущих[2], поскольку именно эти особенности указывают на ее редакционную обработку[3]. Но это было не более позднее дополнение к Древнейшей Правде, а вторая редакция древней правовой нормы при подготовке судебника уже для Новгорода в особых условиях 1015—1016 гг.

Завершает Древнейшую Правду ст. 18 КП. В отличие от ст. 6 договора 944 года или ст. 13 КП, ст. 18 КП не указывает форму денежной компенсации за сломанное копье, щит и испорченную одежду в случае оставления вещи у нарушителя. Текстуальные совпадения этой статьи и соответствующей статьи Закона судного людем (далее — ЗСЛ), болгарского

[1] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 162.

[2] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 129, 161—162.

[3] Широко распространенное мнение о слове «холоп» в ст. 17 КП как терминологической новации, отразившей новое социальное явление, представляется ошибочным, поскольку этот социальный термин восходит к праславянскому лексическому фонду и обозначает в славянских языках социально неполноправных людей; Древнейшая Правда — первый по времени письменный источник, в котором термин «холоп» мог быть использован, и он там назван (см.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... с. 155—156).

судебника, распространявшегося в списках на Руси, указывают на их взаимную связь.

Ст. 18 КП	ЗСЛ Пространной редакции	ЗСЛ Сводной редакции
А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнеть хотети его деръжати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнеть приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем.	Иже изломить другу копие, или щитъ, или топоръ, да аще у себя начнеть хотети дръжати, то приати ино что у него; аще ли начнеть инем чимъ ему заплатити, пред чядию иже начнеть ведати колко будеть далъ на нем[1].	Иже изломить другу копие или щить, или топъръ, да аще начнеть у себя хотети держати, то прияти ино что у него; аще ли имемъ чимъ ему заплатить пред надью иже начнеть ведати, колко будеть далъ на немъ[2].

Исходя из этого делались выводы о заимствовании Правдой нормы ЗСЛ[3] и, напротив, о заимствовании ЗСЛ нормы из Древнейшей Правды[4]. Большинство исследователей полагали, что ст. 18 была включена в КП позднее основного текста (ст. ст. 1—17). Вескими аргументами в пользу этого мнения явились ее сходство с нормой ЗСЛ (отсюда предполагаемая зависимость от ЗСЛ), ее место среди статей Древнейшей Правды и, главное, ее отсутствие в составе ПП, в отличие от остальных статей КП. О первичности текста ЗСЛ по сравнению со ст. 18 КП может свидетельствовать также написание в ст. 18 КП по ошибке слова «порт» вместо слова «топъръ». В результате в статье о порче оружия (в сводной редакции ЗСЛ она так и называлась «О оружии») появились не связанная с контекстом «одежда» — «порты» и невозможное словосочетание «изломить порт». О первичности ЗСЛ

[1] Закон судный людем пространной и сводный редакции./Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1961, с. 77.

[2] Там же, с. 117.

[3] См.: *Калачев Н.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846, с. 147—148; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 58—59; *Goetz L. K.* Das Russische Recht, Bd. I, S. 245—251.

[4] См.: *Максимейко Н. А.* Опыт... с. 205—206. Позднее М. Н Тихомиров пришел к выводу, согласно которому ЗСЛ находился под влиянием ПП, однако это наблюдение вопроса о происхождении ст. 18 не решало, поскольку она единственная не была включена в ПП.

свидетельствует также использование только в ст. 18 КП слова «иже», употребление которого характерно для ЗСЛ. Поэтому можно считать искусственными филологические аргументы Н. А. Максимейко, принимавшего правильность выражения «изломить порт», тогда как переписчик судебника, по его же мнению, исправлял ошибочный текст и поэтому заменял «порт» «топором». При этом Н. А. Максимейко не обратил внимания на тематическое единство статьи о порче оружия, а не одежды[1]. Поэтому его вывод о первичности текста ст. 18 КП по отношению к ЗСЛ можно считать ошибочным.

Вместе с тем следует отметить, что заимствование ст. 18 КП из ЗСЛ было выполнено в начале XI в., когда еще использовалось обобщающее понятие «скот» — «деньги» (см. ст. ст. 15, 16 КП). В Поконе вирном, который назван «Урок Ярославль» (ст. 42 КП), в качестве обобщающего понятия «деньги» использовано более новое слово «куны» («тъ всех кун 15 кун на неделю»). В ст. 47 ПП приведены новые законоположения и использованы новые термины по сравнению со ст. 15 КП, но в заголовке ее употреблен архаический термин «скот», который заимствован из ее источника — ст. 15 КП. Таким образом, можно полагать, что норма ст. 18 КП происходит из ЗСЛ, однако записана ли она во время составления Древнейшей Правды или вскоре после этого — не ясно. Заимствование совершалось творчески, поскольку в ст. 18 КП по сравнению с ЗСЛ появились дополнения, а неопределенное словосочетание «ино что», предполагавшее не только денежное, но и натуральное возмещение в уплату за испорченное оружие, заменено однозначным словом «скот» — «деньги».

Недостаточно ясно, почему ст. 18 не была включена составителями в ПП. В дальнейшем как норма древнерусского права она не использовалась.

Установленные соответствия норм Древнейшей Правды и Закона Русского — источника права, указанного в русско-византийских договорах первой половины X в., их сущностное и стилистическое единство с германскими Правдами позволяют сделать вывод о том, что Древнейшая Правда восходит к Закону Русскому, который представлял собой Правду

[1] *Максимейко Н. А.* Опыт... с. 205.

восточных славян IX — первой половины X в. Именно этим объясняется близость Древнейшей Правды к наиболее древней Салической Правде, северной группе Правд (Саксонской, Фризской, Тюрингской), отражавшей относительно архаическую структуру общества, а также к древнейшим слоям Алеманской и Баварской Правды.

Сопоставление указанных выше памятников, выявление их единства и особенностей позволяют реконструировать те нормы Закона Русского, которые были использованы при составлении статей русско-византийских договоров и Древнейшей Правды. Следует, однако, иметь в виду, что реконструкция — лишь приближение к изучаемому объекту. Вместе с тем она является средством его познания, позволяет более конкретно показать его характер и внешние особенности. В реконструкции Закона Русского приводятся предполагаемые древнейшие нормы устного права, которое существовало до его развития в X в. в Древнерусском государстве.

НОРМЫ ЗАКОНА РУССКОГО В ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРАВДЕ[1]

[1] Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или синови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину синови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен [за голову].

[2] [Аще кто] будеть кровав или синь надъражен, то мъстити себе; аще ли себе не можеть мьстити, то взяти ему [за обиду] 3 гривне, а летцю мъзда.

[3] Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне.

[4] Аще утнеть мечем, а не вынем его, любо рукоятью, то 12 гривне [за обиду].

[5] Аще ли утнеть руку и отпадеть рука любо усохнеть, то 40 гривен.

[6] Аще ли утнеть ногу и отпадеть нога, любо усохнеть, то 40 гривен.

[7] Аще ли перст утнеть которыи любо, 3 гривны [за обиду].

[1] В реконструкции не соблюдается графика древнейших письменных памятников; в основу ее положен текст КП (Академический список).

[8] А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.

[9] Оже ли кто вынезь мечь, а не тнеть, то тъи гривну положить.

[10] Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть.

[11] Аще ли челядин съкрыется, а его за три дни не выведуть, а познають и в третии день, то изымати ему: свои челядин, а 3 гривне [за обиду].

[12] Аще кто поедеть на чюжем коне, не прошав его, то положити 3 гривне.

[13] Аще поиметь кто чюжь конь, любо оружие, любо порт, а познаеть где[1], то взяти ему свое, а 3 гривне [за обиду].

[14] Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци ему: мое, но рци ему тако: поиди на свод, где еси взял; или не поидеть, то поручника за пять днии.

[15] Аще где възыщеть на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть, достоино ему свои скот, а [за обиду] 3 гривне.

[16] Аще кто челядин пояти хощеть, познав свои, то к оному вести, у кого то будеть купил, а тои ся ведеть ко другому, даже доидеть до третьего, то рци третьему: вдаи ты мне свои челядин, а ты своего скота ищи при видоце.

[17] [Аще] холоп ударить свободна мужа, а господин начнеть не дати его, то холопа пояти, да платить господин за нь 12 гривне; а за тым, где его налезуть удареныи тои мужь, да бьють его.

Из анализа текста Закона Русского видно, что он регулировал отношения периода перехода от родоплеменного к раннефеодальному строю. Вместе с тем Закон Русский в IX — начале XI в. содержал нормы, регулирующие правоотношения в социально дифференцированном обществе. Они предотвращали бегство от господ зависимой челяди и гарантировали процедуру свода в случае обнаружения беглого челядина, разрешали защиту господином преступника-холопа, ударившего свободного человека, альтернативно допуская его убийство. Но эти нормы составляли лишь часть статей Закона Русского.

[1] В тексте ст. 13 КП вместо слова «где» стоят слова «в своемь миру»; слово «мир» в значении «община» в правовых и нарративных памятниках XI—XII вв. неизвестно, поэтому М. Д. Приселков предположил в нем поновление языка в XV в.; поскольку в аналогичной ст. 34 ПП использовано слово «город», он предположил, что именно оно находилось в ст. 13 КП. В этом случае ограничение места поиска краденого городом может свидетельствовать о редактировании ст. 13 в Новгороде.

Происхождение и сущность Закона Русского неразрывно связаны с социально-экономической и политической историей Руси в IX—X вв. и с основными этапами развития права в процессе генезиса феодальной общественно-экономической формации.

Как было отмечено ранее, в родоплеменном обществе на стадии «военной демократии» существовала система правовых обычаев, которая применялась на территории большого племени или союза племен. Это была Правда, которая сохранялась специальными людьми — законоговорителями, судьями или жрецами[1]. Поскольку свод норм племени был устным, а в его основе находился обычай, исследователи чаще всего называли его обычным правом. Однако такое определение основного закона племени в родоплеменном обществе представляется ограниченным. Племенная Правда обеспечивала правовое регулирование различного рода отношений в большом племени или союзе племен с обязательной санкцией, гарантированной властью племенного народного собрания на всей территории (таковы Правды германских племен и законы больших территориальных объединений Гулатинга, Фростатинга и т. д. в Скандинавии, объединявших земли малых племенных, а затем территориальных объединений — фюльков). С развитием общественных отношений, появлением государства эти Правды использовались в качестве источника норм писаного закона, а правотворчество возникающего господствующего класса феодалов наполняло их классовым содержанием. Между тем устные правовые обычаи продолжали существовать и развиваться в виде нормативных комплексов определенных местностей.

Однако в определенных исторических условиях, например при отсутствии развитой письменности, племенные Правды могли развиваться в устное раннефеодальное законодательство. Так, в Норвегии и Швеции областные законы были записаны в XII—XIII вв. после двух-трех веков существования государства и

[1] Материалы к древнейшим формам суда см.: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Древнейшее славянское право, с. 21—27.

королевской власти. Причем последняя не противопоставляла себя народным собраниям с их правовой традицией, а брала их под свой контроль. В результате развития общественных отношений социальная база таких народных собраний значительно сужалась, и они становились выразителями интересов зажиточных бондов и хавдингов[1]. Нормы областных законов отражали имущественную и социальную дифференциацию общества, а также испытывали влияние королевской власти и церкви. Бывшие племенные Правды обладали значительной потенцией развития в устное раннефеодальное право в условиях существования раннеклассового общества. Это право не исключало действия обычного права как комплексов юридических обычаев определенной местности в период существования государства. Обычное право применялось на протяжении всего периода феодального строя.

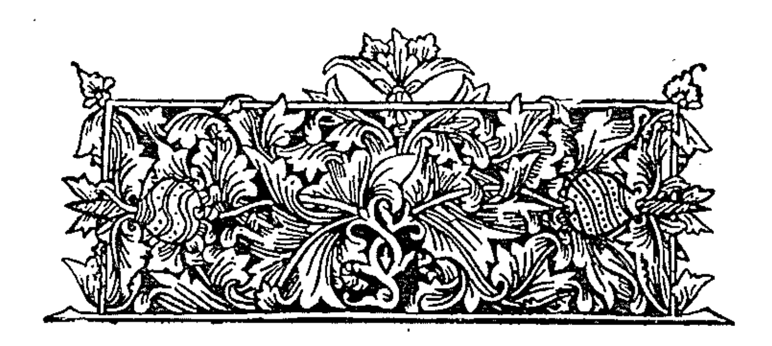
Учитывая, что в процессе расселения восточных славян в VII—IX вв. образовались большие племенные союзы полян, древлян, кривичей, полочан, северян, вятичей, словен, уличей, тиверцев, можно предположить, что у них сложились собственные Правды. Вероятно, они различались незначительно вследствие близости уровня развития общественного строя и одного источника права праславянского периода V—VI вв. В результате социально-политических изменений в землях восточных славян, как отмечено ранее, сложились два государственных образования— северное, объединявшее славянские (словене, кривичи) и неславянские (чудь, меря, весь) племена, а также южное с центром в Киеве, состоявшее только из славянских племен (поляне, северяне, возможно, радимичи). В процессе политической интеграции восточнославянских племен в Древнерусском государстве во второй половине IX—X вв. правовой основой, которой руководствовались в судебной практике великие киевские князья, стал Закон Русский — Правда тех племен, которые жили в Среднем Поднепровье, так называемой Русской земле. Поэтому Закон Русский дал название правовой системе Древнерусского государства второй половины IX — первой половины X в. и послужил источником юридических норм при составлении договоров Руси с Византией в 911 и 944 гг.

Закон Русский, генетически восходивший к Правде южной ветви восточнославянских племен, был Правдой, уже прошедшей определенный путь развития, отразившей общественные отношения в племенных княжениях, в первоначальном государственном образовании на юге восточного славянства, и в древнейший период существования единого Древнерусского государства второй половины IX—X вв. Отсюда включение в него норм, не только регулирующих правоотношения равноправных лично свободных мужей, но и отражающих социальное неравноправие, защиту интересов холоповладельцев, регулирующих правовое положение зависимых — челяди.

Системное сравнение Древнейшей Правды и германских Правд позволяет реконструировать первоначальное содержание норм Закона Русского, установить их последующее развитие в результате законодательной деятельности раннефеодального государства в середине X — начале XI в. Привлечение норм, восходящих к Закону Русскому (возможно, из предполагаемой нами устной Правды Русской второй половины X — начала XI в.), в Древнейшую Правду свидетельствует не о стремлении сохранить в писаном законе архаичные правовые нормы (такая логическая посылка была бы ошибочной), а о развитии обычно-правовых норм в результате законодательной деятельности раннефеодального государства, об изменении их функций в процессе становления системы раннефеодального писаного права.

[1] См.: *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.

Глава II Становление Русской Правды

процессе развития системы социального неравенства и образования Древнерусского государства Закон Русский становился орудием целенаправленного правового регулирования великими киевскими князьями социально-экономических и политических процессов в X в. Это был период изменения общественной и экономической структуры молодого государства, его территориального роста, что способствовало превращению Руси к концу века в крупнейшую страну в Европе.

Социальная структура страны усложнялась. Бóльшую часть населения составляли лично свободные крестьяне — смерды; определяющей формой их организации стала территориальная община — вервь, которая пришла на смену патриархальным большим семьям. В городе увеличилось число ремесленников и торговцев. В среде господствующего класса, состоящего из служилой

и племенной знати, происходили интеграционные процессы. Старшая и младшая дружина широко привлекалась в административно-судебный аппарат. Складывался широкий слой зависимого населения — челядь. Происходила концентрация княжеской власти в Древнерусском государстве. Теперь титул «князь» применялся только по отношению к членам великокняжеской киевской династии; «светлые и великие князья» (находившиеся «под рукой» великого князя, т. е. в вассальном положении, о которых указано в русско-византийском договоре 911 года) и «всякое княжье» (упомянутое в договоре 944 года) — к концу века в письменных памятниках уже нигде не встречаются[1]. Они, видимо, слились с формирующейся древнерусской знатью — боярством или погибли в борьбе за независимость своих племен[2].

Инкорпорация племенных княжений в составе Древнерусского государства сопровождалась установлением новой формы эксплуатации непосредственных производителей — государственной подати в пользу великого киевского князя, которая собиралась во время полюдья — объезда князем и его приближенными «мужами» покоренных земель. Приближенные князя получали право собирать дань с племенных княжений в свою пользу. Как известно, князь Игорь передал Свенельду право сбора дани с племенных союзов уличей и древлян[3]. И эта форма подати приносила Свенельду такое обогащение, что оружию и одеждам его отроков завидовали дружинники Игоря[4].

Со времени Олега отмечается система «посажения» княжеских «мужей» по городам (отсюда термин «посадник»)[5]. Посадники получали, вероятно, одну треть взимаемых податей на свое содержание и содержание своих дружин[6].

---

[1] См.: Повесть временных лет, ч. 1. Текст и перевод/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л., 1950 (далее — ПВЛ, 1), с. 25—26, 35.

[2] Изучению социально-экономического и политического развития Древнерусского государства во второй половине IX—X вв. посвящена огромная литература. Наблюдения автора по этому вопросу обобщены в монографии: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983, с. 23—89.

[3] См.: НПЛ, с. 110.

[4] См.: ПВЛ, I, с. 39.

[5] См.: ПВЛ, I, с. 20.

[6] См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... с. 58—59.

Таким образом, в образующемся государстве появилась новая форма эксплуатации непосредственных производителей, связанная с раздачей князем служилым «мужам» государственных доходов. Наряду с полюдьем она способствовала появлению раннефеодальной классово-иерархической системы, основанной на государственной эксплуатации лично свободного населения, которую К. Маркс назвал «вассалитет без ленов или лены, состоящие только из даней»[1].

Лично свободные члены племенных княжений, не утратившие еще своей организации, поднимали восстания против растущего гнета. В частности, непосредственным толчком к восстанию древлян в 945 году послужило повторное взимание князем Игорем с них полюдья, которое принадлежало Свенельду[2].

После подавления восстания «иде Вольга на Дерьвьстѣи земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и уроки; и суть становища ее и ловища»[3], т. е. на территории древлянского племенного княжения организовывались станы[4] киевских великих князей, места их охоты и рыбной ловли[5], одновременно древлянам «уставлялись» «уставы» — законодательные княжеские акты (ср.: «Устав Володимерь Всеволодича») и «уроки» (это слово многозначно, им обозначались: законодательные акты, связанные с судебным процессом, штраф в пользу князя, наказание за кражу, возмещение убытка, вид дани[6]. Учитывая, что понятие «устав» более определенно связывается с судебным производством, можно предположить, что «урок» в данном случае нормировал сумму податей. Ср.: «Ярославу же живущу в Новегороде и урокомъ дающю дань Кыеву 2000 гривен от года до года...»)[7].

Таким образом, в процессе укрепления раннеклассового государства отчетливо проявилась функция

[1] См.: *Marx K.* Secret diplomatic history of the eighteenth century. London, 1899, p. 76.
[2] См.: ПВЛ, I, с. 39—40.
[3] См. там же, с. 43.
[4] См: *Срезневский И. И.* Материалы... т. III. Спб., 1903, стб. 491.
[5] См. там же, т. II, стб. 38.
[6] См.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 241.
[7] См.: НПЛ, с. 168; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 149—151.

права как орудия регулирования отношений в обществе, в котором укреплялась система социального неравноправия. В чем конкретно заключалось содержание «уставов» Ольги выяснить не удается. Но связь развивающихся социально-экономических отношений, активной деятельности государства как аппарата насилия господствующего класса с совершенствованием права раннеклассового общества в данном случае несомненна.

Дальнейшее усложнение административно-судебного аппарата в Древнерусском государстве также связывается с княгиней Ольгой, которая в свое регентство создала систему погостов — центров великокняжеского административного управления и суда[1].

Закон Русский и законодательство великих киевских князей X века

С развитием социально-экономических отношений и политического строя совершенствовался и основной закон, которым руководствовались великие киевские князья — Закон Русский. На это указывают слова «Повести временных лет» о том, что Владимир Святославич «думал» с дружиной «о строи земленем, и о ратехъ, и о уставе земленем», т. е. «об устройстве страны и о войне, и о законах страны» (перевод Д. С. Лихачева)[2].

Рост эксплуатации лично свободных непосредственных производителей и зависимого населения стал причиной первых классовых выступлений против угнетателей. «Повесть временных лет» сообщает в одном из преданий о значительном увеличении количества разбоев на Руси при Владимире: «умножишася зело разбоеве»[3]. На то, что это не риторический прием и не формальный зачин к последующему рассказу (о нем речь пойдет далее), свидетельствует известие мерзебургского хрониста Титмара (информатором ко-

[1] См.: ПВЛ, I, с. 43; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... с. 62—64.
[2] ПВЛ, I, с. 86, 285.
[3] См.: ПВЛ, I, с. 86.

торого был, вероятно, саксонский рыцарь, побывавший в 1018 году в Киеве) о защите Киева беглыми сервами и данами. Если даны — это наемники-скандинавы, среди которых могли быть и датчане, то сервы на языке X — начала XI в. — зависимые крестьяне, которые бежали в «огромный город Киев» (как Титмар его называет) от угнетения, от преследований в поисках удачи[1]. Именно беглые зависимые крестьяне, разорявшие дворы господ, убивавшие княжеских мужей и слуг, воспринимались господствующим классом как разбойники наряду с уголовными преступниками. Эти известия начинают ряд сообщений о крестьянских и городских восстаниях на Руси в XI в.[2].

С известием об увеличении числа разбоев связан рассказ летописца о проведении Владимиром Святославичем судебной реформы, которая должна была стать ответом государства на эти разбои[3]. Как сообщается в «Повести временных лет», «И умножишася зело разбоеве, и реша (сказали) епископи Володимеру: «Се умножишася разбоиници; почто не казниши ихъ?» Он же рече (сказал) имъ: «Боюся греха». Они же реша ему: «Ты поставленъ еси от бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье. Достоить ти казнити разбоиника, но со испытомъ» Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбоиникы, и реша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». И рече Володимеръ: «Тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дедню»[1]. Этот казалось бы простой для понимания текст вызвал значительные различия в толковании. Согласно комментарию Д. С. Лихачева к этому рассказу, Владимир, следуя нормам русского права, брал с убийц виры — штрафы. Епископы (они были тогда из греков) посоветовали Владимиру наказывать убийц смертью, усилив предварительное расследование («со испытом»), что великий князь и сделал. Но вскоре оказалось, что государство лишилось некоторой части доходов. Тогда русские советники князя — «старцы» и епископы (те же или другие — не ясно) посоветовали ему вернуться к старой русской вире и употреблять ее на приобретение коней и оружия. Владимир согласился с этим и стал придерживаться русского обычая отцов и дедов[2]. Такое толкование представляется наиболее близким к содержанию летописного рассказа. Между тем, по мнению одних исследователей, Владимир заменил «частный выкуп» — головщину штрафом в пользу государства — вирой; по мнению других, виру за разбой сменили «поток и разграбление» и т. д.[3]. Были и иные интерпретации реформы Владимира: предполагалось, что до нее применялась только кровная месть, а также, что вира — это штраф, установленный в княжение Ольги на содержание всей дружины[4]. Однако эти мнения не учитывали древней судебной практики, восходящей к пе-

[1] См. *Свердлов М. Б.* Відомості про Київ у хроніці Тітмара Мерзебурзького. — Український історичний журнал, 1971, № 3; он же. Дания и Русь в XI в. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 64—129; *Мавродин В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961, с. 32—68.

[3] А. А. Зимин полагал, что в правление князя Владимира было сделано несколько попыток реформ русского права, ссылаясь на сообщение «Саги об Олаве Трюггвасоне» о том, что князь Владимир отказался выдать Олава, убившего человека, и присудил за это преступление денежный штраф (см.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 243). Источниковедческий анализ этого сообщения саги не входит в задачу данного исследования, поэтому отметим только, что А. А. Зимин не учел недоброкачественности использованного перевода, вымышленности использованного эпизода в более позднем варианте саги в «Хеймскрингле» Снорри Стурлусона (1220—1230), тогда как в более древней Саге об Олаве Трюггвасоне монаха Одва (1190 г.) его нет, и, наконец, особенностей саг как художественных произведений, в значительной мере искажавших фактическую основу, дополнявших ее вымышленными эпизодами и скандинавскими реалиями в соответствии с принципами «синкретической правды» устного художественного творчества (см.: *Стеблин-Каменский М. И.* Древнескандинавская литература. М., 1979, с. 93—135).

[1] См.: ПВЛ, I, с. 86—87.

[2] «Повесть временных лет» /Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, т. II. М. — Л., 1950, с. 350; исходя из такого понимания текста, С. В. Юшков полагал, что кровная месть была заменена денежным взысканием в X в. (см.: *Юшков С. В.* Русская Правда... с. 249—251).

[3] См.: *Ключевский В. О.* Боярская дума. Изд. 5-е Пгр, 1919, с. 528—530; *Пресняков А. Е.* Лекции... т. I, с. 202—204; *Goetz L. K.* Das Russische Recht. Bd. I, S. 193—211; *Романова Е. Д.* Свободный общинник в Русской Правде. — История СССР, 1961, № 4, с. 78—79.

[4] См.: *Щепкин Е. Н.* Варяжская вира. Одесса, 1915, с. 102—103; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 242, 244.

риоду «военной демократии» (ограничение права кровной мести, раздел штрафа между «королем» или племенем, с одной стороны, и родственниками убитого, с другой), а также существования древней системы продаж, отраженной позднее в Древнейшей Правде. Вира в пользу князя имела очень давнюю традицию, и утверждение летописца о возвращении Владимира к «устроенью отъню и деднюо», взиманию вир—штрафа за убийство, имеет все основания.

Другим важным вопросом в толковании рассматриваемого сообщения летописи является определение степени влияния византийского права на введение смертной казни. Поскольку эта реформа относилась к христианскому периоду правления Владимира (после введения христианства как официальной государственной религии в 988 году), а ее инициатива исходила от епископов, исследователи видели в ней влияние духовенства и византийского права[1]. Однако в рассказе о событиях, происходивших до появления первой летописи в 30—50-х годах XI в., важно не то, от кого исходили советы (епископы и старцы имеют для рассказа лишь композиционное значение), а то, что реформа была учреждена в связи с ростом числа разбоев. Поэтому смысл ее заключается не в том, что Владимир — христианин пытался ввести за разбой смертную казнь, возможно, ссылаясь на византийское право, а в попытке казнями прекратить разбои или сократить их количество. Таким образом, введение такой меры наказания на Руси связано с ростом классовых противоречий. Однако судебные штрафы и, в частности, виры играли еще заметную роль в пополнении великокняжеской казны (и это также может служить аргументом в пользу древнего происхождения виры, которая шла уже не «королю или племени», как писал Тацит, а только великому князю). Поэтому Владимир вернулся к прежней системе взимания вир. Но то было не просто возвращение к прежней практике. Вместо индивидуального наказания посредством казни устанавливалась коллективная ответственность верви, которая должна была выплатить огромные суммы в 40 и 80 гривен, если она

[1] См.: *Сергеевич В.* Лекции... с. 383; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 153.

укрывала преступника или соглашалась платить за него (ст. ст. 19, 20 КП, ст. ст. 3—8 ПП)[1].

Социально-политические изменения, укрепление и территориальный рост относительно единого Древнерусского государства оказывали определяющее влияние на развитие права. Вероятно, во второй половине X в. изменилось название Закона Русского. Из закона, которым руководствовались великие киевские князья, существовавшего наравне с Правдами других восточнославянских племен, он становился Правдой Русской — основным сводом юридических норм Руси. Новое название указывало на происхождение закона (из Правды восточнославянских племен Среднего Поднепровья) и на функцию — в качестве великокняжеского права, распространявшегося на всю территорию государства.

Закон Русский имел значительные возможности для развития, становясь основным источником права (вероятно, еще устным по форме[2]) в Русском государстве второй половины X — начала XI в. Этот вывод можно сделать даже из небольшого числа его норм, записанных в Древнейшей Правде: в них отразилось складывание системы вир и «продаж», ограничение числа мстителей за убитого (ст. 1 КП) и личной мести за нанесение ударов (ст. 2 КП).

Правда Русская оказывалась столь совершенной и подготовленной к решению самых различных задач, которые стояли перед молодым государством, что в конкретных условиях 1015— 1016 гг. в период острых конфликтов новгородцев с варягами для создания первого писаного судебника достаточно было 1) «тематически» подобрать из нее уголовные и процессуальные нормы; 2) специально отметить равенство

[1] См.: *Goezt L. K.* Das Russische Recht... Bd. I, S. 205—207; *Дьяконов М.* Очерки... с. 32; А. А. Зимин писал о замене виры (по его мнению, штрафа за убийство дружинника) смертной казнью «не без влияния византийского права» (см.: *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 244).

[2] Есть мнения о существовании древнерусской письменности в дохристианский период (см.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 251—255), но пока они не подтверждены находками этой письменности. Германские же Правды и скандинавские областные законы свидетельствуют об использовании значительных по объему сводов правовых норм в устной форме в течение длительного времени, включая начальную стадию становления государства.

6 Заказ 6646

различных социальных групп южнорусского происхождения и общественных категорий, находящихся под покровительством великого князя, с одной стороны, и новгородцев, с другой (ст. 1 КП); 3) отредактировать две статьи применительно к варягам и колбягам (ст. ст. 10, 11 КП) и 4) указать «город» как место обнаружения краденого (ст. 13 КП).

Разумеется, небольшое число правовых норм, записанных в этом судебнике, не отражало всего богатства общественных отношений и юридической практики, существовавших в это время на территории Древнерусского государства, и устная, вероятно, Правда Русская продолжала быть правовой основой, которой руководствовался княжеский суд[1].

Значение первого древнерусского судебника заключалось не только в фиксации раннеклассовым государством норм устного права и в правовом урегулировании варяжско-новгородских конфликтов. Это было начало раннефеодального писаного права. Объективно появление первого судебника отражало те изменения надстроечных институтов, которые следовали из складывания раннеклассового базиса общественных отношений: принятие христианства как официальной государственной религии и широкое распространение письменности в конце X в., усложнение государственной системы и развитие устного права в период генезиса раннефеодального общества[2].

[1] И. И. Срезневский разъясняет понятие «судебник» как «книга законов, собрание постановлений» и приводит пример из Псковской первой летописи под 1054 годом: «Преставися князь Ярославъ, иже Правду устави судебникъ» (см.: *Срезневский И. И.* Материалы, т. III, стб. 608). Эти данные подтверждают правомерность применения термина «судебник» к Древнейшей Правде, но решающим доводом в пользу его применения является содержание Древнейшей Правды. Она представляет собой целенаправленную подборку юридических норм, специально отредактированных в качестве письменного нормативного акта — руководства для княжеского суда.

[2] Поэтому, хотя в основе большинства статей Древнейшей Правды лежат нормы устного права, ее определение как «памятника древнерусского обычного права» (см.: *Филиппов А. Н.* Учебник истории русского права. 5-е изд. Юрьев, 1914, с. 86) представляется глубоко ошибочным, поскольку записи Древнейшей Правды предшествовал долгий период развития правовых норм в условиях государства; не подходит это определение и к типологически различным правовым нормам племенных Правд, устного закона Русского государства — Закона Русского.

История текста Древнейшей Правды аналогична процессу складывания германских Правд, которые, по наблюдениям А. И. Неусыхина, «в их наиболее архаических постановлениях отражают общественный строй соответствующих племен не в период составления этих Правд, а в гораздо более раннюю эпоху». Это наблюдение позволило А. И. Неусыхину сформулировать важнейший методический прием, связавший источниковедческий анализ писаных Правд с изучением общественных отношений и права более древнего периода: «Как раз это «отставание» архаических норм варварских Правд от той стадии развития, которая была достигнута данным племенем к моменту их записи, и составляет весьма ценную их особенность для изучения предшествующих стадий»[1]. Можно в связи с этим отметить, что, если при изучении Древнейшей Правды не учитывать историю ее текста, то возникает реальная опасность архаизировать общественные отношения на Руси в начале XI в., вследствие того, что развитие устного и писаного права отставало от общественного развития. Поэтому можно ошибочно перенести в начало XI в. те элементы социальной структуры и права, которые существовали по Закону Русскому в IX — первой половине X в. Сделанные наблюдения позволяют отвергнуть вывод С. В. Юшкова, согласно которому «только в предположении, что нормы, которые излагались в Древнейшей Правде, являются новыми, до сих пор широкой массе населения и судебно-административному аппарату неизвестными, можно понять смысл издания особого Устава и его обнародования»[2]. Этот вывод архаизирует древнерусское право, правосознание и отражаемые ими общественные отношения в IX — начале XI в., в период, предшествующий появлению Древнейшей Правды.

Определение характера и назначения Древнейшей Правды, частичная реконструкция Закона Русского, установление отношений между законодательством Ярослава, Законом Русским и Правдой Русской позволяют продолжить изучение Правды Ярослава — сложного по составу свода законодательных постановлений.

[1] *Неусыхин А. И.* Возникновение зависимого крестьянства... с. 47.

[2] *Юшков С. В.* Русская Правда... с. 290—291.

„Правда уставлена руськои земли“

Составной частью генезиса феодальных общественных отношений являлось не только установление раннеклассовым государством эксплуатации лично свободного населения посредством системы податей, судебных штрафов и повинностей, но и распространение различных видов феодальной эксплуатации в господских хозяйствах. Эти хозяйства принадлежали великим киевским князьям, племенной и служилой знати, купцам, возможно, более низким по общественному положению дружинникам и «имовитым» людям. О них свидетельствуют, в частности, статьи русско-византийских договоров, предусматривающие возврат беглых зависимых людей — челяди, принадлежавших не только князьям и боярам, которые отправляли посольства и торговые караваны в Византию, но и купцам (ст. 12 договора 911 года, ст. ст. 2, 3 договора 944 года).

Общественные отношения, сложившиеся в результате производственной системы господских хозяйств, новая форма собственности, которая отличалась от верховной государственной собственности и общинной собственности, стали объективной предпосылкой появления нового нормативного акта, в котором регламентировались правовые отношения в господском хозяйстве. Таким актом, выполнявшим назревшие задачи дальнейшего развития русского писаного права, стал так называемый княжеский домениальный устав, сохранившийся в КП (ст. ст. 19—41), регламентирующий отношения собственности и правовые отношения в господском хозяйстве. Как давно отметили исследователи, эти нормы относились только к княжескому хозяйству, но такая ограниченность объясняется уровнем развития писаного права, а также актуальной необходимостью защитить более развитое и сложное княжеское хозяйство от растущего сопротивления феодальной экспансии лично свободного сельского и городского населения.

Как показано ранее, ст. ст. 19—41 КП начинает преамбула «Правда уставлена, руськои земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин, Микула», которая появилась в результате редактирования текста при включении его в состав протографа Новгородской

первой летописи младшего извода. Первоначально этот комплекс норм, вероятно, назывался «Правда уставлена руськои земли», в нем не было указано имя князя законодателя. Этот «недостаток» летописец, по-видимому, решил «исправить», указав имена князей Ярославичей и их «мужей» (без различия в их социальном положении и в неверной последовательности). Указание на такой съезд летописец мог найти в широко распространенных списках ПП (ст. 2), к тому же в одной из статей кодекса была указана как прецедент правовая норма с указанием Изяслава Ярославича (ст. 23 КП). Однако в результате такой контаминации идей и заголовков оказалось, что последующий за сообщением о съезде Ярославичей устав воспринимался как результат их правотворчества. Ключом к определению времени и инициатора его составления помимо ранее приведенных аргументов является заголовок «Суд Ярославль Володимеричь», которым древнерусские кодификаторы начали ПП. В нее органично вошли все статьи КП (кроме ст. ст. 18 и 30), а все юридические новации Ярославичей и Владимира Мономаха отмечены особо. На составление устава в период правления Ярослава Мудрого указывает также его стилистическое единство и сходство приемов кодификации с Древнейшей Правдой.

Уже в дореволюционной историографии Н. П. Павлов-Сильванский и А. Е. Пресняков указали на особый характер норм ст. ст. 19—28 КП, защищающих княжеское господское хозяйство и княжих людей. В советской исторической литературе была определена неразрывная связь их происхождения и классовой направленности с процессом становления феодальных отношений. Значительные разногласия вызвали вопросы происхождения и назначения последующих статей КП. Укажем лишь новейшие мнения. Статьи 29—41 КП М. Н. Тихомиров считал особыми записями новгородского происхождения, близкими по характеру к Древнейшей Правде, составленными в защиту княжеских интересов. С. В. Юшков возражал против такого их сближения, однако также видел в них законоположения, предназначенные для защиты княжих людей и княжеского имущества. Поэтому, по его мнению, эти установления имели общерусский киевский характер. Л. В. Черепнин предположил в ст. ст. 19—40 КП два кодекса. В первом (ст.

ст. 19—28, 31, 38, 40), отнесенном им к деятельности Изяслава Ярославича, как он полагал, содержались нормы о наиболее тяжких преступлениях: убийстве, разбое, коллективном грабеже, которые могли произойти как в городе, так и в деревне. Во втором кодексе (ст. ст. 32, 34—37, 39), отнесенном им к законодательству Святослава Ярославича, содержались статьи, предусматривавшие преступления против княжеской собственности. Статьи 29, 30, 33, по мнению Л. В. Черепнина, были более поздними вставками. По А. А. Зимину, «княжеский устав складывался из отдельных казусов, постепенно наслаивавшихся один на другой», «княжичи (имеются в виду Ярославичи. — *М. С.*)... домениальные статьи черпали из каких-то письменных источников, полностью не совпадающих с Краткой Правдой»[1].

Между тем исследователи не уделили достаточного внимания доказательству объективности критериев, на основе которых давались характеристики различных групп ст. ст. 19—41 КП. Системный и сравнительно-исторический анализ позволяет раскрыть источники и функции норм рассматриваемого княжеского домениального устава.

Тематически ст. ст. 19—40 КП разделяются на две группы. К первой относятся статьи, предусматривающие наказания за убийство людей княжеского домена: огнищанина — главного управляющего хозяйством; тиуна — более низкого по положению управляющего хозяйством; старшего конюха, старост сельского и ратайного, ответственного за господскую запашку, зависимых — рядовича, смерда, холопа, кормилицы и кормильца, а также за мучение «без княжа слова» людей княжеского хозяйства, находившихся под особой княжеской защитой — смерда, огнищанина, тиуна, мечника. В нее же входят статьи о наказании за воровство (некоторые исследователи полагают — убийство) княжеского коня, крупного рогатого скота разного возраста, барана (ст. ст. 19—28, 32, 33 КП), а также за разрушение или поджог княжеской борти — ульев.

Эта тематически единая группа статей, посвящен-

[1] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 62—70; *Юшков С. В.* Русская Правда... с. 303—307; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 175—195; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 248—253.

ная охране княжеского господского хозяйства, сложилась постепенно, на что указывает норма ст. 23 КП о 80-гривенной вире за старшего конюха, «яко уставил Изяслав в своем конюсе, его же убиле дорогобудьци». В данном случае наглядно видно, как судебный прецедент стал источником права и при кодификации стал нормой писаного права. Однако это важное наблюдение еще не является основанием для утверждения о том, что нормы КП являются кодифицированными прецедентами[1].

Ко второй группе статей нами отнесены статьи, которые регулируют различные отношения, не указывая принадлежности лиц, домашних животных и имущества. Нахождение некоторых из этих норм между статьями, которые непосредственно относятся к княжескому хозяйству (о краже холопов, мужчин и женщин, о побоях «мужа», т. е. свободного человека, о краже коня, волов, клети, индивидуально или коллективно — ст. ст. 29—31 КП), а также тематическое дополнение второй группы статей нормами первой (о нарушении границ личного владения, краже ладьи, домашних птиц и собаки, сена, дров, мелкого рогатого скота и свиней, о поимке вора на дворе — ст. ст. 34-40) свидетельствуют о единстве устава, предназначенного для защиты княжеского домена. Завершает его статья, определяющая размер отчислений от штрафов-продаж в пользу князя, членов административно-судебного аппарата и церкви (ст. 41).

Внешние различия обеих групп статей объясняются их происхождением. Обобщенные формулировки второй группы без указания социальной принадлежности лица, права собственности которого нарушались, указывают на то, что они заимствованы из источника, распространявшего свои нормы на самые различные группы населения. Им в конце IX — первой половине X в. был Закон Русский, а со второй половины X в., вероятно устная Правда Русская, которая явилась основным источником развивающегося раннефеодального писаного права. Это мнение подтверждает сравнение норм рассматриваемой группы статей с нормами германских Правд.

[1] Мысль о широком использовании прецедента как источника норм Русской Правды поддерживалась Н. А. Рожковым (см.: *Рожков Н. А.* Исторические и социологические очерки, ч. 2. М., 1906, с. 112).

КП	Lex Sal.	Lex Alam.	Lex Bajuv.
29. А оже уведеть чюжь холоп любо робу, платити ему за обиду 12 гривне. 31. А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да аще будеть един крал, то... или их будеть 18, то... 40. Аже украдуть овъцу, или козу, или свиныо, а их будеть 10 одину овьцу украле, да... 34. А иже межу переореть, любо перетес, то за обиду... 35. А оже лодью украдеть... 36. А в голубе и в куряти.., а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди... 37. А оже украдуть чюжь пес, любо ястреб, любо сокол...	X, 1. Если кто украдет раба, коня или упряжное животное, присуждается к уплате 1200 ден... XXXVIII [о конокрадстве]. II [о краже свиней]. IV [о краже овец]. X [о краже рабов и рабынь]. XXXIV [о краже изгороди]. XXVII, 24. Если кто запашет чужое поле без позволения хозяина, то присуждается... XXI[о краже лодок]. VII, 3, приб. 2—4, 4, приб. 5, 6 [о краже петуха, курицы, журавля, лебедя, гуся, голубя].		IX, 3. Если он украл более ценное имущество, т. е. стоящее 12 солидов или больше, или лошадь такой стоимости, или раба и пожелает отрицать это, то должен... XII [о нарушении межевых знаков]. XIX, 9 [об уводе лодки].
	VI [о краже собак].	LXXXIII [о краже собак].	XX [о краже и убийстве собак].
38. Аще убьють татя на своем дворе, любо у клети, или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор; а оже ли убьють,	Аналогичной нормы нет, ср. XIV, 6 [о нападении на чужую виллу], XVI [о поджоге дома и хозяйственных построек]. VII, приб. 11	Аналогичной нормы нет, ср. LXXXII [о поджоге дома и хозяйственных построек].	IX, 5. Если вор, захваченный в ночное время при воровстве будет убит в то время,

а люди будуть видели связан, то платити в немь. 39. Оже сено крадуть, то.., в дровех..:	[о краже дров].		как он пытался унести краденные вещи, то никаких жалоб на это убийство не должно быть. XII, 11 [о порубке дров][1].

При сравнении приведенных статей КП и германских Правд обнаруживается их значительное тематическое совпадение. Вместе с тем при сравнении с Салической и Алеманской Правдами норма ст. 38 КП о безнаказанности убийства вора на месте преступления в ночное время и запрещении убивать его утром под угрозой денежного штрафа, если вор схвачен и оставлен живым, может показаться новацией права раннефеодального общества. Однако в приведенной статье Баварской Правды есть разрешение безнаказанно убивать вора в ночное время. Близкая норма с определенными отличиями содержится также в Саксонской Правде: «Кто ночью проникнет в дом другого посредством подкопа или взлома и похитит что-либо стоимостью в 2 солида, карается смертью; если он там был убит, то за это ничего не платят»[2]. Убийство вора в ночное время было лишь частным случаем защиты хозяйства от воровства. Общим положением и, вероятно, исходной нормой являлось право безнаказанного убийства вора на месте преступления в любое время. Именно такая норма зафиксирована в Тюрингской Правде: «За человека, убитого во время кражи, не платят; но если его родственник (proximus) объявит, что он убит невиновным, пусть он докажет в поединке, что тот не виновен, иначе после клятвы двенадцати человек тот будет считаться справедливо

---

[1] См. также о краже коней, лошадей, крупного рогатого скота, быков и коров, свиней, баранов, овец, коз: Lex Francorum Chamavosum; XXV; Lex Sax., XXXIV; Lex Thuring., XXI—XXXIV, за кражу коня — смерть (Lex Sax., XXIX), так же по Фризской Правде, равно как и за кражу крупного рогатого скота, но с правом выкупа (Lex Fris., Add. I, 3).

[2] Lex Sax., XXXII.

убитым»[1]. О первоначальности исходного положения об убийстве вора на месте преступления, дополненного позднее правом выкупа, свидетельствует также судебник короля Уессекса Инэ, записанный в конце VII в.: «Если вор захвачен на месте преступления, он должен быть убит или его жизнь должна быть выкуплена его вергельдом»[2].

Развитие правовой нормы от безнаказанного убийства вора на месте преступления к ограничению этой меры прослеживается также в древнерусских юридических памятниках. Первоначально норма ст. 38 КП сформулирована однозначно в первом значении, что свидетельствует о ее древнейшем происхождении: «Аще убьють татя на своем дворе любо у клети, или у хлева, то тои убит». Ограничение места преступления только двором в древнейшей норме в IX — первой половине X в. было бы неправомерно, поскольку, как показывают археологические исследования, хозяйственные постройки в южнорусских сельских поселениях этого периода размещались в разных частях занимаемой ими площади при отсутствии дворов — единых жилищно-хозяйственных комплексов[3]. Поэтому указание «на своем дворе» можно оценить как следствие дальнейшего развития права, отражавшего происходившие экономические изменения во второй половине X — первой половине XI в. Об отсутствии «двора» как места преступления в древнейшей норме может свидетельствовать также содержание ст. 21 КП, в которой основное внимание уделяется не месту преступления, а объекту кражи: «Аже убьють огнищанина у клети, или у коня, или у говяда, или у коровье татьбы, то убити в пса место». Отсутствие в норме ограничения относительно места преступления придавало ей универсальный характер. Появление «двора» при модификации ст. 38 КП свидетельствовало о возраставшей роли замкнутых хозяйственных комплексов, в которых развивались феодальные отношения.

Дальнейшим этапом в ограничении древнейшей нормы об убийстве вора на месте преступления явилось запрещение убивать захваченного вора после рассвета, когда надо было вести его на суд «на княжь двор» (прослеживается аналогия с германскими Правдами). Однако вопрос заключается в том, когда появилось это ограничение. В ст. 6 договора 911 года содержится норма, подобная рассматриваемой ст. 38 КП, которая предполагает не только безнаказанное убийство вора на месте преступления, но и сохранение ему жизни в случае сдачи преступника, суда над ним и взимания тройной цены украденного: «Аще украдеть русин что любо у хрестиана или паки хрестиян у русина, и ят будеть в том часе тать, егда татбу сътворить от погубившаго что любо, аще приготивиться татьбу творяи, и убьен будеть, да не взищеться смерть его ни от хрестьан, ни от Руси, но паче убо да возметь свое, иже [будеть] погубил. Аще вдасть руце свои украдыи, да ят будеть тем же, у негоже будеть украдено, и связан будеть, [и] отдасть то, еже сие створити, и сотворить трiичи». Данная статья была основана на норме русского права, поскольку по византийскому праву в случае воровства предусматривался судебный процесс и наказание кнутом, отсечением руки, изгнанием, а для состоятельных — возмещением двойной цены украденной вещи наряду с ее возвращением (Эклога, XVII, 10—13). Возмещение увеличенной цены украденного свидетельствует о совмещении в ст. 6 договора 911 года норм русского права, предполагавшего убийство вора на месте преступления или княжеский суд, и византийского права, по которому совершался суд на территории Византии. На основании изложенного можно считать, что тенденция к ограничению убийства вора на месте преступления отразилась уже в Законе Русском и нашла дальнейшее развитие в устном, вероятно, праве — Правде Русской, в чем выразилось вмешательство государственной власти раннеклассового общества в данный комплекс отношений. Поэтому в качестве статьи Закона Русского можно реконструировать следующую норму: «Аще убьють татя у клети или у хлева, то тои убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор».

Продолжение ст. 38 КП «а оже ли убьють, а люди будуть видели связан, то платити в нем» определяет санкцию за нарушение закона. Исключительность ее по сравнению с санкциями других статей КП свиде-

[1] Lex Thuring., XXXVI.
[2] Ine, 12.
[3] См.: *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, с. 131—133.

тельствует о том, что она была добавлена к основной норме статьи позднее. На время появления этого добавления указывает содержание нормы, предполагающее место преступления не на княжеском дворе. Рассматриваемое дополнение также не указывает на княжеский двор как на место преступления. Отсюда можно заключить, что норма ст. 38 КП была включена в княжеский домениальный устав в целом из действующего устного права. Следовательно, норма ст. 38 КП развилась в устной Правде Русской; появление данного дополнения в ней объясняется возникшей необходимостью борьбы с теми, кто выступал против вмешательства государства в самосуд над ворами, в результате чего была издана дополнительная репрессивная санкция за нарушение закона.

Полное или частичное совпадение ст. ст. 29—40 КП с нормами германских Правд свидетельствует о том, что статьи об охране хозяйства также входили в Закон Русский и развившуюся на его основе устную Правду Русскую. Таким образом, становится понятным происхождение стилистической и смысловой близости ст. ст. 1—16 и 29—40 КП, отмеченной М. Н. Тихомировым[1], — в их основе находился один источник — устная, вероятно, Правда Русская, продолжающая юридическую традицию Закона Русского. Однако включение статей об охране собственности в княжеский домениальный устав качественно меняло их социальную и юридическую функцию, поскольку они находились теперь в специальном акте, предназначенном для охраны княжеского феодального хозяйства и в качестве княжеского писаного права противостояли растущей вариационности норм развивающегося обычного народного права. Вместе с тем важно отметить, что усложнение раннефеодального писаного права не отрицает продолжения традиции

[1] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 67—69; однако трудно согласиться в данном случае с пониманием «обиды» как «платежа в пользу обиженного», поскольку «обида» являлась штрафом в пользу князя за то, что правонарушитель «обидел» потерпевшего; поэтому в ПП штрафы «за обиду» названы «продажами» (см. выше); этим объясняется, почему штраф в КП «оценивался» то как плата «за обиду», то как «продажа», и отсюда же, в отличие от мнения М. Н. Тихомирова, не следует разновременность ст. ст. 29—40 КП, хотя, разумеется, причины появления названий штрафов «за обиду» и «продажа» различны, но в КП и ПП они означали одно и то же.

использования в княжеских судах на данном этапе разработанного устного права — Правды Русской. В пользу этого мнения свидетельствует сложный состав варварских Правд, в частности германских, содержащих большое число норм по регулированию уголовных, наследственных, семейных и прочих правоотношений, которые фиксировались в первых писаных судебниках и откуда развивающееся писаное раннефеодальное право черпало юридические нормы.

При составлении княжеского домениального устава используемые нормы Закона Русского целенаправленно редактировались.

КП	**Lex Sal.**	**Lex Alam.**	**Lex Bajuv.**
28. А за княжь конь, иже тои с пятном, 3 гривне, а за смердеи 2 гривне, за кобылу.., а за вол.., а за корову.., а за третьякь[1], а за лоньщину[2].., а за теля.., за боран...	III [о краже молочного теленка, годовалого, двухгодовалого быка, коровы, королевского быка]. IV [о краже овец].	LXX, LXXI, LXXIII [о краже коня, лошади, вьючного скота]. LXXVI, LXXIX [о краже быка, коровы].	IX,8, 9 [о краже вьючного и мелкого скота, об убийстве чужого коня, быка или другого животного].
32. А в княже борти 3 гривне, любо пожгуть, любо изудруть.	VIII [о краже ульев].		XXII, 8—16 [спорные дела о рое пчел].

Сравнение ст. ст. 28, 32 КП с аналогичными нормами германских Правд свидетельствует о том, что законодатели добавили к соответствующей норме Закона Русского только определение «княжий». Показательно, что таким же образом редактировалась королевской властью Салическая Правда, где штраф за кражу королевского быка указан в особом добавлении (III, 5, Add. 4), расширявшем и корректировавшем применение группы статей о краже крупного рогатого скота. Вместе с тем отредактированная ст. 28 КП утверждала различный объем социальных и имущественных прав, устанавливая штраф за убийство княжеского коня в 3 гривны и за коня смерда — в 2 гривны.

[1] Трехгодовалая корова или бык.
[2] Двухгодовалая корова или бык.

Древняя норма, предусматривающая смерть вора на месте преступления (эта норма встречается у многих народов на начальной стадии их истории), также вошла в княжеский домениальный устав как в конкретной связи с княжеским хозяйством, так и в общей формулировке, что свидетельствует о ее вхождении еще в Закон Русский.

Ст. 4 договора 911 года	**Ст. 13 договора 944 года**	**Ст. 21 КП**	**Ст. 38 КП**
Аще кто убьеть хрестиана русин или христьян русина, да умреть, идеже аще сотворить убийство.	Аще убьеть хрестьянин русина или русин хрестьянина, да держим будеть створивыи убийство от ближних убьенаго, да убьють и.	Аще убьють огнищанина у клети... то убити в пса место.	Аще убьють татя на своем дворе... то тои убит..:

Если принять во внимание использование норм устной Правды Русской, восходящих к Закону Русскому, при составлении княжеского домениального устава, то появление в последнем ст. 30 «аще приидеть кровав мужь любо синь, то не искати ему послуха» можно объяснить нормотворчеством древнерусских правоведов (содержание статьи Закона Русского было совершенно иным: в случае избиения до крови или синяков разрешалось мстить, при отказе от мести платились штраф «за обиду» в 3 гривны и вознаграждение врачу). Приведенная после статей, предусматривающих наказания за убийство людей княжеского домена, увод холопов, она гарантировала простейшую судебную процедуру в защите прав свободных людей княжеского домена, пострадавших от побоев.

Новым социальным содержанием наполнилась древняя норма Закона Русского об «уведении», т. е. краже или сманивании, зависимых людей — челяди. Она содержалась уже в русско-византийских договорах: «Аще украден будеть челядин рускыи, или ускочить...» (ст. 12 договора 911 года). При составлении Древнейшей Правды необходимо было урегулировать случаи бегства челяди, в связи с чем была ис-

пользована и отредактирована соответствующая норма Закона Русского. При составлении княжеского домениального устава важно было предусмотреть в нем штраф за сманивание или кражу челядина. В соответствии с представлениями господствующего класса раннесредневекового общества данная норма приведена вслед за кражей скота. На новом этапе социально-экономического развития эта норма стала охранять права господина крупного феодального хозяйства на своих зависимых людей — челядь.

Таким же классовым содержанием наполнена ст. 31 КП: «А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, да аще будеть един крал, то гривну и тридесят резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви». Как показывает источниковедческий анализ, ее текст значительно испорчен. Штраф с одного лица за кражу коня, вола или клети должен составлять 3 гривны, что согласуется со штрафом ст. 28 КП, охранявшей то же княжеское хозяйство, с аналогичным наказанием в ст. 41 ПП (сомнения в правильности написания числа 18, а не 10, как в ст. 40 КП, в данном случае значения не имеют). Основной смысл ст. 31 КП заключается, таким образом, в установлении штрафа в 3 гривны с каждого из похитителей, а не уплаты 3-гривенного штрафа совместно. Это свидетельствует об активности законодательства в охране господского хозяйства. Кроме того, устанавливался штраф в 30 резан для вознаграждения каждого участника поимки преступников: «по 30 резан платити мужеви».

Таким образом, текстологический анализ домениального княжеского устава показал, что в его основу положены нормы права, продолжавшего традиции Закона Русского. Некоторые из них вошли в устав без изменений, другие были отредактированы в соответствии с новыми потребностями раннефеодального общества. Вместе с тем выполненный текстологический анализ позволяет реконструировать нормы Закона Русского, относящиеся к защите собственности.

НОРМЫ ЗАКОНА РУССКОГО В ДОМЕНИАЛЬНОМ УСТАВЕ

[29] А оже уведеть чюжь холоп любо робу, платити ему [за обиду] 12 гривне.

[28] А за конь 3 гривне, за кобылу 60 резан, а за

вол гривну, а за корову 40 резан, а третьяк 15 кун, а за лоньщину пол гривне, а за теля 5 резан, за яря ногата, за боран ногата.

[31] А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть, то три гривне платити ему.

[40] Аже украдуть овцу, или козу, или свинью, то платити 60 резан.

[39] Аже сено крадуть, то 9 кун, а в дровех 9 кун.

[32] А в борти 3 гривне.

[34] А иже межу переореть любо перетес, то [за обиду] 12 гривне.

[35] А оже лодью украдеть, то платити 60 резан[1].

[36] А в голубе и в куряти, и в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 60 резан.

[37] А оже украдуть чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то [за обиду] 3 гривне.

[38] Аще убьють татя у клети, или у хлева, то той убит; аще ли до света держать, то вести его на княжь двор.

Реконструкция норм Закона Русского, которые отразились в княжеском домениальном уставе, позволяет установить сложное по составу устное право восточных славян, предназначенное для охраны личных и имущественных прав, аналогичное по характеру германским Правдам. На основе данной реконструкции можно проследить также основные тенденции развития Закона Русского в условиях существования Древнерусского государства второй половины IX — начала XI в.; процесс наполнения его норм новым содержанием в условиях классовых отношений раннефеодального общества. Наконец, в полной мере становится ясен характер новаций правотворчества господствующего класса по защите своего хозяйства. Следует, впрочем, и в этом случае отметить, что отсутствие предшествующего развитого писаного права в отличие от стран романо-германского синтеза, необходимость самостоятельной его разработки стали причинами отставания писаного права от сложной системы правоотношений в господском хозяйстве, сложившемся на Руси к первой половине XI в. Это проявилось в небольшом числе правовых норм по защите людей и имущества господского хозяйства (что было исправлено при составлении ПП), а также в ограничении защиты нормами писаного права только княжеского домена. Вместе с тем несомненной заслугой древнерусских правоведов стало составление единого по структуре правового комплекса, который гармонично объединил новые статьи, отредактированные нормы устной, вероятно, Правды Русской, восходящей к Закону Русскому, а также неизмененные нормы Правды, функции которых определялись уже охраной ими княжеского господского хозяйства, что меняло их социальную природу. Комплексный анализ состава КП и определение ее соотношения с предшествующим и сосуществующим с ней устным правом позволяет отказаться от эвристической выборки статей при изучении истории текста входящего в ее состав домениального устава[1].

Стилистическое единство Древнейшей Правды и домениального княжеского устава можно объяснить

[1] Как отмечено ранее, в КП и ПП указывались прежде всего публичные штрафы, тогда как частное вознаграждение пострадавшим называлось в княжеском домениальном уставе и в ПП лишь факультативно. Это позволяет предположить, что великокняжескую власть при составлении писаных судебников интересовало прежде всего взимание государственных штрафов, а частное вознаграждение было, вероятно, вариационным. При сравнении публичных штрафов, определенных в КП, включая Древнейшую Правду, и ПП, оказалось, что они равны, несмотря на значительный промежуток времени, их разделяющий. Это свидетельствует о значительной устойчивости государственных штрафов, сложившихся до их фиксации в письменном акте. На этом основании при реконструкции нормы Закона Русского использованы публичные штрафы, известные по КП и ПП, тогда как частное вознаграждение, которое, несомненно, существовало, вследствие его вариационности в текст реконструкции включать не было целесообразным.

[1] Примером такой выборки может служить предположение о существовании самостоятельного устава о «наказании за посягательства на движимую собственность (крупный и мелкий скот и др.)», отразившегося в ст. ст. 31, 40 КП и ст. ст. 41—43 ПП (см.: *Орешников А. С.* К истории текста Русской Правды.— В кн.: Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978). Исходной точкой для исследователя явились установленные историографией факты включения в КП домениального устава, а в ПП — уставов о закупах и холопах. Однако при этом А. С. Орешников не обратил внимание на выделение данных уставов композиционно и по содержанию, тогда как выбранные автором статьи отличались только редакционными особенностями, но не по содержанию и композиции в составе КП. Анализ формы и содержания статей, выделенных А. С. Орешниковым, свидетельствует о том, что они представляют собой редакцию традиционных для устного и писаного права норм в условиях обострившейся классовой борьбы в раннефеодальном обществе.

7 Заказ 6646

рядом причин. Оба этих памятника едины по своей природе — это, как представляется, первые писаные юридические кодексы развивающегося раннефеодального государства, осуществлявшего функции регулирования правоотношений в раннеклассовом обществе и подавления сопротивления лично свободного и зависимого населения растущему классу феодалов. В их основе лежал один источник — предшествующее, видимо, устное право — Правда Русская, восходящая к Закону Русскому. Что касается различий между Древнейшей Правдой и княжеским домениальным уставом, то они объясняются не тем, что эти акты восходят к разным по времени периодам общественного развития, а тем, что они регулируют различные области правоотношений и каждый из них имел конкретные причины для появления.

Учитывая стилистическое единство Древнейшей Правды и княжеского домениального устава, а также рассмотренную выше историю текста КП в составе летописей и как самостоятельного юридического памятника, использованного при составлении ПП, можно сделать вывод, что Древнейшая Правда и домениальный устав явились последовательными этапами в становлении русского писаного права в период княжения Ярослава Мудрого. Целью составления Древнейшей Правды было урегулирование социальных конфликтов в Новгороде и новгородско-варяжских столкновений 1015—1016 гг., а устава — защита людей и хозяйства княжеского домена. Можно также предположить, что первый памятник назывался «Правда Русская» (она повторяла название основного великокняжеского источника права, развившегося во второй половине X—начале XI в. на основе Закона Русского), тогда как второй имел преамбулу «Правда уставлена руськои земли» и предназначался для правовой защиты княжеского домена на всей территории Древнерусского государства. Преамбула, которую можно считать заголовком нового судебника, позволяет установить время издания домениального устава.

В «Повести временных лет» под 1036 годом сообщается о смерти Мстислава Владимировича, брата Ярослава Мудрого, который отвоевал в 1024 году у великого киевского князя значительную территорию — Днепровское левобережье и сел князем в Чернигове. Хотя Мстислав и победил в Лиственской битве, он не

претендовал на великокняжеский престол. По сообщению летописи, «и посла Мьстиславъ по Ярославе, глаголя: «Сяди в своемь Кыеве: ты еси стареишеи братъ, а мне буди си сторона». И не смяше Ярославъ ити в Кыевъ, дондеже смиристася. И седяше Мьстиславъ Чернигове, а Ярославъ Новегороде, и беяху Кыеве мужи Ярославли»[1], т. е. Ярослав опасался Мстислава и жил в Новгороде, а Киевом управляли его посадники. После известия о смерти Мстислава летописец записал: «Посемь же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьтеи земли»[2]. Таким образом, Ярослав издал устав, нормы которого действовали на всей территории Русского государства, — «Правда уставлена руськои земли», — вероятно, после 1036 года. Впрочем, изложенные события позволяют предположить и другое назначение домениального устава. Известно два значения понятия «Русская земля» в XI в.: широкое, охватывающее всю территорию Древнерусского государства, и узкое, относящееся к землям Среднего Поднепровья. Если понятие «Русская земля» в заголовке употреблено в узком значении, то можно предположить, что, когда после смерти Мстислава Ярослав Мудрый вернулся в Киев, он установил для княжеских владений Среднего Поднепровья домениальный устав, который ранее применялся по отношению к личным новгородским владениям князя (отсюда предполагаемые исследователями новгородизмы домениального устава). Но и в этом случае опубликование устава относится к юридической деятельности Ярослава и датируется временем после 1036 года, хотя, возможно, что как сложившаяся система норм он применялся в Новгородских землях и раньше.

Следует отметить, что многочисленные исследователи, считавшие компилятивный заголовок в Новгородской первой летописи к домениальному уставу как доказательство в пользу того, что следующие за ним статьи КП относятся к Правде Ярославичей, не обращали внимание на то, что в хронологический промежуток между 1054—1068 гг. и 1069—1072 гг. слова «Правда уставлена руськои земли» не соответствовали размерам реальной власти «триумвирата» кня-

[1] ПВЛ, I, с. 100.
[2] Там же, с. 101.

зей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Власть «триумвирата», несмотря на его могущество, не распространялась на всю территорию Древнерусского государства. После смерти Ярослава, наряду с обширными владениями Изяслава, Святослава и Всеволода, существовали волынское княжение Игоря Ярославича и смоленское княжение Вячеслава Ярославича. В Полоцкой земле княжил сын Изяслава Владимировича Всеслав, двоюродный брат Ярославичей. Однако эти князья не участвовали в съезде Ярославичей, и в таком случае непонятно, почему устройство княжеских личных владений в других княжениях должно было беспокоить триумвират. После смерти Вячеслава в 1057 году старшие братья перевели Игоря из Владимира Волынского в Смоленск, где он правил до своей кончины в 1060 году. Затем Ярославичи разделили Смоленск на три части, однако город этому сопротивлялся. Владимиру Всеволодовичу пришлось два раза — в 1069 и 1070 гг. — «ходить» на этот город и только в 1077 году он получил его в свое княжение. В то же время Полоцким княжением владел с 1044 по 1067 гг. Всеслав Брячиславич, захваченный в плен Ярославичами после его разбойного нападения на Новгород. Но уже в 1068 году в результате народного восстания в Киеве он был освобожден и временно стал киевским князем, а Изяслав бежал в Польшу. В последующей междукняжеской усобице Всеслав и его сыновья боролись за свои уделы в Полоцкой земле. Таким образом, распространение Ярославичами действия домениального устава на все личные княжеские владения Древнерусского государства оказывается не только не нужным, но и невозможным. Если же допустить, что в заголовке слова «русская земля» употреблены в узком значении, а Изяслав, Святослав и Всеволод предполагали применять устав только в Среднем Поднепровье, то это нельзя никак объяснить, поскольку владения Ярославичей охватывали значительно более обширную территорию, включая северо-западные и северо-восточные княжения[1]. Устанавливаемое несоответствие содержания обеих частей заголовка домениального устава («Правда уставлена руськои земли» и сообщение о съезде Ярославичей) подтверждает сделанные ранее текстологические наблюдения о его компилятивности. В то же время общественно-политическое положение Руси второй и третьей четверти XI в. свидетельствует о том, что домениальный устав был создан в княжение Ярослава Мудрого между 1036 и 1054 гг. Однако Древнейшей Правдой и домениальным уставом не ограничилась его законодательная деятельность.

[1] См.: *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля. М., 1966, с. 242—267; он же. Смоленская земля в IX—XIII вв. М., 1980, с. 195; *Рапов О. М.* Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII вв. М., 1977.

„Суд Ярославль Володимеричь"

В составе КП к последней ст. 41 о судебных отчислениях в пользу князя и членов его административно-судебного аппарата примыкает особая статья «Покон вирный», в котором определяется размер недельного снабжения вирника (сборщика вир — штрафов за убийство[2]) продуктами и деньгами. Покон назван там «урок Ярославль», т. е. указана его принадлежность к законодательству Ярослава. Близость ст. ст. 41 и 42 КП по содержанию, назначению и употреблению терминов денежной системы (гривны и куны; с другими статьями домениального устава совпадает также использование другой денежной фракции — резаны) способствовала их восприятию как тематически единого целого. Такая интерпретация статей проявилась во введении их двойной нумерации (статьи 41—42) в академическом издании Русской Правды[1]. Отсюда важный для изучения истории текста КП вывод: ст. 41 КП была составлена в княжение Ярослава Мудрого[2]. Учитывая сделанные ранее наблюдения о составлении в то же время всего домениального устава, в данном выводе можно видеть еще одно подтверждение мнения о времени написания ст. ст. 19—41 КП до 1054 года и об ошибочности преамбулы перед текстом устава.

Другой темой в определении истории Покона вирного стало обсуждение вопроса о его самостоятельном существовании. Развернутые положительные ответы на него дали И. А. Стратонов и М. Н. Тихомиров. И. А. Стратонов отметил не только прямое ука-

[1] См., Правда Русская, II, с. 223—234; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 70.
[2] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 160—161.

зание Покона на его происхождение — «урок Ярославль», но и композиционную и тематическую близость Покона с концом домениального устава (ст. 41 КП) (напомним, что И. А. Стратонов относил так называемую Правду Ярославичей ко времени правления Ярослава Мудрого)[1]. Мнения о самостоятельном существовании Покона вполне доказательны и легко корректируются с учетом сделанных выше наблюдений о существовании самостоятельного домениального устава Ярослава Мудрого «Правда уставлена руськои земли». На восприятие Покона как самостоятельного правового памятника указывает также работа древнерусских кодификаторов при составлении ПП, которые его переставили на композиционно более соответствующее место (ст. 9 ПП) — в завершение комплекса статей (3—8 ПП), устанавливающих принципы коллективной ответственности верви и практики взимания вир.

Л. В. Черепнин связывал появление Покона вирного с социальными движениями в Северо-Восточной Руси в 1024—1026 гг. и считал, что основной его задачей являлось «укрепление княжеских судебных органов на материальной основе кормлений», но в результате недавнего народного движения он должен был ограничивать произвол вирников. Отсюда нормирование поборов и «корма» вирника, ограничение числа его лошадей, времени взимания вир в общине недельным сроком[2]. Такое определение функции Покона вирного представляется совершенно справедливым. Сомнение вызывает определение времени его появления. В самом тексте отсутствуют какие-либо хронологические данные, лишь названо имя законодателя — Ярослава Мудрого. Нет также указаний на ограниченную территорию применения.

Содержание Покона вирного позволяет предположить его действие как общерусского закона, точно устанавливающего размер денежного и натурального «корма» вирника. Появление такой регламентации, без сомнения, было связано с сопротивлением местного населения безудержной эксплуатации вирником и его спутниками во время объездов общин в связи с

[1] См.: *Стратонов И. А.* К вопросу... с. 25—26; *Тихомиров М. Н.* Исследование.... с. 71—73.

[2] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 154—158.

судом по делам об убийстве. Тем самым издание Покона определялось классовой борьбой, возникавшей как сопротивление лично свободного населения растущему угнетению служилой части господствующего класса. Регулирование межклассовых отношений являлось одной из функций феодального государства.

Завершает КП Урок мостников. Как и Покон вирный, он отделяется от предшествующего текста словами «А се...», что свидетельствует о его существовании в качестве самостоятельного письменного установления. Дореволюционные исследователи считали, что в Уроке речь идет прежде всего о ремонте мостов. Вместе с тем П. Н. Мрочек-Дроздовский отметил, что слово «мост» имеет значение и «уличная мостовая»[1]. Верность такой интерпретации была подтверждена находками многочисленных мостовых в Новгороде, что позволило М. Н. Тихомирову высказать обоснованное мнение о широком применении Урока при расчетах по ремонту мостов и мостовых. Археологические находки мостовых в других древнерусских городах позволяют считать, что Урок мостников имел общерусское значение. В Уроке нет данных, которые указывали бы на время его издания. Однако включение Урока в ряд законов Ярослава Мудрого позволяет предположить, что он относится к законодательству этого князя.

Таким образом, анализ КП позволяет определить основные этапы становления ее текста.

На основе длительной традиции развивающегося устного права в условиях государства в IX—X вв. и княжеских постановлений X в. появились первые писаные уставы, назначением которых стала фиксация юридических постановлений государственной власти, закрепляющих сложившуюся систему классовых отношений и отношений собственности в государстве и в домениальном хозяйстве, направленных на подав-

[1] Сводка мнений см.: Правда Русская, II, с. 235—238; *Ларин Б. А.* Лекции... с. 55; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 73—74; он же. Пособие... с. 85—86. Археологические исследования показали, что древнейшие мостовые в Новгороде относятся к X. в. См.: *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 21.

ление сопротивления растущей феодальной эксплуатации, решение социально-политических конфликтов и принятие административных мер. Вероятно, законы, изданные в разные периоды долгого княжения Ярослава Мудрого, были сведены в единый свод — «Суд Ярославль Володимеричь» (Краткая редакция Русской Правды). Он целиком (за исключением немногих норм) был включен в Пространную редакцию Русской Правды, что свидетельствует о его самостоятельном существовании. «Суд Ярославль Володимеричь» отразил сильные и слабые стороны процесса генезиса писаного светского феодального права в условиях Древнерусского государства. К его сильным сторонам относится самостоятельность правотворчества господствующего класса, активность правового регулирования государством социально-экономических отношений в раннеклассовом обществе, широкое привлечение действующего еще устного права, нормы которого развивались в период существования Древнерусского государства второй половины IX — первой половины XI в. и наполнялись новым содержанием как в устной форме, так и при записи в раннефеодальные судебники. Слабой стороной процесса генезиса писаного светского древнерусского права было относительно позднее его появление — после полутора столетий существования Древнерусского государства, и издание государством отдельных нормативных актов, ограниченных определенными целями, вместо систематического изложения основных нормативных комплексов. Нормы писаного права не охватывали всего многообразия сложной системы общественных отношений, поэтому создавались особые церковные уставы, включавшие нормы светского права, а также рецепировались правовые памятники южных славян и Византии. Первый период истории древнерусского писаного права завершился сведением воедино сделанных ранее в княжение Ярослава Мудрого писаных светских правовых установлений, что составило основу для княжеского судопроизводства и для последующего развития писаного права, которое должно было шире и глубже отразить произошедшие в стране социально-экономические изменения. Вероятно, в виде компиляции — обобщения предшествующего законодательства — Краткая редакция Русской Правды была составлена в конце княжения

Ярослава[1]. Поэтому, когда старшие сыновья собрались после его смерти, как следует из ст. 2 ПП, перед ними стояла только одна задача по совершенствованию законодательства отца: полностью отменить кровную месть и заменить ее выкупом, «а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Как видно из текста ст. ст. 2 и 65 ПП, постановление Ярославичей существовало в качестве самостоятельного закона, из чего можно сделать вывод, что законодательство отца ими не редактировалось. Лишь при составлении нового писаного свода законов — ПП кодификаторами были отредактированы соответствующие нормы с учетом закона Ярославичей.

[1] Это мнение высказывал и А. А. Зимин (*Зимин А. А.* Русская правда. — Сов. историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969, стб. 329).

Глава III Пространная редакция Русской Правды

оциально-экономическое и политическое развитие Древнерусского государства настоятельно требовало дальнейшего совершенствования писаного права. Коллективное правотворчество Ярославичей, вероятно, ограничивалось отменой кровной мести, но можно предположить, что каждый из них в своих княжествах, а также во время пребывания на великом киевском княжении (Изяслав — 1054—1068, 1069—1073, 1077—1078; Святослав — 1073 — 1076; Всеволод — 1077, 1078—1093) принимал определенные правовые установления. Также поступал и великий князь Святополк Изяславич (1093—1113). Однако отсутствие в источниках сведений о принятии тех или иных законов не позволяет аргументированно их выделить. Опыт по вычленению отдельных групп статей ПП и определению времени их появления, жестко поставленный в связь с определенными историческими событиями, по сходству их социально-экономического и политического содержания, не обладает доказательностью, поскольку, по нашему мнению, такой исследовательский прием упрощает характер воздействия социально-экономических отношений и политических причин на право. С одной стороны, он подразумевает ограниченность влияния базиса на юридическую надстройку, с другой стороны, — не учитывает всей сложности исторической действительности, сводя ее к тем фактам, о которых сообщают источники, не предполагая многочисленных других событий, которые не попали по разным причинам в сохранившиеся письменные памятники. К тому же следует учесть, что эти памятники не указывают на предполагаемую связь данных событий и выделенных статей ПП.

Вместе с тем необоснованной осталась долгая историографическая традиция, предполагающая выделение ст. ст. 1—52 ПП (до устава о резах-процентах Владимира Всеволодовича Мономаха) в особый правовой кодекс, который относился, исходя из взглядов исследователей, к Ярославу, Ярославичам, Святополку Изяславичу, и как самостоятельное целое наполнялся определенным историческим и юридическим содержанием, тогда как Правда Владимира Мономаха оказывалась лишь дополнением к предшествующему своду[1]. Существенны также различия в понимании объема норм, включенных в ПП при Владимире Мономахе: от уставов о резах и закупах[2] до составления всего текста ПП[3]. Поэтому представляется целесообразным анализ ПП как единого юридического свода, сложившегося на определенном этапе развития древнерусского писаного права на основе предшествующего законодательства. Определение внутренней структуры ПП и стилистических ее особенностей позволяет, как представляется, раскрыть историю ее текста и предположительно установить время ее написания.

В историографии уже отмечалось, что почти пол-

[1] См.: *Ланге Н.* Исследование.., с. 10—17; *Юшков С. В.* Русская правда... с. 320—327.

[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 208.

[3] См.: *Зимин А. А.* Рецензия на книгу С. В. Юшкова «Русская Правда». — Советская книга, 1950, № 8, с. 75—76; он же. Феодальная государственность... с. 264—275.

ностью текст КП использован как источник ПП. Отсюда следует, что нормы КП привлекались в ПП одновременно[1]. Таким образом, мнение о хронологическом различии групп статей 1—52 и 53—121 ПП оказывается недоказанным. Анализ композиции ПП и выявление принципов использования в ней норм КП позволяют глубже раскрыть ее содержание как источника права.

Составители ПП сохранили заголовки предшествующего юридического сборника «Суд Ярославль Володимеричь» и «Правда Русьская». Первый заголовок был не только ссылкой на старину для увеличения авторитета ПП[2], но и прямым указанием на использованный свод законов. Заголовок «Правда Русьская», относившийся ранее к Древнейшей Правде, составленной для Новгорода в 1015—1016 гг., приобретал новое звучание. Им подчеркивалось значение нового свода светского права как основного источника на территории всей Руси.

Составители ПП проделали значительную работу по систематизации норм предшествующих законов, их модификации и дополнению, что свидетельствовало о дальнейшем социально-экономическом и политическом развитии государства и его более активном воздействии на право.

Статья 1 ПП объединила нормы ст. ст. 1, 19, 22 КП, относя все их, как отмечено ранее, к законодательству Ярослава.

КП	ПП
1. Убьеть мужь мужа, то мьстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, либо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь. 19. Аще убьють огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиици, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен. 22. А в княжи тивуне 80 гривен.	1. Аже убиеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь мужь или тиуна княжа, аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, любо тивун бояреск, любо мечник, любо изгои, ли словенин, то 40 гривен положити за нь.

[1] См.: *Зимин А. А.* Рецензия... с. 75—76; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 205; он же. Крестьянские и городские восстания... с. 139—140.

[2] См.: *Юшков С. В.* Русская Правда... с. 322.

Сравнение норм КП и ПП разъясняет принципы использования составителями норм предшествующего законодательства: 1) сохранение текста, даже если приведенная норма отменена последующим законодательством, с указанием последующего корректива; 2) изменение порядка последовательности юридических норм для достижения цельности их композиции; 3) использование терминологических поновлений, которые отражали социально-экономические и политические изменения: так, древнейшая по происхождению норма о предоставлении права мести сыну сестры убитого, отражавшая семейно-хозяйственные и правовые отношения в патриархальной большой семье, уже не соответствовала общественным и семейным отношениям времени составления ПП и была отредактирована с учетом более реального отношения — мстить «братню сынови». Однако это изменение было неудачным, поскольку предшествующий текст сохранял древнее «братучадо», т. е. племянник по мужской линии, что то же самое. Творческой была также замена «ябетника» — княжеского чиновника, упоминание которого было целесообразно в ст. 1, на «боярского тиуна», что отражало значительно возросшую общественную роль тиунов — управляющих господским хозяйством и было вызвано необходимостью соотнести его общественно-правовое положение с княжеским тиуном.

Традиционность в сохранении статьи о регламентировании кровной мести и новая ее композиция, включавшая нормы домениального устава о 80-гривенной вире за убийство княжого мужа и тиуна, поставили перед кодификаторами две темы по развитию этих норм. В ст. 2 приводится текст постановления «триумвирата» Ярославичей об отмене кровной мести и сохранении действия всех прочих юридических установлений Ярослава Мудрого. Другая тема повлекла за собой комплекс норм, относящихся к убийству княжого мужа. В основу этого комплекса положены статьи домениального устава о конфликте между

главным управляющим домениальным хозяйством — огнищанином и вервью—соседской сельской общиной, а также о ее коллективной и имущественной ответственности, но разработан этот комплекс статей по-новому. Ст. 3 ПП объединяет нормы ст. ст. 19 и 20 КП.

КП	ПП
19. Аще убьють огнищанина в обиду, то платити за нь 80 гривен убиици, а людем не надобе; а в подъездном княжи 80 гривен. 20. А иже убьють огнищанина в разбои, или убиица не ищуть, то вирное платити, в нем же вири голова начнеть лежати.	3. О убийстве. Аже кто убиеть княжа мужа в разбои, а головника не ищють, то виревную платити, в чьеи же верви голова лежить, то 80 гривен; паки ли людин, то 40 гривен.

В ст. 3 ПП раскрываются новые цели, которые стояли перед составителями ПП. Понятием «княж муж» они заменили различные обозначения членов государственной и домениальной администрации, уместные в домениальном уставе. Тем самым юридической норме писаного домениального права было придано общерусское значение при решении конфликтов между княжескими служилыми людьми и сельским населением, что отражало растущий классовый антагонизм между крестьянством, с одной стороны, и служилой частью господствующего класса и домениальной администрацией, с другой. Особо подчеркивает значение двойной виры за жизнь «княжого мужа» указание виры в 40 гривен за жизнь простого человека — «людина».

Впрочем, ст. 3 ПП подобно ст. ст. 19, 20 КП лишь указывала на необходимость уплаты виры вервью, если она не ищет или укрывает преступника. В последующих ст. ст. 4—8 ПП разработан сложный комплекс норм по регламентации отношений, возникавших между государством, вервью и преступником — членом верви в зависимости от совершения различных видов убийства — «в разбое» или «в обиду» и т. д. и с учетом административно-судебных функций самой общины относительно сроков уплаты виры, форм участия в ней членов общины. Разумеется, данная система существовала в княжеской судебной практике и ранее, оно письменная фиксация отставала от сложившейся системы отношений. Отметили кодификаторы и новацию в данном комплексе норм: вервь со-

общца платит виру за убийство на пиру или в ссоре, если ранее преступник участвовал в уплате виры за других членов общины (ст. 6 ПП). Ранее «люди», по ст. 19 КП, за убийство «в обиду» княжеского административного лица-огнищанина, занятого в домениальном хозяйстве, не платили[1]. Тем самым становится очевидной суть законодательства феодального государства: усиление круговой ответственности общины за убийство на ее территории представителя служилой части господствующего класса.

Завершает комплекс статей о взимании виры с членов верви Покон вирный (ст. 9 ПП), который представляет собой редакционно переработанный «устав» Ярослава (ст. 42 КП). Дополняет Покон ст. 10 ПП, указывающая отчисления в пользу вирника от 80-гривенной виры.

Наблюдения над ст. ст. 3—10 ПП позволяют сделать еще один вывод об особенностях композиционной работы составителей ПП: они использовали нормы КП, переставляли их, редактировали, но это был только начальный этап, за которым следовало фиксирование сложившихся правоотношений и введение новых правовых норм. Вместе с тем составители ПП стремились, чтобы тематически определенный комплекс статей представлял собой композиционное целое.

В прямой тематической связи с данной группой статей находятся ст. ст. 11—17 ПП о вирах за убийство княжеских управляющих, министериалов и различных феодально зависимых лиц в домене: тиуна огнищного (огнищанина), тиуна конюшего — 80 гривен, княжеского отрока, конюха, повара — 40 гривен, сельского и пашенного (ратайного) тиуна, ремесленника и ремесленницы, кормильца и кормилицы — 12 гривен, рядовича, смерда, холопа[2] — 5 гривен, робы

---

[1] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 57—58; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 228; ПРП. I, с. 141.

[2] В ст. 16 ПП записано: «А за смердии холоп 5 гривен», тогда как в соответствующей ст. 26 КП «А в смерде и в хо[ло]пе 5 гривен»; анализу этих статей посвящена большая литература, в которой, по нашему мнению, убедительно показана раздельность чтения терминов «смерд» и «холоп» (см., например, Правда Русская, т. II, с. 171—182, 319—322); А. А. Зимин принимал достоверность чтений обеих статей (см.: *Зимин А. А.* Холопы на Руси. М., 1973, с. 102—105, 212—218), однако при этом оказывается, что при чтении «смердии холоп» в значение «смерд» в ПП отсутствует штраф за убийство холопа, хотя

(холопа) — 6 гривен. При сравнении ст. ст. 11—17 ПП с соответствующими ст. ст. 19, 22—27 КП видно, что составители ПП включили в свод новую по содержанию ст. 11 об установлении виры в 40 гривен за убийство княжеского отрока, конюха, повара и ст. 15 о 12-гривенном штрафе за холопов-ремесленников. В историографии существовали разные мнения относительно появления первой из этих статей: 1) составители ПП использовали более поздний список КП[1]; 2) в статье отразились новые социальные явления по развитию состава и дифференциации княжеского двора[2]; 3) допускались обе эти возможности[3]. Однако они не учитывали того факта, что материалы, относящиеся ко второй половине X — первой половине XI в., ясно указывают на функции отроков не только как членов младшей дружины, но и как членов княжеского двора[4]. В княжеском домениальном уставе (ст. 23 КП) упомянут старший («старый») конюх, следовательно, были и обычные конюхи (отметим также особо оговоренный штраф за похищение княжеского коня в ст. 28 КП и требование восставших киевлян к Изяславу Ярославичу о выдаче им для дальнейшей борьбы с половцами не только оружия, но и коней[5], что подразумевает наличие у князя табунов для хозяйственных и военных нужд; таким табунам были необходимы не только старшие, но и обычные конюхи, жизнь которых защищалась 40-гривенной вирой). В княжеской резиденции — дворе, безусловно, имелся штат поваров. Таким образом, лица, указанные в ст. 11 ПП, входили в состав княжеского двора, и, вероятно, в судебной практике их убийство наказывалось вирой в 40 гривен, обычной для членов младшей дружины и младшего звена административно-судебного и домениального аппарата. Отсюда можно заключить, что появление ст. 11 ПП стало следствием развития писаного светского права, в котором шире отражена защита людей княжеского домена.

холопы составляли значительную часть зависимого населения домена и боярской вотчины. При чтении «смердии холоп» в основном значении «холоп» без наказания остается в судебнике убийство «смердов» — лично свободного и попавшего в господские хозяйства сельского населения. Отсюда следует, что раздельное чтение терминов «смерд» и «холоп» в ст. 26 КП и ст. 16 ПП более предпочтительно.

[1] См.: *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Спб., 1909, с. 256.

[2] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 58.

[3] См.: *Goetz L. K.* Das Russische Recht. Bd. III. Stuttgart, 1912, S. 67; ПРП, I, с. 143—144.

[4] См.: ПВЛ, I, с. 42, 51, 54, 90, 98 и след.

[5] См. там же, с. 114.

Аналогичный вывод можно сделать и о причинах появления ст. 15 ПП. В условиях натурального раннефеодального господского хозяйства значительное число предметов ремесленного производства не покупалось, а производилось лично зависимыми ремесленниками-холопами. Поэтому и в конце X—XI вв. подразумевается существование ремесленников среди феодально зависимых людей господского хозяйства. Вероятно, поводом к созданию ст. 15 ПП явилась необходимость установить высокий штраф в 12 гривен за убийство ремесленника-холопа (жизнь обычного холопа оценивалась в 5 гривен), что свидетельствует о возросшем их значении в хозяйстве и повышении их квалификации (в XI—XII вв. происходил замечательный подъем ремесленного производства в Древней Руси)[1].

В ст. 12 ПП сведены нормы ст. ст. 19, 22, 23 КП. Это — уже знакомый прием кодификаторов ПП по изменению композиции норм статей КП, тогда как ст. ст. 13, 14, 16, 17 повторяют нормы ст. ст. 24, 25, 26, 27 КП с небольшими редакционными изменениями. Таким образом, в комплексе ст. ст. 11—17 ПП можно установить еще одну особенность ПП как юридического памятника — совершенствование и дополнение его норм в результате развития юридической мысли, расширение круга регулируемых писаным феодальным законом правоотношений.

Тематически неразрывно с предшествующими комплексами статей об убийстве находится группа статей 18—22 ПП, которая является как бы заключением данной темы в ПП. В ней указываются судебно-процессуальные нормы о «поклепной вире» (ст. 18 ПП)[2],

[1] См.: *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948, с. 205—433, 490—500.

[2] Среди историков права установилось мнение о «поклепной вире», как обвинении в убийстве, в случае, когда обвиняемый не пойман с поличным или нет прямых доказательств в совершении им преступного деяния (в историографии определения «поклепной виры» со временем значительно сблизилось: Правда Русская, т. II, с. 325—328); для оправдания обвиняемого надо

о ненадобности платить верви виру за найденный на ее территории неопознанный труп (ст. 19 ПП), о необходимости платить суду в случае отвода «поклепной виры» обеими сторонами обвинительного процесса, истцом и ответчиком (ст. 20). Завершают этот комплекс норм о «поклепной вире» сходные статьи (ст. ст. 21, 22) об испытании железом и водой, т. е. обычным для раннего средневековья «божьим судом», лиц, которые не могут найти свидетелей для «свержения» «поклепа». Близость этих статей обычно способствовала их объединению комментаторами ПП[1]. Упоминание в ст. 22 «гривны золотом» в отличие от обычной для ПП «гривны кун» послужило основанием для предположения о позднем происхождении этой статьи или ее редакции[2]. Сравнение данных статей позволяет продолжить изучение истории их текста.

21. Искавше ли послуха, не налезуть, *а истьця начнеть головою клепати,* то ти им правду железо.	22. *Тако же* и во всех тяжах, в татбе *и в поклепе;* оже не будеть лиця, то тогда дати ему железо из неволи до полугривны золота; аже ли мене, то на воду, оли до дву гривен; аже мене, то роте ему ити по свое куны.

Статья 18 ПП имеет характер общего постановления, относящегося ко всему восточнославянскому обществу, в которое введены коррективы в отношении иноземцев-варягов: «Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти выведуть виру, *паки ли варяг, или кто ин тогда*»[3]. Установление такого характера статьи возвращает нас к вопросу об устном праве, которое существовало наряду с писаным, в равной мере развиваясь, реализуя классовые интересы раннефеодального государства.

было выставить 7 соприсяжников, если обвинялся иноземец-варяг, то достаточно было двух (Правда Русская. Учебное пособие, с. 59; ПРП, I, с. 145—146).

[1] Правда Русская. Учебное пособие, с. 60; Правда Русская, II, с. 335; ПРП, I, с. 147; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 91.

[2] ПРП, I, с. 147.

[3] В других группах списков ПП — «то два»; это чтение, а также указание двух свидетелей в ст. 31 ПП и в ст. 8 договора Смоленска с Ригой 1229 года являлось основанием для признания чтения «тогда» в Синодально-Троицкой группе ошибочным, предпочтительнее чтение списков Пушкинской группы «или ин кто, то два» (Правда Русская. Учебное пособие, с. 59; Правда Русская, т. II. с. 325—328; ПРП, I, с. 146; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 91).

Тема обвинения без поличного и без прямых доказательств — по «поклепу» — в совершении преступного деяния мало разрабатывалась в Правдах в отличие от суда над преступниками, пойманными с поличным. Им посвящены лишь отдельные постановления в привлеченных для сравнительно-исторического анализа германских Правдах, и это вполне объяснимо, поскольку виды преступлений в раннеклассовом обществе были еще слабо разграничены в условиях социально-экономической дифференциации лично свободных тружеников в селах и городах — основной части населения государств раннего средневековья. От недоказанного обвинения можно было освободиться при помощи соприсяжников. Это положение стало основой некоторых постановлений[1]. Баварская Правда прямо указывает на связь в случае недостаточности доказательств в совершении преступления обвинения с соприсяжничеством: «Только в тех делах допускается принесение клятвы, в которых судебное расследование не находит никакого подтверждения»[2]. Но здесь же допускается и судебный поединок как форма божьего суда: «И если он (поджигатель) захочет отрицать все это (поджог), то должен сразиться на поединке или же поклясться с 12 помощниками»[3]. В Алеманской Правде в подобных случаях предусматривается только судебный поединок: «Если какой-либо свободный припишет другому свободному какое-либо преступление, которое причиняет смерть, и обвинит его перед королем или перед герцогом, а дело затем не будет подтверждено, за исключением того, что он сам говорил, то разрешается тому, кому вменяется преступление, с обнаженным мечом против другого оправдаться»[4].

Сравнение таких постановлений германских Правд с общим постановлением ст. 18 ПП указывает на его нормативность для первых записей устного права.

[1] См.: например: Lex Sal., XLII, 5, «Если кто нападет на чужую виллу и овладеет находящимся там имуществом, но это не будет должным образом доказано, он может освободиться от обвинения при помощи 25 соприсяжников, избранных обеими тяжущимися сторонами; если же он не сможет найти соприсяжников, присуждается к уплате 2500 ден., что составляет 63 сол.».

[2] Lex Bajuv., IX, 17.

[3] Ibid., X, 4.

[4] Lex Alam, XLIV, 1.

Дополнение об уменьшении количества свидетелей для варягов тождественно коррективам норм устного права в Древнейшей Правде. Причем можно предположить на основании неоднократного редактирования норм ст. ст. 1, 17, 38 КП до их записи в составе Древнейшей Правды и домениальном уставе, что эти коррективы были введены государством не только в писаное право, но и в практику устного права. Отсюда следуют два вывода: 1) реконструируемая нами устная, вероятно, Правда Русская в качестве основного закона государства, восходившая к Закону Русскому и содержавшая самые различные нормы о судебном процессе, преступлениях, семейных, наследственных и прочих отношениях, продолжала использоваться наряду с появившимся и развивающимся писаным правом; 2) устное право корректировалось княжескими постановлениями и практикой княжеских судов.

Статья 19 ПП также имеет характер постановления, более частного, чем начало предыдущей статьи: «А по костех и по мертвеци не платить верви, аже имене не ведають, ни знають его». По содержанию она продолжает ст. 18 ПП и поэтому начинается с противительного союза «а» и формулировка ее отрицательная. Положения статьи 19 ПП, как и ограничение числа послухов для варягов в ст. 18, можно отнести к правотворчеству государства, которое подтверждало непричастность верви к преступлению при обнаружении неопознанного трупа. Возможно, ранее в положительной формулировке ст. 19 утверждала обязанность верви платить в данном случае виру.

Статья 20 ПП представляет собой княжеское постановление о судебных пошлинах при отводе обвинения в убийстве. Она, как и последующие ст. ст. 21 и 22 ПП о судебном процессе в связи с «поклепными» делами по обвинению в убийстве и в воровстве при отсутствии свидетелей или поличного, отразила новую стадию раннефеодальных общественных отношений и активное участие государства в регулировании судебных дел с необоснованным обвинением — «поклепом».

Если основные этапы развития статей о «поклепе» установлены верно, то можно выделить следующие периоды: 1) включение в Закон Русский и позднее — в устную Правду Русскую нормы «Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти

выведуть виру»; 2) ее дополнение в составе устной Правды Русской указанием меньшего числа послухов для варягов (возможно, также было установление платить верви виру при обнаружении на ее землях неопознанного трупа, что может свидетельствовать о суровых репрессивных санкциях государства в связи с убийством); 3) отмена уплаты виры вервью за неопознанный труп, запись норм, их редактирование и дополнение во время составления ПП. На последнее обстоятельство указывает упоминание золотой полугривны в ст. 22 ПП. Анализ нумизматических материалов и данных письменных источников свидетельствует о том, что «гривна золота» — «это крупная мера ценности, равная ценности золота весом в одну гривну, очевидно, южного веса», причем, как установил Я. Н. Щапов, денежный счет архетипа церковного устава Ярослава, включавшего, подобно статьям о «поклепе» ПП, гривны кун и гривны золота, относился к XI — первой половине XII в.[1]. Отсюда можно заключить, что дополнения комплекса статей о «поклепной вире», их редактирование относятся к XI — первой половине XII в.

Таким образом, из анализа ст. ст. 18—22 ПП следует важный для изучения истории текста ПП вывод. Исходя из норм действовавшего развитого устного права, включавшего княжеские постановления, составители ПП самостоятельно разработали нормы о «поклепе», создав новый, ранее несуществовавший комплекс статей писаного права.

Следующий комплекс ст. ст. 23—31 ПП об оскорблениях действием и телесных повреждениях является логическим продолжением предшествующих норм об убийстве. Его основным источником является КП, нормы которой редактировались при включении в ПП. Если ст. ст. 23—25 ПП о нанесении ударов мечом в ножнах, рукоятью, плашмя, батогом, чашей, рогом или только об угрозе мечом по диспозиции соответствуют ст. ст. 4, 9, 3 КП, то ст. 26 ПП об отсутствии наказания за нанесение оскорбленным ответного удара[2] является новой. Ее содержание интерпретирова-

[1] *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 257—279, 293—306.

[2] Статья 26 ПП: «Не терпя ли противу тому ударить мечемь, то вины ему в томь нетуть».

лось и как оборона, и как месть[1]. Анализируя эту статью как составную часть текста ПП, Б. А. Романов полагал, что в ее норме сказалось понимание испорченного текста ст. 3 КП как права на немедленное отмщение на месте[2], тогда как А. А. Зимин не сомневался в существовании подобного обычая, ссылаясь на ст. ст. 2, 3, 6 КП[3]. Если предположение Б. А. Романова представляется текстологически не доказанным, то в названных А. А. Зиминым статьях КП прослеживаются два вида наказания: денежное возмещение (ст. ст. 2, 3 КП) и возможность личного отмщения, если неясный текст «тогда чада смирять» означает смирение домочадцами раненого[4]. Как представляется, смысл статьи иной и вполне определенный: пострадавший, который не стерпел обиду, мог безнаказанно ударить обидчика мечом. Эта статья содержит большой социально-политический подтекст. Пострадавшему нужно было немедленное отмщение, а не денежная компенсация или равное возмездие, что характерно для устного права родоплеменного общества и древнейшего писаного права «варварских» государств. Напоминание об оружии, которым оно совершалось, указывает на социальное положение пострадавшего — это знатный человек или дружинник, член княжеского административно-судебного аппарата[5]. Следовательно, такому лицу разрешалась личная расправа с обидчиком. Эта норма развязывала руки представителям господствующего класса и предоставляла им возможность подавить любое сопротивление своим действиям; во всех случаях закон и князь становились на их сторону. Эта статья перекликается с близким по значению постановлением Баварской Правды: «Если кто-либо убьет человека по приказанию короля или герцога, который имеет власть над этой провинцией, то он не подлежит ответственности, и к нему не должно

[1] См.: Правда Русская, II, с. 344—345.
[2] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 60.
[3] См.: ПРП, I, с. 149.
[4] Многочисленные толкования неясного текста ст. 6 КП см.: Правда Русская, II, с. 73—76.
[5] Еще В. О. Ключевский в данной связи отметил: «Здесь прежде всего закон дает понять, что оказывает усиленное внимание к чести людей, постоянно имеющих при себе наготове меч, т. е. военнослужилого класса, так что это внимание является не правом всех, а привилегией лишь некоторых» (*Ключевский В. О.* Сочинения... т. I, с. 241).

быть вражды, потому что приказание исходило от господина, и он не мог возражать против приказания; мало того, герцог должен защищать его и детей его вместо него, а если этот герцог умрет, другой герцог, который будет на его месте, должен защищать»[1]. Основное его содержание — легализация террора господствующего класса против других слоев общества, хотя, разумеется, не исключена возможность его применения, как и рассматриваемых статей ПП, при решении конфликтов между различными представителями господствующего класса. Таким образом, в ст. 26 ПП можно видеть новую по правовому содержанию норму, в которой отразились тенденции к последовательному углублению классового феодального содержания ранее существовавших правовых норм и введению соответствующих юридических новаций[2].

Модернизированы в ст. 27 ПП ст. ст. 5 и 6 КП о повреждениях руки и ноги. В ПП эти статьи КП не только сведены в одну, но и дополнены указанием аналогичного штрафа за увечье глаза и, возможно, носа[3]. В отличие от окружающих статей, в которых

[1] Lex Bajuv., II, 8.
[2] На то, что ст. 26 является новацией составителей ПП, а не заимствованием из предшествующего писаного судебника, указывает начало статьи не с композиционно традиционного «аже», «оже», «а» и т. д., а с глагола в условном наклонении: «не терпя ли...».
[3] Статья 27 ПП: «Аче ли утнеть руку и отпадеть рука или усохнеть, или нога, или око, или не утнеть, то полувирье 20 гривен, а тому за век 10 гривен». Исследователи давно обратили внимание на бессмысленное противопоставление в тексте «утнеть»—«не утнеть». Одни искали объяснение этому в дефектности протографа Синодально-Троицкой группы списков ПП, приводя чтение более поздних групп, Пушкинской и Карамзинской: «... или нога, или око, или нос утнеть». Другие исследователи отстаивали правильность чтения Синодально-Троицкой группы, объясняя его неудачной редакцией ПП или использованием при ее составлении дефектного списка (Правда Русская, II, с. 346—348), но при этом оставалась неясной исходная норма, послужившая причиной стилистически бессмысленного противопоставления. Учитывая, что определения денежного штрафа за повреждение глаза и уха обычны для варварских Правд (например, в Салической Правде они следуют, как и в ПП, непосредственно за штрафом за повреждение ноги, причем в денежных штрафах лишение глаза приравнено отрубленной ноге, а лишение носа — изувеченной ноге: Lex Sal., XXIX, 2, Add. 2—5; в Саксонской Правде штраф за лишение глаза приравнен штрафу, за лишение уха, носа, руки, ноги: Lex Sax., XI) можно предположить существование соответствующих норм в устной Правде Русской и ее основном источнике — Законе Русском.

сохранена шкала штрафов КП, в ст. 27 ПП введен повышенный штраф — в полвиры, т. е. в 20 гривен; 10 гривен поступали пострадавшему. Таким образом, в ст. 27 ПП ясно видна большая редакционная работа по сведению ранее существовавших статей писаного права и модернизации их норм — приемы, которые отмечены в ранее проанализированных статьях ПП.

Статья 28 ПП о повреждении пальца повторяет в основном ст. 7 КП, вводя лишь систему штрафов с «продажей» и возмещением пострадавшему.

Статья 29 ПП усиливает наказание зачинщику драки, снимая в то же время дублирование ст. ст. 2 и 30 КП. Следующая за ней ст. 30 ПП не имеет соответствующей нормы в КП и могла бы восприниматься как нововведение, к тому же, как отметил А. А. Зимин, она композиционно отдалена от ст. ст. 23—25 ПП, определяющих штрафы за оскорбления ударом меча в ножнах, рукоятью, плашмя, что приравнивает удар меча, указанный в ней, к обыкновенным побоям (ср. ст. ст. 29, 31 ПП)[1]. Однако именно установление этого факта, тематическая и терминологическая близость со ст. 2 КП источника ст. 29 ПП позволяет продолжить изучение вопроса о происхождении ст. 30 ПП[2].

Ст. 2 КП	Ст. 29 ПП
Или будеть кровав или синь надъражен, *то не искати ему видока* человеку тому; *аще не будеть на нем знамениа* никотораго *же, то ли приидеть видок;* аще ли не можеть, ту тому конець; оже ли себе не можеть мьстити, *то взяти ему* за обиду *3 гривне,* а *летцю мъзда.*	*Аже придеть кровав муж* на двор *или синь, то видока ему не искати,* но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видок слово противу слова; а кто будеть почал, тому платити 60 кун; аче же и кровав придеть, или будеть сам почал, а вылезуть послуси, то то ему за платежь, оже и били. **Ст. 30** Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то *3 гривны,* а самому гривна за рану же *лечебное;* потнеть ли на смерть, а вира.

[1] ПРП, I, с. 151.

[2] М. Н. Тихомиров отметил сходство ст. 30 ПП и ст. 2 КП в указании раздельной платы за обиду и лечение, но не установил происхождение этого сходства (см.: *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 92).

Тематическая связь ст. ст. 29 и 30 ПП несомненна, и наблюдение А. А. Зимина об их основном содержании — о наказании за побои — совершенно справедливо. Сравнение ст. 2 КП и ст. 29 ПП помимо их большой текстуальной близости позволяет отметить и значительную редакционную работу составителей ПП (определение ее характера в данном случае значения не имеет). Однако объяснению появления ст. 30 ПП в результате нормотворчества составителей ПП препятствуют, с одной стороны, терминологическая и нормативная близость ст. 2 КП и ст. 30 ПП (указание штрафа в «3 гривны», который в более поздних группах списков — Пушкинской и Карамзинской был отредактирован в стиле ПП «3 гривны продажи», а также отмеченное ранее указание раздельного штрафа за обиду и лечение, снятое в процессе редактирования ст. 29 ПП), с другой стороны, различие казусов об ударах вообще (ст. 2 КП) и ударе мечом, который не ведет к членовредительству (ст. 30 ПП). Отсюда можно предположить, что источником ст. 30 ПП являлась норма устной, видимо, Правды Русской и ее источника — Закона Русского: «Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны; потнеть ли на смерть, а вира». Она была привлечена для ликвидации лакуны в данной группе норм. В пользу этого предположения может свидетельствовать тот факт, что к устной Правде Русской и Закону Русскому восходят статьи Древнейшей Правды о нанесении ударов различными предметами, об ударах мечом с членовредительством и плашмя, в ножнах и рукоятью с целью оскорбления[1]. Поэтому в ст. 30 ПП за удар полагался штраф в 3 гривны, а не в 12, 40 гривен и т. д. как за оскорбление или членовредительство. Композиционно место предполагаемой статьи в Законе Русском предусматривается ее тематическим единством с нормами о наказаниях за нанесение ударов.

Завершает группу статей о нанесении ударов ст. 31 ПП.

[1] В германских Правдах традиционно указывались поврежденные части тела, а не предметы, которыми удары наносились, вместе с тем Саксонская Правда отмечала случаи о разрезании мечом одежды или щита, а также о нападении с обнаженным мечом (Lex Sax., VI, VIII).

Ст. 10 КП	Ст. 31 ПП
Аще ли ринеть мужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варяг или колбяг, то на роту.	*Аче попъхнеть мужь мужа любо к собе, ли от собе,* любо по лицю ударить, ли жердью ударить, *а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варяг или колбяг, то полная видока вывести и идета на роту.*

Составители ПП полностью повторили в ней текст ст. 10 КП, но добавили сюда выражение «любо жердью, любо пястью» из ст. 3 КП, выпущенное при включении ее нормы в ст. 25 ПП. Однако это выражение было отредактировано в соответствии с контекстом новой статьи. Удар «пястью» — кистью руки — был заменен «ударом по лицу», что более соответствовало исходной посылке статьи — драке. Этот казус был поставлен согласно логике статьи перед «ударом жердью». Однако в результате такой редакционной работы появилось новое для Русской Правды указание на удар по определенной части тела наряду с традиционными для древнейших памятников феодального права статьями о членовредительстве. В то же время штраф за «удар жердью» оказался не на месте, поскольку удары предметами указывались ранее. Таким образом, в ст. 31 ПП отмечается самостоятельная переработка кодификаторами использованных юридических норм, но выполнена она компилятивно без органической переработки статьи, что характерно для творчества юристов раннего средневековья[1].

Вторая часть ст. 31 ПП свидетельствует об изменении юридических прав иноземцев. Во время записи КП в особых условиях 1015—1016 гг. Ярослав должен был предоставить привилегию варягам и колбягам, разрешив им только приносить клятву-роту вместо представления двух свидетелей при указанном в ст. 10 КП правонарушении. В ПП этот казус решался уже иначе. Варяг и колбяг должны были представить то же число свидетелей, что и русские. Кодификаторы сохранили термин ст. 10 КП «рота», но отнесли его к двум свидетелям варяга или колбяга. Уже свидетели варяга должны были давать клятву. Таким образом, иноземцы теперь несли ответственность наравне с русскими. Можно отметить, что остаются неясными основания для предположения некоторыми исследователями, что варяг или колбяг имели льготу в виде представления ими двух свидетелей вместо обычных семи для русских (с привлечением ст. 18 ПП, когда в той же ст. 31 ПП указывается для русских 2 свидетеля). Неубедительно также мнение о том, что «варяг или колбяг» сами должны идти «на роту», поскольку 1) они указаны в статье альтернативно; 2) глагол «вывести» в единственном числе подразумевает или варяга, или колбяга. Поэтому в таком контексте двойственное число «идета» относится к указанному числу «видоков» — двум[1].

Таким образом, в данном комплексе статей можно увидеть известные уже приемы составителей ПП: сведе́ние статей КП в одну, введение новых правовых норм, которые появились в результате дальнейшего развития юридического мышления и права под влиянием изменяющихся общественных отношений, использование устного свода законов — Правды Русской с нормами, восходящими к Закону Русскому, наряду с писаными, еще не развитыми по форме уставами. В рассмотренном комплексе статей ясно прослеживаются также творческая кодификационная работа составителей ПП. В процессе составления ПП не только использована КП, но и сохранена композиция ее статей, когда она была целесообразна. Так, в ПП сохранен порядок ст. ст. 10, 11, 12, 13, 14 КП (соответственно ст. ст. 31, 32, 33, 34, 35 ПП), в которых нормы были оставлены без изменения или отредактированы: расширена сфера их применения или введены юридические новации.

Вследствие использования КП составителями ПП в последней сохранился тематический «шов» статей КП между комплексом норм об оскорблениях действием и последующими процессуально-следственными

[1] При объяснении ст. 31 ПП Н. И. Ланге свел появление штрафа за удар по лицу к неверному прочтению в тексте «пястью», отводя чтение «по лицю», поскольку удары по другим частям тела в Русской Правде не указаны, а предполагавшаяся конъектура «палицею» — «палкой», по его мнению, не целесообразна, поскольку между палкой и жердью нет существенного различия (см.: *Ланге Н. И.* Исследование... с. 156—157). Такое прочтение текста без последовательного текстологического анализа привело исследователя к недооценке активного нормотворчества древнерусских правоведов.

[1] См. комментарии к ст. 31 ПП: Правда Русская, II, с. 357—359; ПРП, I, с. 151.

статьями о беглой челяди, езде на коне без спроса, опознании своего коня, оружия и одежды. Статьи 14, 16 КП стали основой небольшой группы ст. ст. 35—39 ПП о своде по поводу украденного имущества. В этой группе находятся значительно более развитые по сравнению с КП процессуальные нормы, относящиеся к поиску «конечного татя» — похитителя и возвращению хозяину похищенной вещи или зависимого человека-челядина. Таким образом, комплекс ст. ст. 32—39 ПП состоит из двух частей: поновленных процессуально-судебных статей, относящихся к закличу на торгу (кроме сохраненной без изменения и тематически разбивающей их ст. 33 ПП о езде на чужом коне без спросу), которые служат как бы преамбулой для основных статей о своде; а также развитых по форме и содержанию ст. ст. 35—39 ПП. Вместе с тем составители ПП интерпретировали ст. 15 КП как взыскание долга и перенесли ее в соответствующий раздел ПП (ст. 47), устранив из нее древний «извод пред 12 человека».

И в данном комплексе статей можно отметить стремление составителей ПП сохранить текст КП, творчески его переработав, и, отталкиваясь от него, создавать новые юридические нормы. Данные процессуальные статьи лишь косвенно отражали интересы господствующего класса (лучше обеспечивалось возвращение челяди, коней, скота, вещей), но в них более отчетливо выражено стремление улучшить состояние следствия и судебного процесса по поводу кражи, в чем проявилась закономерность единства внутреннего развития права и определяющих его социально-экономических причин.

Неразрывно связаны с данным комплексом статей и в то же время продолжением его являются нормы о татьбе-воровстве.

В них обнаруживаются те же приемы составителей ПП, что и отмеченные ранее. Статья 40 ПП объединяет в определенной мере дублирующие ст. 21 КП об убийстве на месте преступления убийцы огнищанина — главного управляющего княжеским хозяйством — и ст. 38 КП о безнаказанности убийства вора ночью на месте преступления. Это частичное дублирование произошло вследствие использования составителями КП различных источников — княжеского домениального устава и норм устного права. Одновременно составители ПП устранили редакционно неудачную формулировку ст. 21 КП, в результате которой можно было подумать, что имелось в виду убийство огнищанина во время грабежа им княжеского хозяйства[1], хотя весь комплекс ст. ст. 19—27 КП предназначен для охраны людей княжеского домена, а жизнь огнищанина защищалась особо. Статьи 41 и 42 ПП сближают и структурно унифицируют нормы ст. ст. 31 и 40 КП о краже коней, скота и домашней птицы. Однако это сближение имело и отрицательную сторону: оно разъединило тематически единые ст. ст. 41 и 43 ПП и скрыло сюжетное единство ст. 43 ПП с источником ст. 41 ПП — ст. 31 КП, превращая ст. 43 ПП в юридическую новацию, которая или отражала новое хозяйственное явление (появление в хозяйстве гумна и зерновых ям)[2] или была следствием внутреннего развития писаного права, охватывающего большее количество правоотношений. Сравнение ст. 31 КП и ст. ст. 41 и 43 ПП позволяет продолжить изучение происхождения последней.

Ст. 31 КП	Ст. 41 ПП
А иже крадеть любо конь, любо волы, или клеть да аще будеть един крал, то гривну и тридесат резан платити ему; или их будеть 18, то по три гривне и по 30 резан платити мужеви.	*Аже крадеть кто скот в хлеве или клеть, то же будеть один, то платити ему 3 гривны и 30 кун; будеть ли их много, всем по 3 гривны и по 30 кун платити.* **Ст. 43** *Аже крадеть* гумно или жито в яме, то колико их будеть крало, то всем *по 3 гривны и по 30 кун.*

Хотя в КП указаны штрафы за похищение или убийство различного рода домашнего скота и птицы,

[1] Именно так поняли ст. 21 КП некоторые исследователи. См.: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права, вып. I, изд. 5-е. Спб. Киев, 1899, с. 31, прим. 5; *Goetz L. K.* Das Russische Recht. Bd. II, S. 45—53; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 80—81; ПРП, I, с. 96.

[2] А. А. Зимин видел в статье указание на дальнейшее развитие к концу XI—началу XII в. феодального землевладения (ПРП, I, с. 157); из этого можно заключить, что он допускал отсутствие ранее в хозяйстве феодала гумна и зерновых ям, что в свою очередь предполагало отсутствие в нем земледельческого хозяйства; однако ст. 43 ПП имеет характер общего постановления безотносительно к господскому феодальному хозяйству, поэтому на данном основании нельзя судить о земледелии в господском хозяйстве (о нем свидетельствуют другие данные X—XII вв.).

за кражу из клети, где хранились продукты, штрафы за убийство сельского и ратайного старосты, норм, карающих за кражу зерна в основных зернохранилищах, гумне и в зерновых ямах, в сохранившихся списках КП нет[1]. Совпадение правовых норм и стилистическое единство ст. 43 ПП со ст. 31 КП и ст. 41 ПП позволяет предположить, что норма ст. 43 ПП присутствовала в общем источнике КП и многих статей ПП — устной, вероятно, Правде Русской, развивавшей правовые положения Закона Русского, и была отредактирована в том же стиле, что и ст. 41 ПП и ее источник — ст. 31 КП. Редактирование ст. 43 аналогично предшествующим ст. ст. 41, 42 и однозначность содержащихся в ней норм свидетельствуют о кодификационной работе составителей ПП, а не о более пространной редакции КП.

Статья 44 ПП в отличие от предыдущих представляет собой юридическую новацию, совершенствующую предшествующее законодательство. Она позволяет пострадавшему возвратить украденное у него имущество (без конкретизации объекта хищения, что придает статье универсальный по отношению к похищенному характер) и предусматривает также наказание в виде полугривенного штрафа за каждый год, прошедший со времени кражи: «А у него же погибло, то оже будеть лице, лице поиметь, а за лето возметь по полугривне».

Статья 44 ПП по содержанию неразрывно связана с предшествующими ст. ст. 41—43 ПП и с последующей ст. 45 ПП, некоторые нормы которых представляют собой обобщенные формулировки ст. ст. 31, 40 КП. Композиционное и текстуальное единство ст. ст. 41—45 ПП (ст. 44 начинается не традиционным «аще», а разговорной фразой «А у него же погибло...», тогда как ст. 45 ПП искусно соединяется с предыдущей словами: «паки ли лиця не будеть...») свидетельствует о единовременности их составления. Возмещение краденого «лицом», т. е. украденной вещью, и полугривенный штраф за каждый истекший год со

[1] Следует отметить, что в германских Правдах статьи, относящиеся к земледелию, встречаются значительно реже и разработаны хуже, чем статьи о скотоводстве и птицеводстве, несмотря на то, что земледелие было основой хозяйства членов господствующего класса и рядовых свободных общинников. Аналогично содержание «хозяйственных» статей КП и ПП.

времени кражи[1] являются единственным случаем, кодификационно не разработанным, что свидетельствует о появлении этой нормы только в составе ПП. Характер добавлений в ст. 45 ПП обычен для редакционной работы составителей ПП, и нет оснований полагать, что эти нормы существовали в праве ранее[2].

Со ст. 44 ПП текстуально и по существу связана ст. 45 ПП, в основу которой положена ст. 28 КП. Она вводит в текст перечень штрафов за кражу лошадей, крупного и мелкого рогатого скота, свиней словами: «Паки ли лиця не будеть...». При этом статье, восходящей к домениальному уставу, придан первоначальный вид юридической нормы, относящейся к защите хозяйства широких слоев лично свободного населения, оговорено лишь различие в уплате за похищение коня князя или коней «инех» лиц, которые сменили указанную в ст. 28 КП более узкую общественную категорию — смердов — лично свободное и зависимое сельское население. Но по-прежнему именно для смердов прежде всего предназначена ст. 45 ПП, на что указывают заключительные слова статьи: «...то ти уроци смердом, оже платять князю продажю». Эти слова являются искусным переходом к ст. 46, завершающей цикл статей о краже. В ней указано, что, если воровство совершат холопы князей, бояр, монахов, то они не будут платить «продажу» — штраф князю, поскольку они не свободны (в отличие от смердов), а денежный штраф в двойном размере будет заплачен истцу «за обиду». Эта статья также была юридической новацией, необходимой для уточнения общих положений о наказании лично зависимых, в отличие от ранее существовавших норм писаного права, пре-

[1] Г. Е. Кочин предположил, что фраза «а за лето возьметь по полугривне» является более поздней припиской, включенной в основной текст (Правда Русская. Учебное пособие, с. 63). Это мнение следовало доказать, поскольку при исключении данной санкции норма статьи оказывалась парадоксальной: при получении только украденного преступление оставалось без наказания. Предположение Г. Е. Кочина не подтверждается и синтаксисом предложения: союз «а» в резолютивной части характерен для значительного ряда статей, в которые он вводил составные части норм, а не приписки (ст. ст. 5, 9, 10, 20 ПП и сл.).

[2] А. А. Зимин не привел аргументов в пользу своего предположения о существовании более полной и поздней, чем КП, редакции, где могла бы содержаться норма ст. 45 ПП (ПРП, I, с. 157).

дусматривающих наказание за воровство только для лично свободных.

Логическим продолжением тематики свода стала статья о возмещении долгов. Исходной ее нормой явились соответствующие положения статьи КП. Существен характер переработки. Составители ПП использовали ст. 15 КП и ограничили сферу ее применения денежным займом, вводя соответствующие коррективы.

Ст. 15 КП	Ст. 47 ПП
Аже где възыщеть на друзе проче, *а он ся запирати почнеть*, то ити ему на извод пред 12 человека; да аще будеть обидя не вдал будеть, *достоино ему свои скот*, а *за обиду 3 гривне.*	*Аже кто взищеть* кун *на друзе, а он ся начнеть запирати,* то оже на нь выведеть послуси, то ти поидуть на роту, а он *возметь свое куны;* зане же не дал ему кун за много лет, то платити ему *за обиду 3 гривны.*

Таким образом, становится ясной суть редакционных изменений. Регламентируя отношения денежного займа, составители ПП ввели в старую норму КП новую судебную процедуру — клятву перед судом точно не определенного числа свидетелей-послухов в совершенной сделке (что стало одной из основ последующей многовековой судебной практики). «Обиду» в КП за отказ уплатить долг в неустановленный срок заменил штраф за большой срок со времени совершения займа. Отсюда следует, что, облегчая кредитору получение долга, ПП ограничивала возможность взимания штрафа за «обиду» только по прошествии значительного времени («за много лет»), тогда как подразумевалось, что при небольшом сроке со времени совершения займа штраф не платится; таким образом, государство активно вмешивалось в регламентацию норм обязательственного права.

Эта же тенденция ясно прослеживается в ст. 48 ПП в регламентации долговых отношений между купцами. Поскольку ими заключались сделки, разнообразные по форме и не всегда предполагающие наличие свидетелей, согласно ст. 48 ПП, купцу, отказывающемуся от обвинения в присвоении денег, в свое оправдание достаточно было принести клятву, не привлекая свидетелей[1] (государство становится в данном

[1] В толковании ст. 48 ПП отмечаются противоположные взгляды в вопросе о том, кто должен выходить на роту-клятву — кредитор или должник (Правда Русская, II, с. 412—413), отсюда зависит и определение социального содержания статьи: отдавался ли должник в полную власть кредитору или должнику предоставлялась возможность клятвой отвергать излишние домогательства кредитора. Решение этого спорного вопроса зависит от правильного прочтения текста: «Аже кто купець купцю дасть в куплю куны или в гостьбу, то *купцю пред послухи кун не имати*... но ити *ему самому* роте, аже *ся почнеть запирати*»; т. е. при заключении долговой сделки «купцу перед послухами денег не брать» (речь идет о должнике), но идти «ему самому» (тому же должнику, поскольку эта фраза относится к предшествующей части предложения) на клятву перед судом, если «начнет запираться» (все тот же должник).

случае на сторону должника). Таким образом статья продолжает тенденцию по ограничению произвола кредиторов. Она была давно отмечена в историографии, в которой соотносилась со стремлением к регламентации обязательственных отношений купцов в законодательстве Владимира Мономаха[1].

В ст. 49 ПП рассматриваются претензии владельца товара, который положил его на сохранение при отсутствии свидетелей (по закону они не нужны), но требует его обратно в увеличенном количестве («начнеть болшимь клепати»). В этом случае государство становится на сторону хранителя товара («тому ити роте, у кого то лежал товар»), объясняя, что обвиняемый и так оказывал благодеяние истцу и хранил его товар («зане же ему в бологодел и хоронил товар того»). Таким образом, ст. ст. 48 и 49 ПП аналогичны в организации судебного процесса: они предоставляют ответчику право клятвы в свое оправдание. Показательно, что, как и в предыдущей статье, здесь государство охраняет интересы ответчиков, умеряя притязания истцов. В XI—XII вв. значительно возрастает роль феодальных по характеру купеческих объединений, и в комплексе ст. ст. 47—49 ПП можно видеть активное вмешательство государства, которое, используя право как инструмент управления социально-экономическими процессами, сдерживает силы, объективно ведущие к разрушению купеческих объединений, допуская совершение внутренних заемных операций без свидетелей. Поэтому и социально-экономическое содержание ст. ст. 48 и 49 ПП является одинаковым.

Тематическим продолжением статей о взимании долга и денежных отношениях являются ст. ст. 50—

[1] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 64.

9 Заказ 6646

52 о взимании процентов-резов. Эти статьи неоднородны по содержащимся в них юридическим нормам. Статья 50 ПП имеет характер общего постановления, не ограничивая размеры процентов («как ся будеть рядил, тако же ему имати»), причем, согласно справедливому наблюдению Б. А. Романова, проценты взимались не только с денежного долга, но и с ссуды медом и хлебом, что предполагает вовлечение в сферу ростовщической эксплуатации и сельского населения. Всеобщность нормы ст. 50 ПП и отсутствие в ней регламентации процентов позволяют предположить, что она восходит к первоначальной практике ростовщических операций в Древней Руси.

Следующая ст. 51 ПП ограничивается денежными операциями, регламентируя взимание месячного реза только за небольшой срок, тогда как, если деньги не выплачены в установленное время, то резы выплачиваются на две трети, что составляет 50%, а месячный рез отменяется[1]. Как следует из ст. 53, месячный рез составлял 10 кун на гривну, т. е. 20%[2]. Поэтому содержание ст. 51 ПП заключается в разрешении взимать 20% с долга в течение небольшого оговоренного сторонами срока и 50% в последующее время, что представляло собой легализацию ростовщического разбоя. Однако вместе с тем следует учесть, что все же устанавливались пределы в размерах процентов с долга. Это свидетельствует о двойственном характере ст. 51 ПП: легализация огромных процентов и вместе с тем их ограничение[3]. Статья 51 ПП свидетельствует о стремлении урегулировать стихию ростовщических операций.

[1] Статья 51 ПП: «А месячный рез, оже за мало, то имати ему; заидуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны в треть, а месячный рез погренути». Содержание третного реза было раскрыто В. О. Ключевским (см.: *Ключевский В. О.* Сочинения, т. I, с. 248).

[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 97; ПРП, I, с. 160—161.

[3] В этой связи непонятно утверждение М. Н. Тихомирова о том, что «регулирование резов сделано в интересах ростовщиков, а не было ограничением процентов» (см.: *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 97). А. А. Зимин полагал в ст. 51 охрану интересов ростовщиков (ПРП, I, с. 274); *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 265); против этих мнений возражал И. И. Смирнов (см.: *Смирнов И. И.* Очерки социально-экономических отношений Руси XII—XIII веков. М. — Л., 1963, с. 274); ср. характеристику ст. 51 ПП Л. В. Черепниным, согласно которой она «несколько» стесняла произвол ростовщиков (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 231).

Еще более очевидна эта тенденция в ст. 52 ПП, где указывается, что в случае отсутствия свидетелей, кредитор посредством клятвы на суде может вернуть себе деньги до 3 гривен. Но если сумма, отданная в долг, больше 3 гривен, то ПП устанавливает судье так сказать истцу: «Сам виноват, что не представил послухов (во время заключения займа)»[1].

В новейшей историографии высказаны различные мнения о происхождении и времени появления ст. ст. 50—52 ПП. И. И. Смирнов отметил, что ст. 51 разрывает ст. ст. 50 и 52, в чем он видел следствие хронологической разновременности этой группы статей[2]. Однако ст. ст. 50 и 52 ПП не связаны единством содержания, поскольку в ст. 50 речь идет о предоставлении в долг денег, меда и зерна, тогда как в ст. 52— только о денежном долге. Композиционного единства этих статей также нет, поскольку размер долга в ст. 50 не имеет значения в отличие от ст. 52 ПП. Отсюда следует, что внутреннее единство ст. ст. 50—52 ПП определяется темой, а не текстуальными и конструктивными связями, и что эта группа статей представляет собой собрание разновременных различных по происхождению статей. Такое ее определение исходит из различия содержащихся в ней правовых норм.

Появление ст. ст. 50—52, как и всего комплекса ст. ст. 47—52 ПП о долговых и ростовщических операциях, было отнесено А. А. Зиминым ко времени великого киевского княжения Святополка Изяславича, поскольку, как сообщают источники, князь оказывал покровительство ростовщикам[3]. Это мнение было в основном принято Л. В. Черепниным и И. И. Смирновым[4], который сделал одну существенную поправку: он распространил тематическое единство данной группы статей и на ст. ст. 54, 55 ПП, относимые обычно к

[1] Статья 52 ПП: «Послухов ли не будеть, а будеть кун 3 гривны, то ити ему про свое куны роте; будеть ли боле кун, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставил послухов».

[2] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 271; с этим мнением согласился Л. В. Черепнин (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 231).

[3] См.: ПРП, I, с. 159.

[4] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения..., с. 225—234; *Смирнов И. И.* Очерки... с. 270—271.

законодательству Владимира Мономаха (для С. В. Юшкова, например, заголовок «Устав Володимерь Всеволодича» был началом нового судебника). А. А. Зимин отнес к уставу о резах также ст. ст. 54, 55 ПП, хотя в них содержатся нормы не о процентах, а о долге. Как представляется, только И. И. Смирнов обстоятельно обосновывал принадлежность этих статей к Уставу о резах, при этом он полагал: подобно тому, как ст. 53 продолжает и развивает нормы домономаховских ст. ст. 50—52, так ст. ст. 54, 55 «ведут к домономаховским статьям о торговом кредите». Однако в данном случае это положение постулируется, равно как и утверждение о демагогическом характере ст. ст. 53—55 в законодательстве Владимира Мономаха, что также служит подтверждением их временного единства[1].

Вместе с тем в историографии есть и другая тенденция в определении тематического и хронологического соотношения ст. 53 и ст. ст. 54, 55 ПП. Б. Д. Греков ограничивал Устав Владимира Мономаха статьей 53. М. Н. Тихомиров с большим сомнением допускал принадлежность к Уставу ст. ст. 54, 55, хотя полагал уставы о резах (ст. 53) и о закупах относящимися к постановлениям этого князя[2]. Из таких наблюдений следовало, что ст. ст. 47—55 представляли собой сложный комплекс разновременных норм, причем заголовок «Устав Володимерь Всеволодича» приобретал не абсолютное значение начала нового судебника (этот вопрос должен решаться на основе анализа тематического состава и стилистических особенностей ПП в целом), а относительное значение заголовка специального постановления о норме взимания процентов.

Советские исследователи убедительно показали, что политика Святополка Изяславича, недостаточно сдерживавшая ростовщичество, стала причиной широкого народного восстания в Киеве с 1113 года[3]. При

[1] См.: *Юшков С. В.* Правда Русская... с. 331—335; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 261—275; *Смирнов И. И.* Очерки... с. 274—280; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 237.

[2] *Греков Б. Д.* Киевская Русь, с. 503; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 205—207.

[3] См.: *Греков Б. Д.* Киевская Русь... с. 503; *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 205—207; он же. Крестьянские и городские

этом ст. ст. 47—52 ПП указывают на то, как государство пыталось лавировать, используя право как инструмент регулирования социально-экономических процессов, с одной стороны, разрешая ростовщикам взимать огромные проценты, что было направлено против эксплуатируемого населения, с другой стороны, ограничивая аппетиты кредиторов по отношению к другим купцам, регулируя внутриклассовые отношения. Но эта политика была недостаточной, как показал ход восстания, направленного против княжеского административного аппарата, ростовщиков и угрожавшего распространиться против бояр и монастырей[1]. Поэтому Владимиру Мономаху пришлось не только согласиться стать киевским великим князем, но и срочно решать проблемы, которые были поставлены восставшими[2].

восстания... с. 130—148; *Мавродин В.* Народные восстания... с. 69—79; *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 225—236; ранее на этот факт указывал А. Е. Пресняков (*Пресняков А. Е.* Лекции... т. I, с. 220—222).

[1] ПВЛ, I, с. 196.

[2] В историографии обсуждается вопрос о времени издания Устава Владимира Мономаха. Слова «по Святополце созва дружину свою» стали основанием для мнения С. В. Юшкова о появлении Устава после смерти Святополка и подавления восстания в Киеве (см.: *Юшков С. В.* Русская Правда, с. 335), тогда как Л. В. Черепнин, указывая на место совещания — село Берестово, где находилась великокняжеская резиденция (Киев был охвачен восстанием), и на слова «Сказания о Борисе и Глебе» о том, что Владимир сначала «утоли мятежь и гълку в людьх», а затем уже «прея княжение всея Руськы земли», предположил, что сначала был принят Устав, в затем Владимир прибыл в Киев с ответом на требование народных масс (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 236). Если М. Н. Тихомиров, ссылаясь на участие в совещании «Иванка Чюдиновича Олгова мужа», относил принятие Устава к периоду до 8 августа 1115 г., т. е. дня смерти князя Олега Святославича, а Н. Н. Воронин указывал на координацию действий Мономаха с другими князьями и поэтому датировал утверждение Устава Вышгородским съездом, то А. А. Зимин принимал эти аргументы для доказательства другого мнения: Владимир Мономах в преамбуле Устава указан как единственный князь, в мае 1115 г. на Вышгородском съезде князья перессорились, а в августе Олег Святославич умер, поэтому совещание в Берестовом могло состояться около 1116 г., к тому же участие Иванки Чудиновича возможно было только после смерти Олега Святославича (см. ПРП, I, с. 162; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 263). Однако, поскольку Иванко Чудинович указан в составе «дружины» (т. е. ближайшего окружения) Владимира Мономаха, можно предположить, что он ранее входил в высшее административное управление или в

«Устав Володимерь Всеволодича» постановляет, что тот, кто берет проценты на третий рез, т. е. 50 %, имеет право взять два реза (т. е. 100 % от долга) и саму сумму долга («исто»). Кто брал три реза от долга, т. е. 150 %, терял право на получение денег, данных в долг[1]. 20 % долга (10 кун от лета на гривну) разрешалось взимать, как и раньше. Таким образом, был отменен ненавистный «третной рез», но тяжелые формы ростовщичества оставлены. В этой связи справедливыми представляются возражения И. И. Смирнова против традиционной альтернативы: князь-ростовщик — Святополк и борец с ростовщичеством — Владимир Мономах[2], поскольку последний продолжал в отношении ростовщичества политику своего предшественника: с одной стороны, допускал большие проценты, с другой — их регулировал и под влиянием широких народных выступлений внес во взимание процентов ограничения. О лихоимстве и ростовщичестве Владимира Мономаха свидетельствуют также упреки в его адрес митрополита Никифора[3].

Следующие ст. ст. 54 и 55 ПП возвращают к регулированию долговых правоотношений купцов по поводу предоставляемых денег и товаров, о чем речь шла ранее в ст. ст. 48, 49 ПП. В них указываются случаи, ранее не рассмотренные. В ст. 54 ПП предусматривается оправдание купца, который лишился чужих денег в результате стихийного бедствия (кораблекрушения, пожара) или плена. Ему разрешается выплачивать долг по мере возможности, «зане же погуба от

старшую дружину князя Олега, а ко времени совещания в Берестове отъехал к Владимиру, тем более что он происходит из киевских бояр (см.: *Свердлов М. Б.* Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII вв. — Вспомогательные исторические дисциплины, т. XI. Л., 1979, с. 227—228). Участие в совещании из князей одного Мономаха вполне объяснимо, поскольку именно его пригласили киевляне на великое княжение, и ему надо было решать вопросы, которые могли бы успокоить восставших. И если решение вопроса о третном резе понятно в условиях борьбы киевлян после смерти Святополка, то постановка вопроса о процентах через 3 года после произошедших событий неясна.

[1] Статья 53 ПП: «... и уставили до третьяго реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти».

[2] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 273.

[3] См.: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания... с. 131—132.

бога есть», тогда как купец, пропивший или проигравший чужие деньги и «в безумьи» повредивший чужие товары, отдается в полное распоряжение владельцев товаров. Таким образом, ст. 54 сюжетно продолжает ст. ст. 48, 49 ПП и аналогично решает рассматриваемый казус, ограничивая несправедливые претензии истца и предотвращая самоуничтожение торговых товариществ — сотен вследствие алчности отдельных ее членов. Статья 55 ПП регулирует порядок выплаты долга купцом, который, скрыв свои многочисленные долги, берет товары не знающего об этом иногороднего или иноземного купца и не хочет их вернуть. В этом случае несостоятельный купец вместе с имуществом должен быть продан, сначала должны быть возвращены княжеские деньги, затем деньги иногородних и иноземных купцов, а местные купцы должны разделить оставшуюся сумму, причем оговаривается, что тот, кто много раз взимал проценты (кто «много реза имал»), денег не получает. Из содержания ст. 55 также следует, что ее задачей является урегулирование торгово-кредитных купеческих операций, подобно ст. ст. 48, 49, 54 ПП.

Таким образом, композиция двух комплексов статей о долге и о резах-процентах свидетельствует об их тематической самостоятельности, причем ст. ст. 50—53 ПП о процентах расчленили целостный комплекс норм о долговых операциях (ст. ст. 47—49, 54, 55 ПП). Они едины тематически, стилистически и нормативно, что позволяет в них предположить единовременно составленный комплекс статей, предназначенных для урегулирования кредитно-долговых операций в купеческих корпорациях в целях предотвращения их распада. Поэтому сомнение М. Н. Тихомирова в принадлежности ст. ст. 54 и 55 ПП к Уставу Владимира Мономаха оказываются совершенно обоснованными. С другой стороны, статьи о резах также представляют собой единый комплекс, несмотря на их разновременность, которая проявляется не только в различии юридических норм, но и в прямом указании на отмену «третного реза» Уставом Владимира Мономаха. Композиционное положение Устава в составе норм о резе раскрывает его содержание только как постановления о «третном резе». При этом становится очевидной работа составителей ПП: они собрали ранее существовавшие статьи о резах, включая практи-

чески отмененную статьей 51 ПП статью 50 ПП, и составили свод, который завершил «Устав Володимерь Всеволодича». Этот свод был ошибочно включен или ошибочно переставлен при переписке в процессе подготовки официального текста в середину группы статей о долге, что далее и повторялось во всех списках ПП. Отсутствие текстуальной и тематической связи Устава не только с последующими статьями о долге, но и со статьями о закупах (ст. 56 ПП: «аже закуп бежить от господы...») свидетельствует об ограничении содержания Устава Владимира Мономаха только постановлением о «третном резе»[1]. Отсюда также следует, что отнесение ст. ст. 54, 55 к Уставу текстологически не доказано, а исходит прежде всего из широко распространенного заблуждения — post hoc ergo propter hoc. Впрочем, в основе этого ошибочного, на наш взгляд, мнения находилась объективная причина: единство содержания статей, в которых выражалась целенаправленная юридическая регламентация феодальным государством социально-экономических отношений.

Однако ограничение объема Устава еще не предопределяет вопроса о времени составления последующего текста ПП.

Следующий комплекс ст. ст. 56—62, 64 ПП о закупах тематически не связан с предшествующими ст. ст. 54, 55 о кредитно-долговых отношениях купцов. Тематическое и стилистическое единство этих статей способствовало тому, что они справедливо были названы Уставом о закупах. Поскольку закупы заняты сельским трудом в хозяйстве господина, связаны с последним денежными долговыми операциями, берут у него

[1] Еще В. И. Сергеевич отмечал: «Заголовок «Устав Владимира», как все заголовки, более позднего происхождения, чем следующая за ним статья, и относится-то он только к этой одной статье». Но такое выделение Устава он ограниченно объяснял только «делом списателей кормчих, а не первоначального составителя Правды» (см.: *Сергеевич В.* Лекции... с. 66), тогда как обоснованием такого вывода является анализ содержания ст. 53 ПП и окружающих ее статей, а также их композиции. Нельзя также согласиться с В. И. Сергеевичем, когда он свое наблюдение использовал для доказательства происхождения ПП как частного юридического сборника (см.: *Сергеевич В.* Лекции... с. 90—91; см. мнение в дореволюционной историографии об ограничении Устава Мономаха только «законами о процентах» без распространения его на последующий текст: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... с. 94).

коня и сельскохозяйственные орудия, плуг и борону, и вместе с тем владеют собственным хозяйством, можно предположить, что они являются лично свободными крестьянами, попавшими в зависимость из-за невыплаченного долга, т. е. экономическим путем, но удерживаются в зависимости свойственными феодализму средствами внеэкономического принуждения[1]. Характерны постановления Устава, регулирующие общественно-экономическое и правовое положение закупов. Господину разрешалось превращать закупа в холопа — лично зависимого, если он бежал, а также бить «про дело», что предоставляло господину большие возможности для насилия в результате неопределенности формулировки закона. Вместе с тем закупу разрешалось открыто уходить в поисках денег (для расплаты с господином) и даже обращаться с жалобой на господина к князю и в княжеский суд. Судьям вменялось «дати ему правду» (ст. 56 ПП). Статья 57 ПП защищает закупа от несправедливых претензий, если во время его отсутствия на работе для господина падет предоставленный ему конь. Закуп не отвечает за то, что у него украден скот из хлева, но если скот похищен по его недосмотру или погублен во время работы на себя, то он платит за скот (показательно, что платит, а не подвергается телесным наказаниям и не ухудшается его социальный статус) (ст. 58 ПП). Более того, если господин обижает закупа, нанося ущерб купе или имуществу закупа, берет с него больше денег, чем тот ему должен, то он возмещает ущерб и платит штраф (ст. ст. 59, 60 ПП). Если господин продаст закупа в холопы, то тот освобождается от денежного долга, а господин платит, как и в предыдущем случае, князю штраф (ст. 61 ПП). За избиение закупа господином в пьяном состоянии или без вины последний платит в соответствии с нормой о штрафах за избиение свободных (ст. 62). Но в случае кражи закупом господин несет за него финансовую ответственность, приобретая право превратить такого закупа в холопа, оставив его у себя или продав (ст. 64 ПП).

Таким образом, в Уставе о закупах ясно просле-

[1] О социально-экономическом положении закупов см.: *Свердлов М. Б.* К изучению формирования феодально зависимого крестьянства (Закупы Русской Правды). — История СССР, 1978, № 2 (см. там же литературу вопроса).

живаются те же тенденции, что и в Уставе о резах Владимира Мономаха: предоставление господину значительных возможностей для эксплуатации и вместе с тем государственная регламентация этих отношений и княжеская защита имущественных, социальных и юридических прав закупов, как и в отношениях между кредитором и должником, истцом и ответчиком в торгово-кредитных операциях купцов. Поэтому близость идейной направленности обоих Уставов происходит, по нашему мнению, не от предполагаемого рядом исследователей права неограниченной эксплуатации должников и закупов или от демагогической политики Владимира Мономаха, а вследствие использования феодальным государством права как орудия для регулирования межклассовых и внутриклассовых отношений. В этом проявилась диалектическая связь основной функции классового государства—машины для поддержания господства одного класса над другим[1] и другой функции государства как политической надстройки — «создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов»[2].

История текста Русской Правды наглядно показывает возрастающее обратное влияние политической надстройки посредством права на систему общественных отношений. Быстрое развитие социально-экономических отношений значительно обгоняло темпы совершенствования писаного права, в результате чего, как показано ранее, в XI в. правоотношения продолжали регулироваться государством посредством развитого устного права, которое охватывало значительно больший круг вопросов, чем писаные судебники, и откуда в последние заимствовались нормы. По мере укрепления феодальное государство все активнее вмешивалось посредством права в регулирование общественных отношений. Отсюда редактирование составителями ПП предшествующих норм КП, заострение их социальной направленности, пополнение их нормами еще существующего устного права и создание новых юридических норм и целых комплексов статей, которые регулировали отношения собственности в феодальном государстве, способствовали организа-

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 7.

ции феодальной эксплуатации в господском хозяйстве и государстве в целом. В то же время в ПП под влиянием народной борьбы против безудержного ростовщического грабежа появились нормы, позволяющие контролировать ростовщические операции, осуществлять регулирование кредитно-долговых операций в среде купечества, а в господских хозяйствах защищать права закупов (хотя и гарантировались господам средства феодального принуждения для исполнения закупами экономических обязательств, равно как признавались административно-судебные права общин лично свободных крестьян, утверждалась их юридическая коллективная и индивидуальная ответственность и в то же время охранялась жизнь членов княжеского административно-судебного аппарата и представителей господствующего класса). Отсюда следует, что нет необходимости возводить единство социально-экономической направленности различных комплексов статей ПП к субъективному фактору — демагогической политике Владимира Мономаха и его предшественника по киевскому великокняжескому столу, или однозначно оценивать княжескую власть и право только как орудие угнетения, не учитывая важнейшие функции государства по регулированию общественных отношений и организации классового господства.

Относительно стилистического единства различных групп статей ПП отметим, что включение новых по сравнению с КП комплексов норм очевидно не только в сравнении Устава о закупах с Уставом о резах. Они осуществлялись также в начале ПП в группах статей о верви (ст. ст. 3—8) и о «поклепной» вире (ст. ст. 18—22). Поэтому вопрос об их соотношении и времени появления следует решать, исходя из определения структуры и времени издания ПП в целом.

Композиция ст. ст. 63—66 ПП сложна для понимания. Между ст. ст. 62, 64 ПП о закупе появляется ст. 63 ПП о краже холопом коня. Статья 65 ПП повторяет в дополненном и отредактированном виде норму ст. 17 КП о холопе, ударившем свободного мужа, указывая при этом, что по закону Ярослава такого холопа можно было убить, тогда как в соответствии с постановлением его сыновей, изложенным в ст. 2 ПП, его можно публично высечь или взять «гривну кун за сором».

Статья 66 ПП запрещает ссылаться в суде на свидетельство холопа, допуская при отсутствии свободных свидетелей показания боярского тиуна (тоже холопа). В небольшой тяжбе в качестве свидетеля мог быть и закуп.

Взятая сама по себе ст. 63 ПП оказывается композиционно непонятной[1]. Однако учитывая, что за ней находится ст. 64, также о краже (но закупа), предоставляющая господину большие права, да и в ст. 66 ПП контекст Устава о закупах еще не завершен, если сравнить нормирование прав холопов и закупов в судебном процессе, следует согласиться с наблюдением Б. А. Романова, согласно которому ст. 62 заканчивает в Уставе о закупах установление особенностей «закупничества в отличие (в пользу закупа) от холопства; далее уточняется аналогия этих двух состояний (уже в пользу господина)»[2]. Поэтому в этой группе статей закупы и холопы еще не разделены (холопам в ПП посвящен специальный Устав, ст. ст. 110—121 ПП). Причем кодификаторы использовали для достижения поставленной цели как ранее существующую ст. 17 КП, которую основательно переработали, так и новые законоположения (ст. ст. 63, 66 ПП)[3].

Если в ст. ст. 1—66 ПП отмечается последовательное развитие различных по содержанию комплексов статей с логическими и стилистически изящными переходами от одной темы к другой, то в ст. ст. 67—84 ПП об оскорблениях действием и членовредительстве, краже и других видах нарушения права собственности, о судебных пошлинах, о мучении смерда и огнищанина аналогичной стройной композиции нет. Многие исследователи не стали рассматривать эту особенность внутренней структуры ПП, тогда как при изучении истории текста ПП этот вопрос требует ответа. По мнению А. А. Зимина, ст. ст. 67—99 ПП представляют собой вторую часть Устава Владимира Мономаха, «состоящую из статей, взятых из законов Ярослава и княжеского устава более полной (и поздней) редакции, чем редакция, сохранившаяся в Краткой Правде. Эти статьи не перекрещиваются с заимствованными из тех же памятников, помещенных в первой части Пространной Правды, а дополняют их, что скорее характеризует вторую часть всего законодательного свода как дополнение к первой части Пространной Правды, чем как самостоятельный памятник. С другой стороны, наличие двух пластов заимствований из одних памятников, помещенных в разных частях Пространной Правды, может быть объяснено разновременностью составления последних»[1] (но данное положение не конкретизируется). Л. В. Черепнин считал ст. ст. 67—73, 75—85 ПП Уставом Всеволода Ольговича, который был великим киевским князем в 1139—1146 гг. Он интерпретировал указанные статьи как единый правовой памятник. Основанием такой датировки являлся для Л. В. Черепнина предшествующий Устав Владимира Мономаха, который, по его мнению, завершался ст. 66 ПП, а появление Устава Всеволода Ольговича было вызвано необходимостью охраны княжеской домениальной собственности, вотчинной собственности феодалов от лично свободных крестьян, живущих на государственных землях, и регулирования правопорядка внутри вотчинных сел. Источником этого Устава Л. В. Черепнин считал предполагаемый им домениальный устав князя Святослава 1072 г. (ст. ст. 32, 34—37, 39 КП), «не вошедший в правовой кодекс 1097 г., утвержденный на княжеском съезде в Любече, из-за отрицательного отношения к съезду, занятого сыном Святослава — князем Олегом»[2]. Данная система атрибуций предполагаемых княжеских Уставов и выявление причинно-следственных связей в истории их текстов представляются сугубо гипотетичными вследствие отсутствия каких-либо указаний источников, к тому же не объясняется, почему предполагаемый Устав Всеволода Ольговича начинается со статьи о штрафе за вырванную бороду (ст. 67 ПП) (эта норма и указание штрафа за вырванный ус составляли в КП одну ст. 8) и за выбитый зуб (ст. 68 ПП), тогда как структурно и по содержанию ст. ст. 67—73, 75—85 ПП, как и большая часть предшествующего текста ПП, представляют со-

[1] См.: *Сергеевич В.* Лекции... с. 78—79.
[2] См.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 74.
[3] Ср. предшествующую ст. 46 ПП с наказанием холопа за воровство.

[1] ПРП, I, с. 168.
[2] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 264.

бой развитие и дополнение соответствующих статей КП.

Л. В. Черепнин предполагал, что реконструируемые им Устав Святослава Ярославича и последующий Устав Всеволода Ольговича, сохранившиеся в составе ПП, имели существенные терминологические различия в следующих словах и выражениях: в ст. 67 ПП — «а вылезуть *людье»,* в ст. 29 ПП — «а вылезуть *послуси»,* в ст. 78 ПП — «огнищанин», в ст. 12 ПП — «тивун огнищный», в постановлениях Святослава нет термина «татьба», а говорится «аже... украдеть» (ст. 78), «аже кто украдеть (ст. 81), будеть... украдено» (ст. 83), тогда как в ПП ранее записано — «О татьбе... Аже крадеть» (ст. ст. 40—47)[1]. Между тем фраза «а вылезуть послуси» представляет собой редакционно измененную фразу источника ст. 29 ПП — ст. 2 КП «то ли придеть видок», причем применение глагола «вылезуть» в других статьях, не включенных Л. В. Черепниным в реконструируемые им Уставы, указывает на одну руку редактора[2]. Статья 78 ПП сохранила терминологию своего источника — ст. 33 КП (в соответствующей переработке), но и в других частях ПП отмечается та же тенденция: в ст. 47 ПП сохранен древний термин «скот» — «деньги» из ст. 15 КП; в ст. ст. 29, 31 ПП использован термин «видок» (из соответствующих ст. ст. 2, 10 КП) вместо широко распространенного в ПП понятия «послух». Что касается третьего терминологического наблюдения Л. В. Черепнина — отсутствия в реконструируемых Уставах Святослава Ярославича и Всеволода Ольговича термина «татьба», то оно, видимо, появилось в результате недоразумения, поскольку в рассматриваемом комплексе юридических норм используются понятия «татьба» (ст. 77 ПП) и «тать» (ст. ст. 70, 77, ПП), равно как и в предшествующих ст. ст. 35, 38, 46 ПП.

Таким образом, ст. ст. 67—84 ПП терминологически не отличаются от предшествующего текста, и поэтому нет оснований предполагать в качестве их источника особый Устав.

Статья 67 ПП о повреждении бороды восходит к соответствующей ст. 8 КП, но является более развитой по содержащимся в ней судебно-процессуальным нормам.

Ст. 8 КП	Ст. 67 ПП
А во усе 12 гривне, а в бороде 12 гривне.	А кто порветь бороду, а въньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже.

Редакционные изменения в ст. 67 ПП относятся не только к дополнениям, но и к сокращению предшествующего текста — опущено наказание за повреждение уса.

Статья 68 ПП о выбитом зубе нормативно аналогична предшествующей, но у нее нет источника в сохранившемся тексте КП. Сходство ст. ст. 67 и 68 ПП, использование нормы КП в качестве источника ст. 67 ПП, широкое распространение в устном праве (и соответственно в Правдах) норм о повреждении зубов[1] позволяют предположить, что такая же норма существовала в древнерусском устном праве IX—X вв., Законе Русском и позднее в устном праве XI в. в формулировке, близкой ст. 8 КП, которая стала основой ст. 68 ПП: «А в зубе 12 гривне».

В основу последующего комплекса статей 69—84 ПП положена компактная группа ст. ст. 32—37, 39, 41 КП из княжеского домениального устава, включенного в КП, но в общей формулировке, безотносительно к княжескому хозяйству. Часть норм домениального устава, в том числе и нормы, относящиеся к защите княжеской собственности и людей княжеского домена (ст. ст. 19, 28, 30, 31, 38, 40 КП), а также самостоятельный по происхождению Покон вирный, включенный в КП, уже были использованы в предыдущих частях ПП. Появление данного комплекса норм в сочетании с ст. ст. 67, 68 ПП о повреждении бороды и зуба производит неожиданное впечатление, в результате чего возникают указанные ранее предположения о существовании особого Устава, механически включенного в состав ПП, о разновременном заимствовании и последующей переработке норм КП в процессе составления ПП. Однако при этом оста-

[1] *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 204.

[2] См. также ст. 85 ПП: «... холопу на правду не вылазити»; ст. 105 ПП: «...на не же и людье вылезуть...»

[1] Lex Sal., XXIX, 8, Add. 11; Lex Alam., LX, 13—18; Lex Bajuv., VI, 10.

ются без объяснения странное сочетание статей о повреждении зуба и бороды с последующими нормами о краже бобра и т. д., а также принципы выборки статей КП о нарушении собственности и защите людей княжеского хозяйства и господского хозяйства: часть этих статей попала в комплекс ст. ст. 69—84, а другая была уже использована ранее в ст. ст. 3—45 ПП[1].

Вероятно, рационалистические объяснения исследователей XIX—XX вв., предполагающие совершенство творчества древнерусских составителей ПП, не учитывали того факта, что они могли и не справиться с поставленной задачей по составлению совершенного по форме судебника. Между тем именно несовершенством их творчества можно объяснить композиционно неоправданное появление в ПП ранее неиспользованных статей КП, а также включение Урока мостнику (ст. 97 ПП) и Урока городнику (ст. 96 ПП), которые разрывают единый комплекс ст. ст. 90—95, 98—106 о наследстве. Подобный разрыв отмечается и далее: ст. 107 ПП о судебных пошлинах отрывает последнюю статью от Устава о наследстве (ст. 108 ПП), хотя кодификаторам не составляло труда ст. ст. 106 и 108 о наследстве привести подряд, а ст. ст. 107 и 109 ПП (уроки судебные и уроки ротные) также объединить.

Таким образом, в отличие от ст. ст. 1—66 ПП ст. ст. 67—121 ПП структурно объединены менее совершенно. Вместе с тем одинаковые композиционные принципы обеих частей ПП (комплексное использование норм КП, стремление составителей ПП объединить с помощью переработанных статей КП группы статей ПП (ст. ст. 9, 74 ПП), разработка отдельных норм КП в комплексы статей и пополнение составляемого свода законов уставами), могут свидетельствовать в пользу ранее высказанной мысли о том, что данные различия происходят от неудачи в создании

[1] Б. А. Романов вслед за Л. К. Гетцем полагал, что ст. ст. 67, 68 «оторвались» от группы ст. 24 ПП и следующих, где они должны были находиться по аналогии со структурой ст. ст. 2—9 КП (см.: *Goetz L. K.* Das Russische Recht, Bd. III, S. 300; Правда Русская. Учебное пособие, с. 75). Однако такое предположение не решает вопроса об изменении структуры статей КП при их использовании в ПП, поскольку в таком же «оторванном» состоянии оказались ст. ст. 17 и 34 КП.

стилистически единого юридического памятника (на стремление к созданию такого свода указывает гармоничная композиция ст. ст. 1—66). Это явление обычно для компилятивного творчества (в том числе литературных и исторических сочинений) раннего средневековья. Именно неудачей составителей (или составителя) ПП объясняется появление «избыточных» статей КП, включение которых после соответствующего редактирования привело к повтору в ПП тем (но не норм об оскорблении и членовредительстве в ст. ст. 67, 68 ПП, о нарушении права собственности в ст. ст. 80—84 ПП после Устава о закупах и т. д.). Однако эти же и другие признаки: гармоничное расположение статей КП до ст. 47 ПП, в результате чего появились «избыточные» статьи КП, отсутствие повторов в ПП статей, заимствованных из КП, свидетельствуют о единовременности составления ПП и объясняют использование без повторов норм КП в процессе составления ПП на протяжении всего свода. Причины неудачи составителей в композиции ПП могли быть самые различные: неверный план, смена руководителя или исполнителя кодификационной работы, необходимость срочного ее завершения и т. п., компилятивный характер работы в период раннего средневековья. Анализ ст. ст. 69—84 ПП позволяет уточнить сделанные выше наблюдения.

Статья 69 ПП «Аже украдеть кто бобр, то 12 гривен» по лаконичности формулировки и ограниченности содержания правовой нормы тождественна статьям КП (ст. ст. 4, 5, 7 и сл.) и статьям ПП, в основе которых находятся нормы Правды Русской (соответственно Закона Русского) и КП (ст. ст. 11, 12, 13, 14, 15 ПП и сл.). Ее структурное отличие от статей, содержавших юридические новации и отражавших происходившие социально-экономические изменения в Древней Руси, позволяет предположить, что данная норма была еще в Законе Русском и в сосуществующем с писаным судебником устном праве.

Если ст. 69 ПП сообщает только о правонарушении, то ст. 70 вводит юридические новации: наряду с доказательствами кражи — разрытой землей, ловушками и сетью — указывается обязанность верви искать вора или платить штраф-«продажу»[1], причем

[1] В историографии существует давняя и верная традиция связывать содержание статей 69 и 70 ПП, причем содержание

санкция ст. 70 ПП тождественна ст. 3 ПП, восходящей к ст. 20 КП.

Ст. 20 КП	**Ст. 3 ПП**	**Ст. 70 ПП**
А иже убьють огнищанина в разбои, *или убиица не ищуть, то вирное платити, в неи же вири* голова начнеть лежати.	Аже кто убиеть княжа мужа в разбои а головника *не ищють, то виревную платити, в чьей же верви* голова лежить...	Аже будеть посечена земля... то *по верви искати* [в собе] татя *любо платити* продажю.

Отсюда можно сделать вывод о давности отраженной в ст. 70 ПП судебно-процессуальной нормы.

В писаном праве оформлялась охрана господских охотничье-промысловых хозяйств, известных, впрочем, по сообщениям середины X в.[1].

Тема ст. 34 КП о наказании за нарушение границ владений и за уничтожение знаков собственности на деревьях обстоятельно развита в ст.ст. 71—73.

Ст. 34 КП	**Ст. 71 ПП**
А иже *межу переореть* любо *перетес,* то за обиду 12 гривне.	Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен. **Ст. 72** Аже *межю перетнеть бортьную,* или *ролеиную разореть,* или дворную тыномь перегородить межю, то 12 гривен продажи. **Ст. 73** Аже дуб подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривен продаже.

Сравнение этих статей раскрывает приемы составителей ПП по редактированию использованных норм КП и пополнению их новыми положениями. Как отмечено ранее, ст. 34 КП восходила к Закону Русскому. Составители ПП усложнили ее содержание, конкретизировав виды межи. В ст. ст. 71 и 73 ПП уточнено нахождение знаков собственности: на самих бортных деревьях (а не только на обозначениях борт-

второй раскрывается с учетом первой (см.: Правда Русская, II, с. 549—553; Правда Русская. Учебное пособие, с. 75—76; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 102; ПРП, I, с. 169—170); см. там же комментарии к этим статьям.

[1] ПВЛ, I, с. 43: «... и ловища ея (княгини Ольги. — *М. С.*) суть по всеи земли, знаменья и места и повосты... и по Днепру перевесища и по Десне...»

ных участков, как в ст. 72) и на пограничных дубах, в том числе с нанесенными на них тамгами — «знаменами». Важна формулировка ст. ст. 71 и 73. Она аналогична ст. 34 КП, а не ст. 72 ПП, т. е. архаична по форме. Эти особенности нормотворчества в писаном праве свидетельствуют о том, что составители ПП привлекли нормы ст. ст. 71 и 73 из действовавшего в то время устного права, восходившего к Закону Русскому, отсюда их совпадение по форме со ст. 34 КП, тогда как состав ст. 72 является обычным для ПП дальнейшим развитием и конкретизацией использованной нормы писаного права — КП. Сравнение данных статей КП и ПП особенно наглядно показывает, что составители ПП широко использовали современное им устное право, вводя его архаичные формулировки, и вместе с тем свидетельствует об архаичности первоначальной нормы ст. 34 КП.

Толкование ст. 74 ПП вызвало у исследователей значительные разногласия. Недостаточно было ясно, что представляли собой наклады: 1) 12 гривен плюс денежный и натуральный «корм» сопровождающему сборщика «продажи» отроку; 2) или денежный и натуральный «корм» для отрока, собирающего 12-гривенные штрафы, и его спутника[1]. Предположение некоторых исследователей о пропуске в тексте слов «вирник» или «княжой муж» (П. Строев, И. Д. Беляев, М. Н. Тихомиров, к такому же мнению склонялся, видимо, Г. Е. Кочин, судя по расставленным им в ст. 74 знакам препинания в учебном пособии по Русской Правде и комментарию, в котором не было возражения данному предположению) не представляется доказанным, поскольку Покон вирный уже был приведен в ст. 9 ПП. К тому же оказываются неясными логическая связь ст. 74 с окружающими ее статьями, а также то, к чему наклады — дополнительные поборы относились. Если принять вторую точку зрения, то оказывается, что ст. 74 регламентирует «корм» сборщику 12-гривенного штрафа, который назван в предшествующих ст. ст. 69—73, композиционно их завершая. Отсюда становилось ясным, что указанные в ст. 74 дополнительные поборы в пользу вирника и его

[1] См.: Правда Русская, II, с. 561—564; Правда Русская. Учебное пособие, с. 76—77; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 103; ПРП, I, с. 171.

спутника представляют собой наклады при сборе 12-гривенного штрафа, в отличие от «корма» вирнику. Поэтому представляется более обоснованной расстановка знаков препинания в начале ст. 74 А. А. Зиминым: «А се наклады 12 гривен: отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отрокомь на дву коню...»[1].

При этом оказывается, что «сам» — это или отрок, который ехал собирать штраф с другим княжеским отроком, или административно-судебное лицо с собственным слугой-отроком.

М. Н. Тихомиров отметил связь ст. 74 ПП с Поконом вирным, полагая, что в ней уменьшены все нормы Покона, определяя величину поборов в 12 гривен[2]. В связи с последним мнением можно отметить, что в тексте ст. 74 ПП нет указаний, определяющих 12 гривен как сумму поборов (ср. в ст. 42 КП после перечисления «корма» вирнику: «...тъ всех кун 15 кун на неделю...»), но сравнение с Поконом вирным представляется справедливым, и его следует продолжить, тем более что М. Н. Тихомиров не отметил, с какой редакцией Покона он сравнивал ст. 74 ПП — со ст. 42 КП или со ст. 9 ПП.

Ст. 42 КП	**Ст. 9 ПП**	**Ст. 74 ПП**
А се покон вирныи, *вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю,* тъже *овен любо полот, или две ногате,...* а хлеба по кольку могуть ясти, и пшена.., *коне 4 поставити и сути им на рот,колько могут зобати,* а вирнику 60 (или 8:— *М. С.)* гривен и 10 резан и 12 веверици, *а переде гривна;...* тъ всех кун 15 кун на неделю; а борошна колько могуть изъясти...	*А се покони* вирнии были при Ярославе: *вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю* же, *овен любо полоть, любо 2 ногате..,* а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков.., *то вирнику со отрокомь; а кони 4, конем на рот сути овес;* вирнику *8* гривен, *а 10 кун перекладная,* а метелнику 12 векшии, а съсадная гривна.	*А се наклады* 12 гривен: *отроку* 2 гривны и 20 кун, *а самому ехати со отрокомь на дву коню, сути же на рот овес:* а мясо дати овен любо полоть, а инемь кормомь, что има черево возметь, писцю 10 кун, *перекладнаго 5 кун...*

[1] См.: ПРП, I, с. 116; ср.: «А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун...» (Правда Русская, II, с. 561; Правда Русская. Учебное пособие, с. 27; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 103).

[2] См.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 214—215.

Сравнение этих текстов показывает, что норма ст. 74, не ограничивающая натуральный «корм» отрока и его спутника, ближе к норме КП («а хлеба по кольку могут ясти и пшена») при одинаково регламентированном денежном корме, снабжении мясом и лошадьми. Вчетверо меньшее предоставление денег и вдвое меньше лошадей является еще одним аргументом в пользу того, что наклады взимал не вирник — княжеский «муж», а более низкий по социальному положению отрок. Возможно даже, что источник ст. 74 более древнего происхождения, поскольку в ней натуральный «корм» ни в чем, кроме мяса, не ограничен (ср. тенденцию по регламентации взимания натурального «корма» ст. 42 КП, последовательно развитую в ст. 9 ПП). Поэтому, вероятно, что норма ст. 74 является по происхождению более ранним княжеским постановлением, чем ст. 42 КП, возможно, еще периода самостоятельного существования устной Правды Русской. Вместе с тем текстуально ст. 74 ближе к ст. 9 ПП (ср. «конем по рот сути овес» — «сути же на рот овес», указание «перекладных» денег), что свидетельствует об одной руке кодификатора или единовременности записи этих статей. Отсюда можно сделать вывод, что при записи ст. 74 составители ПП использовали древнюю по происхождению норму, но стилистически ее обработали в соответствии с принципами составления ПП.

Сделанные в связи с анализом ст. 74 ПП наблюдения могут служить еще одним аргументом в пользу мнения о единовременности записи группы статей 67—84 ПП с предшествующими ей комплексами норм.

Как было отмечено ранее, ст. 74 ПП, заключая ст. ст. 67—73 ПП, содержащие положения о 12-гривенном штрафе за преступление, композиционно неудачно перебила изложение темы штрафов за нарушение права собственности. Завершает эту группу статей ст. ст. 75, 76 ПП о наказании за разрушение бортного дерева и борти, которые развили архаическую по происхождению и форме выражения ст. 32 КП безотносительно (в отличие от нее) к княжескому хозяйству, что свидетельствует о совершенствовании творчества древнерусских кодификаторов, охвативших большее число казусов и большую сферу применения норм писаного права.

Ст. 32 КП	Ст. 75 ПП
А в княже *борти 3 гривне,* любо пожгуть любо *изудруть.*	Аже *борть* подътнеть, то *3 гривны продаже,* а за дерево полгривны. **Ст. 76** Аже пчелы *выдереть,* то 3 гривны продажи; а за мед, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кун; будеть ли олек, то 5 кун.

Сравнение данных статей раскрывает другие стороны в разработке ПП использованных норм КП. Статья 32 КП, восходившая к устному праву, как было отмечено ранее, была отредактирована применительно к охране княжеского хозяйства. Первоначальная норма «А в борти 3 гривне» была дополнена уже в КП конкретными видами правонарушений: «любо пожгуть любо изудруть». Но при использовании ее в ПП она была отредактирована и значительно усложнена: разрушение борти указано в ст. 75 с обычной для ПП формой штрафов в виде «продажи» (возможно, она была отредактирована в соответствии с нормой устного права, отсюда ее лаконичная архаичная формулировка), тогда как в основу сложной по составу ст. 76 положен один из казусов ст. 32 КП.

Статья 77 ПП о «гонении следа» — преследовании и розыске вора вне пределов общины — верви — вновь тематически и композиционно разрушает последовательность статей, структура и содержание которых определялись нормами КП (ст. ст. 33—37, 39). Юридическая новизна ст. 77 значительно усложняет регламентированную писаным правом процедуру следствия, предусматривая поиск преступника по следу. По содержанию, подобно статьям о долге и резе, она предоставляет большие права истцу, требуя возмещения украденного, если люди, куда приведет «след», не оправдаются и сами не примут участия в поиске и не дадут искать вора у себя. Но ст. 77 также ограничивает притязания истца, когда «след» потерян, не допуская обвинения невинных людей. Таким образом, по характеру ст. 77 ПП аналогична предшествующим комплексам норм о займе, резе, закупах и т. д.

Последующие ст. ст. 78—84 тематически продолжают еще неиспользованные в ПП ст. ст. 33, 35—37, 39 КП. Статья 78 ПП без изменения передает норму ст. 33 КП о запрещении мучить смерда и огнищанина.

Она дополнена лишь указанием о возмещении пострадавшему. Однако если в ст. 33 КП назывались также тиун и мечник — члены домениальной и государственной администрации, то составители ПП исключили их из кодифицированного текста.

«Хозяйственные» статьи домениального устава, напротив, дополняются в ПП как посредством редактирования использованных статей КП, так и пополнения их новыми нормами. Архаическая ст. 35 КП об украденной ладье дополнена обстоятельным перечнем морских и речных ладей, а также определением дифференцированного штрафа за их похищение.

Понимание соотношения ст. 80 ПП, озаглавленной «О перевесех», т. е. об охотничьих снастях для ловли птиц, и ст. 81 ПП представляет существенные трудности. В КП нормы, аналогичной ст. 80, нет, и ее можно было бы полагать юридической новацией, хотя она по форме выражения и композиционно аналогична статьям КП и архаичным по формулировкам статьям ПП. К заголовку ст. 80 «О перевесех» отнесена в Синодально-Троицкой группе ПП ст. 81 ПП: «Аже кто украдеть в чьемь перевесе ястреб или сокол, то продаже 3 гривны, а господину гривна, а за голубь 9 кун, а за куря 9 кун, а за утовь 30 кун, а за гусь 30 кун, а за лебедь 30 кун, а за жеравль 30 кун». В основе этой статьи находятся отредактированные ст. ст. 36, 37 КП. Исследователи, которые принимали данное чтение ст. 81 ПП, оказывались в недоумении перед перечнем охотничьих и домашних птиц в обокраденном перевесе, не могли найти рационального объяснения отсутствию «чужого пса», который был логично указан в ст. 37 КП вместе с охотничьими птицами, соколом и ястребом, или обходили молчанием это непонятное место, предлагая более дробное деление статьи[1]. Между тем убедительное текстологическое объяснение этого загадочного места было предложено Г. Е. Кочиным, который обратил внимание на чтение ст. 81 в более младшей Пушкинской группе списков ПП, соответствующее нормам статей КП. Достаточно сравнить ст. 81 Пушкинской группы и ст. ст. 36, 37 КП, чтобы не только убедиться

[1] См.: Правда Русская, II, с. 581—583; ПРП, I, с. 174; *Тихомиров М. Н.* Пособие... с. 104.

в правильности этого мнения, но и на этом основании раскрыть историю текста ст. 81.

Ст. 36 КП	Ст. 81 ПП
А в голубе и в куряти 9 кун, а в утке, и в гусе, и в жераве, и в лебеди 30 резан; а продажи 60 резан.	Аже кто украдеть чии песъ, или ястребъ, или соколъ, 3 гривны продажи, а господину гривна, за голубъ 9 кунъ, за куря 9 кунъ, за утовъ 30 кунъ, за гусь 30 кун, за лебедь 30 кунъ[1].
Ст. 37 КП А оже украдуть чюжь пес, любо ястреб, любо сокол, то за обиду 3 гривны.	

Сравнение этих текстов позволяет установить, что первоначально составители ПП объединили ст. ст. 36 и 37 КП, поменяв их местами, в результате чего размеры штрафов назывались в убывающей последовательности. В соответствии с системой штрафов в ПП штраф «за обиду» заменен «продажей». В качестве лица, которому возмещен ущерб, назван «господин».

Следующим этапом явилось редактирование объединенной статьи в протографе Синодально-Троицкой группы. Вероятно, вследствие плохого состояния использованного первоначального списка ПП или в результате неудачного редактирования начало ст. 81 было изменено в соответствии с заголовком предшествующей статьи. Неудача таким образом отредактированного текста, видимо, была столь очевидной, что редакторы протографа более младшей Пушкинской группы списков выверили ст. 81 ПП по их источнику — ст. ст. 36, 37 КП или по более древнему и более исправному тексту ПП, который находился в основе Синодально-Троицкой группы списков. В результате этого было восстановлено логическое содержание текста.

Статья 82 ПП о краже сена и дров повторяет в отредактированном виде норму ст. 39 КП, тогда как завершающие этот цикл «хозяйственных» статей ст. ст. 83, 84 ПП являются новыми по сравнению с сохранившимся текстом КП. Текстуально ст. 83 сформулирована как юридическая новация. Однако лежащая в ее основе юридическая норма, и сравнение композиции ее текста с аналогичными по санкции статьями позволяют предположить более сложную ее историю.

Ст. 7 ПП	Ст. 83 ПП
Будеть ли стал на разбой без всякоя свады,.. но выдадять и всего с женою и с детми на поток и на разграбление.	Аже зажгуть гумно, то на поток, на грабежь дом его, переди пагубу исплативше, а в проце князю поточити и; тако же аже кто двор зажьжеть.
Ст. 35 ПП ...аще будеть коневыи тать, выдати князю на поток...	

Понятие «поток» используется только в этих статьях ПП. В КП его нет. В период «военной демократии» и в раннее средневековье «поток» — изгнание[1] являлось страшным для преступника наказанием, которое вместе с разграблением дома ставило преступника и его семью на край гибели. Архаические по происхождению наказания в виде изгнания и объявления вне закона использовались в скандинавских судебниках в большом числе случаев, в том числе и аналогичных Русской Правде: 1) за поджог дома; 2) за клевету; 3) в случае неудачи при клятве во время защиты от обвинения в убийстве; 4) за защиту хозяином раба-троля, обвиняемого в убийстве; 5) за изнасилование женщины; 6) за нападение на человека, ограбление его и побег с награбленным и т. д.[2].

«Поток» и разграбление сохранены в ПП как наказание лишь за небольшое число особо тяжких преступлений: за убийство без ссоры — «свады», а также за кражу коня, поджог гумна и дома (их совершение угрожало пострадавшим гибелью, поскольку похищался тяглый рабочий скот земледельца, гибло зерно — основной продукт питания людей и их скота, в случае поджога дома люди оставались без крова).

Формулировка санкции «на поток и на разграбление», «на поток» в ст. ст. 7, 35 ПП (во втором случае указывается уже изгнание как санкция князя или его суда) позволяет предположить, что источником ст. 83 ПП была архаичная норма «Аже зажгуть

---

[1] Правда Русская, I, с. 289.

[1] Об этом значении слов «поток» и «поточити» см.: *Срезневский И. И.* Материалы... т. II, стб. 1292, 1294.
[2] См., например, Gul., 98, 138, 143, 157, 199.

гумно, то на поток и на разграбление». При редакции два вида наказания: изгнание — поток и разграбление — были разделены в соответствии с объектами кары: «преступника на поток, на грабежь дом его». Следующим этапом стала регламентация исполнения данного наказания: княжеский суд постановляет возместить «пагубу», а наказание изгнанием, как и в ст. 35 ПП, становится княжеской прерогативой. Возможно, эта норма сложилась в период существования устной Правды Русской. Заключительная часть ст. 82 («тако же аже кто двор зажьжеть»), по справедливому замечанию Г. Е. Кочина, имеет характер дополнения, как и в ст. ст. 14, 66 ПП[1]. Однако важно установить, была ли она новацией, дополняющей предшествующее постановление, или в ее основе находится более древняя норма, предусматривающая наказание за поджог дома. Поскольку наказание за поджог дома распространено в Правдах в такой же мере, как и наказание за поджог хозяйственных построек[2], нет оснований предполагать, что в древнерусской юридической практике существовали наказания только за поджог гумна. Поэтому можно предположить, что в Законе Русском и в последующем устном праве существовала древняя практика наказания «потоком» и разграблением за поджог дома, как и гумна. В качестве юридической нормы она, видимо, формулировалась подобно статье о поджоге гумна: «Аже кто двор зажьжеть (или: Аже зажгуть двор), то на поток и на разграбление». Отмеченные два этапа редактирования нормы о поджоге гумна позволяют предположить, что нормы о поджоге дома и гумна с древней карой («поток» и разграбление) развивались в устном праве и уже оттуда были заимствованы и скомпонованы при составлении ПП. Включение ст. 83 ПП, восходившей к устному праву, в писаное право феодального государства (с соответствующей редакционной обработкой) свидетельству-

[1] См.: Правда Русская. Учебное пособие... с. 79.

[2] Ср. статьи о поджогах дома, амбара или риги с хлебом, хлева или стойла, ограды в Салической Правде (Lex Sal., XVI), дома, сарая, амбара, кладовой, овчарни, свинарника в Алеманской Правде (Lex Alam., LXXXII, 1—4), дома, стойла, амбара, скирд в Баварской Правде (Lex Bajuv., X, 1, 2, 3); согласно Саксонской Правде поджигатель дома предавался смерти (Lex Sax., XXXVIII).

ет об изменении природы этой статьи, которая стала служить классу феодалов надежной опорой при подавлении народных выступлений и решении социальных конфликтов, сопровождавшихся поджогами домов и запасов хлеба на гумне[1]. Поэтому нельзя не согласиться с мнением А. А. Зимина о том, что ст. 83 ПП «свидетельствует об обострении классовой борьбы к началу XII в., которая, в частности, выражалась в поджогах усадьбы феодала и его гумна»[2].

Справедливость такой характеристики ст. 83 ПП подтверждает аналогичная по содержанию ст. 84 ПП, которая завершает данную группу «хозяйственных» статей ПП. Она предусматривает наказание за убийство коня или скота. В контексте свода она является существенным дополнением к предшествующей статье, в результате чего основная часть хозяйства феодала оказалась под особой защитой феодального государства. Социально-политическая направленность ст. 84 становится особенно очевидна, если сравнить формулировку ее нормы с соответствующими местами в Правдах, где указываются случаи избиения и изувечивания чужого скота, обнаруженного на своей ниве[3], или убийства чужого скота[4], но нет понятия «злой умысел», входящего в состав преступления. На основании этого можно предположить, что норма об избиении и повреждении скота на чужой ниве находилась в Законе Русском и устном праве. Она также целенаправленно редактировалась в ПП, как и предшествующие статьи, с указанием «господина» и возмещения «пагубы», причем «продажа» за совершенное преступление приравнивалась к высшему после убийства штрафу — в 12 гривен. Поэтому установить вероятную исходную норму не удается.

Следующий комплекс ст. ст. 85—87 ПП представляет собой судебно-процессуальные нормы. В данной связи А. А. Зимин справедливо отметил особенности структуры свода, где определенный тематический раздел завершается нормами о судебных уроках — вознаграждении членам административно-судебного ап-

[1] Ср. сообщение Ипатьевской летописи под 1146 г. о 900 стогах хлеба на гумне в селе князя Игоря Ольговича (ПСРЛ, II, стб. 333).

[2] ПРП, I, с. 175.

[3] См.: Lex Sal., IX; Lex Alam., LXXVI, 1.

[4] См.: ex Bajuv., XIV, 1—7.

парата за проведение судебного процесса: ст. ст. 9—10 после раздела о вирах, ст. ст. 20—21 после раздела о наказании за убийство зависимых людей, ст. 74 после статей о 12-гривенной продаже и ст. ст. 107—109 после комплекса статей о наследстве (см. далее)[1]. В этом прослеживается единый композиционный прием кодификаторов ПП, что может свидетельствовать также о единовременности составления текста судебника.

Статья 85 ПП начинается утверждением, что все ранее указанные тяжбы разбираются в присутствии свидетелей — свободных, но если свидетелем преступления оказывается холоп, то он не может участвовать в судебном процессе[2]. Это положение уже излагалось ранее в ст. 66 ПП: «А послушьства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, то[3] по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати». Статья 85 разъясняет, как все же можно использовать для суда показания холопа, если он оказывается свидетелем преступления. Истец должен произнести условную формулу. «По словам его (холопа. — *М. С.*) я привлекаю тебя, но привлекаю тебя я, а не холоп»[4]. Если через испытание раскаленным железом обвинение подтверждалось, то иск удовлетворялся, если же нет, то истец платил ответчику гривну «за муку», поскольку привлекал его к суду «по холопьи речи». А. А. Зимин полагал, что сравнение ст. 85 ПП со ст. 66 ПП свидетельствует о появлении в

[1] См.: ПРП, I, с. 176.

[2] «Ты тяже все судять послухи свободными, будеть ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити». Г. Е. Кочин и И. И. Смирнов ограничивали случаи совершения преступлений, которые подразумевались в ст. 85, ближайшими к ней статьями, что подразумевало преступления в сельской местности. Отсюда следовало, что холопы, которые могли привлекаться к следствию, жили прежде всего в сельской местности и принадлежали к господскому хозяйству (см.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 79; *Смирнов И. И.* Очерки... с. 139—140). Б. А. Романов и А. А. Зимин, распространив применение нормы ст. 85 на статьи о членовредительстве, отметили универсальный характер ее применения (см.: *Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. Л., 1947, с. 56—57; *Зимин А. А.* Холопы... с. 175).

[3] В Троицком списке — но.

[4] «По сего речи емлю тя, но яз емлю тя, а не холоп»; о словесно-обрядовой процедуре на суде см.: *Бляев П. И.* Источники древнерусских законодательных памятников. — Журнал министерства юстиции, 1899, т. X, с. 83.

ст. 85 ПП новой процессуальной нормы, привлекающей холопа в качестве свидетеля. В этом он видел отражение такого важного социально-экономического явления, как «развитие процесса феодализации в Древней Руси, приводившего, в частности, к слиянию холопов в широком смысле этого слова с другими категориями феодально зависимого населения»[1]. Из этого наблюдения должен был также следовать другой вывод, не отмеченный А. А. Зиминым, о временно́м различии норм ст. ст. 66 и 85 ПП. Однако, как показывает сравнение этих норм, в ст. 85, как и в ст. 66, холопы не допускаются в качестве свидетелей. В первой из них разъясняется, что свидетельские показания холопа могут быть лишь основанием для привлечения ответчика к «божьему суду». Поэтому данное разъяснение следует рассматривать не как непосредственный результат влияния сложных социально-экономических процессов[2], а как совершенствование выражения правовой нормы, в чем опосредованно выражалась объективная потребность в расширении случаев, подлежащих княжескому суду, осуществлявшему феодальные классовые функции. Было ли уточнение древнерусских кодификаторов правовой новацией или следствием совершенствования выражения правовой нормы — недостаточно ясно. Принимая во внимание, что даже в развитом рабовладельческом обществе, где рабы считались вещью и объектом права, в определенной мере учитывались свидетельские показания рабов под пыткой, можно предположить, что в раннефеодальном обществе учет показаний холопа на суде в том виде, каком он представлен в ст. 85, допускался изначально. Он определялся особым социально-правовым статусом холопства как феодального класса-сословия.

Завершает данную небольшую группу статей о судебно-процессуальных нормах постановление об уплате только судебных издержек, если ответчик, обвиняемый свободным, не «ожьжеться» и не платит за «муку» в отличие от гривенного штрафа после обвинения со ссылкой на показания холопа.

Последующие комплексы ст. ст. 88—89 об убий-

[1] См.: ПРП, I, с. 176.

[2] Мнение А. А. Зимина о социально-экономическом положении холопов осталось, по нашему мнению, недоказанным. См.: *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... с. 149—170.

стве женщины и холопа, ст. ст. 90—95, 97—106, 108 о наследстве, ст. ст. 110—121 о холопах не имеют соответствий в КП и предшествующем тексте ПП, поэтому И. И. Смирнов определил их как «дополнительные статьи», содержащие специальные законы[1]. Такое определение можно было бы принять, если бы предшествующий текст структурно представлял собой нечто цельное, отличное от «дополнительных статей». Однако в предшествующем тексте ПП существуют аналогичные по характеру комплексы статей: ст. ст. 18—22 о «поклепе», ст. ст. 50—52 о резах-процентах, ст. ст. 56—64 о закупах. Характерны также композиционные «перебивы» тематически единых статей о наследстве «уроками» городнику и мостнику, причем последний соответствует «уроку мостников» из КП (ст. 43 КП); указание о размерах денежных взысканий судебному исполнителю в деле о наследстве (ст. 108) «разбивает» сюжетно единые «уроки» «судебнии» и «ротнии» (ст. ст. 107, 109), что также встречалось в предшествующем тексте ПП. Отсюда можно заключить, что структурно завершающие комплексы статей аналогичны предшествующему тексту и это отражает единство приемов составителей ПП. Поэтому ст. 88 и следующие являются не дополнительными, а составной частью — единовременно обработанные нормы устного права и княжеские постановления.

В правовом регулировании социально-экономических отношений активную роль играл господствующий класс, который содействовал совершенствованию писаного права. Именно последним обстоятельством объясняется появление двух неразрывно связанных статей — ст. 88 о форме судебного преследования за убийство женщины[2] и установлении за это штрафа в полувиру, а также ст. 89, продолжающей предшествующую статью словами «в холопе и в робе виры нетуть» и устанавливающей «урок» хозяину за убийство чужого холопа и 12-гривенную «продажу» князю. В неразрывной связи этих двух норм, не совпа-

[1] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 143.

[2] В историографии обсуждался вопрос о том, что предусматривалось в словах «аже кто убиеть жену» ст. 88 — убийство «жены» или убийство «женщины» (см.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 79—80; Правда Русская, II, с. 602—605; ПРП, I, с. 177—178).

дающих, однако, по социальному содержанию, отчетливо проявляется, по нашему мнению, необходимость дополнения ПП, в котором норма о суде за убийство женщины отсутствовала, а в ст. 65 ПП регулировалось правонарушение холопа, ударившего «свободного мужа».

Столь же важно было в условиях быстро развивающихся феодальных отношений письменно зафиксировать наследственное право (ст. ст. 90—95, 98—106, 108 ПП), которое относилось прежде всего к регулированию внутриклассовых отношений, хотя утверждение прав князя на выморочное имущество смерда является следствием феодальных отношений собственности на основное средство производства — землю (в лице князя персонифицировалось право верховной собственности государства на землю)[1]. Отрицательная формулировка ст. 91: «Аже в боярех любо в дружине, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сынов, а дчери возмуть» — позволила А. Е. Преснякову выдвинуть предположение, что данная статья представляет собою юридическую новацию, которая заменила древнюю норму, согласно которой наследство дружинника при отсутствии дочерей отходило князю[2]. В этом случае включение ст. 91 предполагает совершенствование права под влиянием развивающихся социальных отношений. Судя по древнейшим записям права раннефеодального общества, нормы о наследовании существовали в Законе Русском и позднее в устной, вероятно, Правде Русской. Однако реконструировать их на основании комплекса статей о наследстве не представляется возможным, поскольку отсутствуют корректирующие данные КП.

Завершает ПП комплекс статей о холопах (ст. ст. 110—121). Тематическое единство статей позволило А. Е. Преснякову назвать их Уставом о холопах. Это условное название прочно вошло в последующую литературу. В историографии существуют три основных круга вопросов: текстологического, историографического и исторического анализа, решение которых определяет основные вопросы истории текста Устава.

Текст ст. ст. 110—121 в древнейшей Синодально-

[1] См.: *Свердлов М. Б.* Смерды в Древней Руси. — История СССР, 1970, № 5.

[2] См.: *Пресняков А. Е.* Лекции... т. I, с. 188.

Троицкой группе списков дефектный: отсутствуют конец ст. 118 и начало ст. 119, в Пушкинской группе неполон текст ст. 114, в Карамзинской группе текст представляет собой компиляцию двух предшествующих. Вследствие этого А. А. Зимин, учитывая большой предыдущий опыт изучения и комментирования Устава о холопах, предложил реконструкцию текста, в основу которой положена Синодально-Троицкая группа списков с учетом лучше сохранившихся чтений списков Пушкинской и Карамзинской групп[1]. И. И. Смирнов, исходя из дефектности списков Синодально-Троицкой группы и лучшей сохранности Пушкинской группы, прежде всего ее Археографической группы, и особенно Археографического II списка, предложил считать последний, вслед за В. И. Сергеевичем, наиболее близким к протографу ПП, хотя и вынужден был признать в нем более позднюю, чем в других группах списков, редакционную правку. И. И. Смирнов привел также другие текстологические аргументы, из которых следует, что для правильного понимания ст. ст. 116—119 ПП следует привлекать чтения Археографического II списка, в котором могли отразиться более древние, чем в Синодально-Троицкой группе, чтения, поскольку Пушкинская группа списка является независимой от Синодально-Троицкой[2]. Возражая этому мнению, А. А. Зимин отметил предпочтительность чтения ст. 116 ПП в лучших списках всех трех групп ПП[3]. Однако дискуссия о текстологии Устава не затронула анализа содержания большинства его статей.

Основные вопросы истории текста Устава о холопах, по нашему мнению, уже решены в литературе, если отказаться от крайностей позиций исследователей[4]. Так, А. Е. Пресняков сделал плодотворные наблюдения о стилистическом единстве Устава о холопах и Устава о закупах, связав их появление с социальной борьбой в 1113 году, в результате чего Уставы оказывались средством «самозащиты социальных

[1] См.: ПРП, I, с. 120, 196.

[2] См.; *Смирнов И. И.* Очерки... с. 145—153. В последнем утверждении И. И. Смирнов опирался на наблюдения М. Н. Тихомирова (см.: *Тихомиров М. Н.* Исследование... с. 164—165).

[3] *Зимин А. А.* Холопы... с. 188—189.

[4] Критический анализ историографии см.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 153—169.

верхов от народного раздражения»[1]. Отсюда следовали важные выводы об одном времени их составления и одинаковых причинах появления. В новейшей историографии было высказано мнение об Уставе о холопах как юридической новации, отражающей новые социальные явления, причем Устав продолжал связываться с событиями 1113 года или датировался более поздним временем[2]. Одним из веских оснований последнего мнения было предположение о более позднем происхождении первых двух статей Устава (ст. ст. 110—111 ПП)[3]. Однако, как показал А. А. Зимин, ни терминологически, ни сюжетно ст. ст. 110, 111 ПП не отличаются от последующих, и поэтому Устав представляет собой единый законодательный памятник[4].

А. А. Зимин предположил также, что Устав о холопах восходит к русскому законодательству X в. В качестве аргументов он указал на отсутствие упоминаний о князе, о «продаже» как штрафе в пользу князя, о «шкале стоимости холопа», которая имеется в домениальном уставе КП, а также присутствие «черт сходства» с договорами Олега и Игоря с Византией (древняя «рота» и слово «кренеть» — «купить»)[5]. Эти аргументы были обстоятельно рассмотрены И. И. Смирновым, который показал их недоказанность, поскольку указание на «продажу» князю есть в единой по составу ст. 121, тогда как в других статьях Устава отсутствие «продажи» объясняется тем, что данные казусы относятся к иной сфере, где «продажа» не применялась. Слово «кренеть» используется также в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г., поэтому его употребление не может свидетельствовать об архаичности нормы, и, напротив, термин «холоп», последовательно примененный

[1] См.: *Пресняков А. Е.* Лекции... т. I, с. 227.

[2] *Греков Б. Д.* Киевская Русь... с. 503; *Юшков С. В.* Очерки социально-экономической истории Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 64; *Яковлев А. И.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943, с. 20—21. И. И. Смирнов видел в Уставе о холопах отражение общественных отношений в XII—XIII вв. (см.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 174—229), тогда как Л. В. Черепнин связывал его появление с обострением классовой борьбы в 1174—1175 гг. (см.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 276).

[3] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 165—167.

[4] См.: *Зимин А. А.* Холопы... с. 189—196.

[5] См.: ПРП, I, с. 186, 188.

11 Заказ 6646

в Уставе, свидетельствует о терминологическом отличии последнего от договоров X в., где использовано другое понятие — «челядин»[1].

Таким образом, дискуссия двух крупнейших знатоков Русской Правды показала неубедительность крайних взглядов, предполагающих расширение датировки Устава о холопах и, напротив, подчеркнула обоснованность мнений, относящих его появление ко времени княжения Владимира Мономаха, а также стилистическое и терминологическое единство Уставов о закупах и холопах, свидетельствующих о единовременности их составления.

В зависимости от системы взглядов исследователей на развитие феодальных или рабовладельческих отношений значительно варьировалась характеристика Устава о холопах, в частности, по-разному устанавливалось назначение Устава: как определение социального статуса холопства в целом[2], редакция на антифеодальные движения в деревне и на бегство холопов в городе[3], детерминация социально-экономического положения холопов в городском, а не сельском господском хозяйстве[4].

Рассматривая ст. ст. 110—121 ПП как единый Устав, нельзя не отметить его значительную композиционную стройность. Статья 110 регламентирует поступление в холопы: это установление процедуры действительной или фиктивной самопродажи, холопство при женитьбе на робе или поступлении в тиуны без ряда-договора, но при заключении договора сохра-

[1] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 160—165. Эти критические замечания А. А. Зимин, как представляется, не опроверг и лишь повторил свое мнение в более развернутой форме: *Зимин О. О.* Устав про холопів — памятка зісторії холопства в Київській Русі — Український історичий журнал, Київ, 1966, № 7; он же. Холопство... с. 196—197. В связи с последним доводом А. А. Зимин отметил, что на Руси в XI в. термин «челядин» сменяется понятием «холоп», поэтому «Устав, прошедший сквозь переработку XI в., сохранил не архаичный термин, а уже новый» (*Зимин А. А.* Очерки... с. 197), однако этот аргумент не убедителен, поскольку термин «челядин» не только сохранен в статьях ПП, заимствованных из КП (ст. ст. 11, 16 КП, соответственно ст. ст. 32, 38 ПП), но и использовался в последующем нормотворчестве в ПП (ст. 99).

[2] См.: *Зимин А. А.* Холопы... с. 187—197.

[3] См.: *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения... с. 276.

[4] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 169—174.

нились условия, на которых «рядились»[1]. Отсюда следует, что в практике социально-экономических отношений существовала тенденция безоговорочно превращать в указанных случаях свободных в холопов. Поэтому государство, охраняя права лично свободных, должно было включить данную норму в писаное право. За этой нормой стоит социально-экономическое расслоение лично свободного населения, стремление феодалов всеми средствами сделать холопами тех лично свободных, которые попадали в орбиту господского хозяйства, управляющих — тиунов, а также борьба в той или иной мере зависимого населения за сохранение своей личной свободы. Именно регламентация установления холопства в ст. 110 объясняет отсутствие в ней упоминания о других его видах — по преемственности холопьего состояния (дети холопов), вследствие плена, за гибель доверенного купцу имущества в результате преступной халатности.

Аналогичная тенденция в ограничении государством притязаний феодалов на распространение холопской зависимости прослеживается в ст. 111. В ней запрещалось за «дачу» — вид материальной помощи — обращать в холопы[2].

Таким образом, ст. ст. 110, 111 ПП представляют собой юридическую новацию, предназначенную для регламентации социальных процессов.

Статьи 112—115 определяют процедуру поиска и возвращения беглого холопа господину и предусматривают в случае укрывательства возмещение его стоимости господину[3]. Сфера применения этих статей не ограничена сельским или городским хозяйством. Напротив, посылка ст. 114 «Аже кто своего холопа сам досочиться в чьемь любо городе...» предполагает, что холоп мог бежать в этот город как из сельской местности, так и из другого города. Это предполагает универсальность применения ст. ст. 112—115 ПП.

Последующие статьи определяют ответственность господина за холопа, пустившегося в финансовые и торговые операции (ст. ст. 116, 117), за беглого холопа (ст. ст. 119, 120), а также права господина на бег-

[1] О содержании ст. 110 см.: Правда Русская, II, с. 701—706.

[2] «А в даче не холоп...». О правильном чтении «дача», а не «вдачь» см.: Правда Русская. Учебное пособие, с. 31, 87—88; Правда Русская, II, с. 707—715; ПРП, I, с. 119, 186.

[3] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 170—173.

лого холопа при его самопродаже (ст. 118)[1] и при совершении холопом кражи в одиночку или со своей семьей (ст. 121). Представляется верным тонкое наблюдение И. И. Смирнова, который отмечал сюжетное отличие ст. ст. 112—115 и 116—121: «И если в ст. ст. 112—115 речь идет о восстановлении права собственности господина на бежавшего от него холопа, то в ст. ст. 116—121 рассматривается уже вопрос о формах и степени ответственности господина за действия его холопа, в том числе и за действия беглого холопа. Поэтому не будет чрезмерной вольностью сказать, что по Уставу о холопах господину беглого холопа приходится выступать сразу в двух судебных процессах: сначала, по ст. ст. 112—115, в качестве истца, предъявляющего права собственности на беглого холопа, а затем, по ст. ст. 116—121, в качестве ответчика за действия беглого холопа». Однако и в этом случае стремление И. И. Смирнова ограничить применение ст. ст. 116—121 городом представляется неправомерным ограничением, значительно сужающим сферу активности холопов. Например, ст. 116 неопределенно указывает место займа холопом денег («аще где холоп вылжеть[2] куны...»), тогда как И. И. Смирнов предполагал в заимодавце городского купца или ростовщика-резоимца[3]. Между тем таким заимодавцем мог быть и феодал (ср. ст. 50: «Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед, или жито во просоп...»), а при заключении закупнических операций они давали деньги в долг крестьянам[4]. Неясно, почему понятие «торг» в значении «торговля», в которой «одолжаеть» холоп, связано только с городом[5] и т. д. Поэтому представляется, что ст. ст. 112—115 и 116—121, т. е. весь Устав в целом, был предназначен для регулирования правоотношений холопов и их господ как в городе, так и в сельской местности. Отсюда следует важный вывод, согласно которому Устав о холопах являлся юридической новацией, предназначенной для

[1] Толкования ст. 118 ПП см.: Правда Русская, II, с. 734—735.

[2] В Троицком списке ошибочно — «вложить».

[3] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 173—174.

[4] См.: *Свердлов М. Б.* К изучению формирования феодально зависимого крестьянства (Закупы Русской Правды). — История СССР, 1978, № 2.

[5] См.: *Смирнов И. И.* Очерки... с. 174.

регулирования многочисленных новых правоотношений, складывающихся в результате роста холопства как феодального класса-сословия и привлечения его во все сферы деятельности феодального господского хозяйства, в том числе в торговые и денежные сделки. Закон становился во всех случаях на сторону «господина», но вместе с тем делал последнего ответственным за действия холопов и ограничивал стремление феодалов к бесконтрольному превращению зависимого населения в холопов. Уставы о закупах и холопах оказываются близки не только структурно и терминологически, что уже отмечалось в историографии, но и функционально. Это свидетельствует о близости времени происхождения обоих Уставов, а именно, в княжение Владимира Мономаха.

Изучение структуры ПП свидетельствует об одинаковых приемах кодификации и единовременном составлении судебника. На протяжении всего текста, вплоть до ст. 97 ПП, разбивающей наряду со ст. 96 единый комплекс статей о наследстве, использован текст КП без повторов и пропусков, за исключением опущенной ст. 18 КП, появление которой в КП неясно, что указывает на одноразовость привлечения КП при составлении ПП[1]. При включении норм КП в ПП они оставлялись почти без изменений или редактировались в соответствии с социально-экономическими, правовыми и терминологическими изменениями. Несмотря на такое внимательное отношение к тексту КП, для составителей ПП основным являлась структура нового свода, в результате чего статьи КП использовались по мере надобности и соответственно располагались в ином, чем в КП, порядке. Во многих случаях нормы статей КП представляли собой лишь «зачин» тематически единых ком-

[1] В. И. Сергеевич не увидел этого кодификационного приема и поэтому с недоумением замечал: «Во второй ее (т. е. ПП. — *М. С.*) половине, следующей за уставом Владимира, мы встречаем целый ряд статей, которые входили уже в Древнейшую Правду XI в. Трудно объяснить, почему их понадобилось внести в устав Владимира, а не в Русскую Правду, которая существовала ранее этого устава» (см.: *Сергеевич В.* Лекции... с. 66). В основе такого утверждения находится представление о механическом «наращивании» текста ПП последующими постановлениями и непонимание того факта, что ПП, как и сохранившийся текст КП, являются последовательно проведенными кодификациями предшествующего и современного кодификации законодательства.

плексов статей, которые отражали развитие социально-экономических отношений, правоотношений и юридической мысли.

При составлении ПП, наряду с КП, в качестве источника использовались также нормы устного права, которое сохранило основные нормы Закона Русского, продолжало развиваться в условиях феодальных общественных отношений. Составители ПП привлекли также отдельные княжеские постановления, видимо, Святополка Изяславича и конкретно указанный Устав о резах Владимира Мономаха. Во все части ПП включались также единые по содержанию комплексы статей (о «поклепе» — ст. ст. 18—22, о резах — ст. ст. 50—52, 53, о закупах — ст. ст. 56—66, о наследстве — ст. ст. 90—95, 98—106, 108, о холопах — ст. ст. 110—121), причем по существу содержащихся норм и терминологически эти комплексы являлись одновременными. Это наблюдение и отмеченный А. А. Зиминым одинаковый прием в завершении единых комплексов статей указаниями отчислений в пользу чиновников княжеского суда также свидетельствуют о единовременности составления ПП.

Кодификация различных по происхождению источников права в цельном по структуре и содержанию своде, который в свою очередь стал источником, используемым при составлении договорных и нормативных актов, а также судебников XIII—XV вв., была возможна лишь в период относительной социально-политичекой стабильности, относительного политического единства древнерусских земель. Таким периодом было киевское княжение Владимира Мономаха в 1113—1125 гг. и его сына Мстислава Великого в 1125—1132 гг.[1] Именно во время усиления государства и государственного аппарата стало возможным

[1] По нумизматическим материалам Н. П. Бауер пришел к выводам, близким к нашим наблюдениям, о хронологии текста Русской Правды: 1) хронологическая близость Древнейшей Правды и домениального устава, 2) возможность записи последнего и всей КП в 1025—1040-х гг. (при допущении записи КП и после смерти Ярослава), 3) создание ПП во второй половине XI в. — второй четверти XII в. (см.: *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской Правды. — Вспомогательные исторические дисциплины. М. — Л., 1937, с. 240—241); показательно, что по лингвистическим наблюдениям С. П. Обнорского составление КП и «первичного оригинала» ПП также не разделялось значительным промежутком времени (см.: *Обнорский С. П.* Очерки... с. 31).

последовательное и всестороннее правовое регулирование отношений в самых различных областях общественной и экономической жизни, целенаправленное осуществление функции государства по подавлению посредством права сопротивления эксплуатируемого населения, феодально зависимого и лично свободного, по охране феодальной собственности и в то же время регулирование эксплуатации зависимого населения, в чем проявлялась диалектическая функция феодального государства и права как надстройки над базисом социально-экономических отношений.

Анализ истории текста ПП позволяет также ответить на поставленный в историографии вопрос об использовании в ПП более полного и более позднего текста КП. Как показано выше, составители ПП редактировали, дополняли статьи КП, меняли их композицию. Между тем в статьях ПП, не имеющих соответствия в КП, архаичных по виду и стилистически аналогичных КП, которые могли бы быть отнесены к более полному и позднему тексту КП[1], отмечаются редакционные особенности, отличающие их от использованных статей ныне известной редакции КП и от поздних княжеских уставов и правовых новаций.

Для таких статей характерна прежде всего простая конструкция нормы без позднейших редакционных добавлений. Таковы дополнительные ст. ст. 11, 15 ПП к нормам княжеского домениального устава, составляющего вторую часть КП. Нарушение этими статьями системы норм КП и их дополнение правовыми новациями, отражающими развитие социально-экономических отношений и совершенствование правовой мысли, что характерно для кодификационных приемов составителей ПП (ст. 15 ПП разбивает порядок ст. ст. 24—27 КП, соответственно, ст. ст. 13, 14, 16, 17 ПП, тогда как ст. 11 ПП с указанием 40-гривенной виры предшествует ст. 12 ПП с указанием 80-гривенной виры), свидетельствуют об их прямом включении в состав ПП.

Редакционно обработанная ст. 18 ПП, в основе которой находится норма устного права, составляющая правовую новацию ПП, не свидетельствует о

[1] См.: ПРП, I, с. 144, 145, 157, 169; *Зимин А. А.* Феодальная государственность... с. 249—250.

том, что эта норма (в частности, упоминание варягов) существовала в пространной редакции КП. Если в ст. ст. 10—11 КП в качестве ответчика указываются конкретные иноземцы (в условиях Новгорода начала XI в. — варяги и колбяги), то в ст. 18 ПП названы: «... паки ли варяг или кто ин...», т. е. во время составления ПП круг иноземцев надо было значительно расширить[1]. Данное наблюдение подтверждает сравнение ст. 18 ПП со статьей 31 ПП, восходящей к ст. 10 КП. В ней сохранено указание варяга и колбяга, что свидетельствует об определенной консервативности составителей ПП в передаче использованных норм КП. Это в свою очередь является доказательством того, что ст. 18 ПП является новацией ПП и не восходит к несохранившейся редакции КП[2].

Статья 26 ПП, как отмечено ранее, является юридической новацией составителей ПП, тогда как ст. 30 ПП восходит, вероятно, к устной Правде Русской и состоит она из двух норм, в которых нет следов дополнительной правки кодификаторами предшествующего писаного права. Не прослеживаются также следы существования более пространной редакции КП в ст. 43 ПП, восходившей к устному праву, и в ст. ст. 44, 45 ПП, отредактированных в процессе составления судебника. Другие статьи ПП, не имеющие соответствий в известной редакции КП, отраженной в древнейшей Синодально-Троицкой группе списков, также не несут следов редакционной обработки другой редакции КП. Они являются или заимствованиями из устного права, предысторией которого являлся Закон Русский (ст. ст. 71, 73 ПП), или следствием сложной редакционной работы составителей ПП (ст. ст. 75, 76, 81, 82 ПП), которые учитывали также композиционное положение статей в новом своде. Против мнения об использовании в ПП более полной и поздней редакции КП свидетельствует также сохранение в ПП тематического «шва» разносюжетных статей КП между комплексом норм об оскорблениях действием и последующими процессуально-следственными статьями о беглой челяди, езде на коне без спроса и т. д. Эти наблюдения свидетельствуют, по нашему мнению, об использовании при составлении ПП текста КП, который в последующей традиции сохранился в известном ныне тексте КП.

Таким образом, нормативный и стилистический анализ статей ПП не подтверждает предположения, впрочем, высказанного в виде догадки, о существовании более поздней и более полной, чем сохранившаяся в новгородском летописании, редакции КП. Оно не учитывает сложности редакционной работы составителей ПП, использовавших в качестве источников КП — «Суд Ярославль Володимеричь», современное устное право, отдельные княжеские законоположения.

Анализ текста ПП позволяет установить основные черты творческого почерка его составителей (или составителя). Использование судебника «Суд Ярославль Володимеричь» было лишь отправной точкой в работе над созданием нового свода законов[1]. Его нормы сохранялись, редактировались (усовершенствовались, сокращались, дополнялись, сводились в одну статью), композиционно переставлялись. Темы, лишь затронутые в составных частях первого по времени свода — судебника «Суд Ярославль Володимеричь», становились основой дальнейших правовых разработок, отражавших произошедшие социально-экономические изменения, классово целенаправленную политику государства по регулированию общественных отношений посредством права, совершенствование юридической мысли в Древней Руси. В основу нормотворчества бралось также устное право, значительно развившееся в условиях почти трехсотлетнего существования Древнерусского государства. В процессе сос-

[1] Летописи ограниченно отразили этнические названия и правовую лексику, поэтому их данные относительны при определении хронологии использования отдельных названий и терминов. В южнорусском летописании слово «варяг» используется последний раз под 1148 г. (ПСРЛ, т. II, стб. 369), в новгородском — до начала XIII в. (НПЛ, с. 39, 45, 48, 49).

[2] Показательно в данной связи, что предполагавший существование пространной редакции КП А. А. Зимин относил появление ст. 18 к ПП (ПРП, I, с. 145).

[1] Понятие «свод законов» означает в данном случае сведенное воедино в определенном порядке собрание различных по времени законов; в этом смысле его использование близко термину «судебник». По отношению к Русской Правде Гейман использовал понятие «свод законов», впрочем, в кавычках, которые подчеркивали условность применения этого термина (см.: *Гейман В. Г.* Право и суд. — В кн.: История культуры Древней Руси. М. — Л., 1951, т. II, с. 41). Б. А. Рыбаков характеризует ПП как «наиболее полный свод феодальных законов» (*Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв., с. 466).

тавления свода последовательно углублялось классовое феодальное содержание ранее существовавших правовых норм и вводились соответствующие юридические новации. Многочисленные сложные задачи, связанные с включением в новый судебник предшествующего писаного права, были успешно выполнены при составлении ПП. Новый свод законов имел черты механической компилятивности, которые особенно проявились во второй части ПП. Однако эта компилятивность была обычной чертой творчества раннесредневековых авторов не только юридических памятников, но и многих литературных произведений. Таким образом, анализ текста ПП раскрывает ее содержание как единовременной кодификации предшествующего княжеского светского законодательства, пополненного в необходимых случаях нормами устного права, восходящими к Закону Русскому.

НОРМЫ ЗАКОНА РУССКОГО В СОСТАВЕ ПП

[18] Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послухов 7, то ти выведуть виру.
[27] Аще око утнеть, то 20 гривен.
[27] Аще нос утнеть, то 20 (или 10) гривен.
[30] Аже ударить мечемь, а не утнеть на смерть, то 3 гривны; потнеть ли на смерть, а вира.
[43] Аже крадеть гумно или жито в яме, то 3 гривне.
[50] Аже кто даеть куны в рез, или настав в мед, или жито в просоп, то послухи ему ставити, како ся будеть, рядил, тако же ему имати.
[68] А в зубе 12 гривен.
[69] Аже украдеть кто бобр, то 12 гривен.
[71] Аже разнаменаеть борть, то 12 гривен.
[73] Аже дуб подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривен.
[82] Аже зажгуть гумно, то на поток и на разграбление.
[82] Аже зажгуть двор, то на поток и на разграбление.

Заключение

Становление светского феодального права в Древней Руси было длительным процессом. Его истоки восходят к племенным Правдам восточных славян. Они представляли собой, по-видимому, обычноправовые системы, предназначенные для юридического регулирования всей совокупности социально-экономических и правовых отношений в каждом племени или племенном союзе.

В процессе политической консолидации южной ветви восточнославянских племен, полян и северян, в VIII — первой половине IX в. в Среднем Поднепровье — Русской земле произошла унификация близких по составу и социальной природе Правд этих племен — в Закон Русский, юрисдикция которого распространялась на территорию южного государственного образования восточных славян с центром в Киеве. Данной системой права руководствовались в судебной практике великие киевские князья и контролируемые ими княжеские и местные общинные суды. Вероятно, Закон Русский полагался основным по сравнению с Правдами других племенных союзов, с которыми он первоначально сосуществовал, не вытесняя их. Его нормы учитывались великими киевскими князьями Олегом и Игорем при заключении государственных договоров (уже в русско-византийских договорах 911 и 944 гг.). Закон Русский представлял собой качественно новый этап развития устного права в условиях существования государ-

ства. Он развивался в IX—X вв., отражая происходившие социально-экономические перемены, в частности появляющиеся раннефеодальные отношения собственности и растущую социально-экономическую дифференциацию.

Во второй половине X — начале XI в. в результате усложнения правовой системы Древнерусского государства, включившей княжеское законодательство, Закон Русский развился, как можно предположить, судя по дальнейшей эволюции первоначальных норм Закона Русского, в устную, вероятно, Правду Русскую — основной закон великих киевских князей, который наполнялся уже новым содержанием как право раннеклассового государства. Поэтому метафизичным представляется противопоставление сторонниками родовой теории (а с определенными вариантами и других направлений в дореволюционной историографии) государственного права «родовому обычаю» без учета развития племенных Правд в условиях формирующегося и развивающегося государства, без учета применения развитой обычноправовой системы в качестве государственного закона в условиях существования государства в начальный период становления, а также более позднего использования этого закона как источника норм первоначального писаного права раннефеодального государства. И напротив, сделанный в данной работе вывод подтверждает наблюдение о преемственности развития права раннефеодального государства из предшествующих племенных обычаев, но при этом обязательно следует учитывать качественные отличия первого как закона раннеклассового общества.

В процессе интеграции восточнославянских племен в составе Древнерусского государства в результате социально-экономических и политических процессов, уничтожения автономии племенных союзов после подавления восстаний, подобных древлянскому, устная, вероятно, Правда Русская в качестве основного государственного закона постепенно распространялась на всю территорию страны. Одним из таких случаев распространения ее норм на Новгород в 1015—1016 гг. стало издание Древнейшей Правды. Ввиду острой необходимости урегулировать отношения новгородцев и варягов после завоевания великокняжеской власти Ярославом Мудрым был составлен судебник — Правда со специальной выборкой норм устной, вероятно, Правды Русской, отредактированных и дополненных особыми постановлениями в соответствии с целями ее опубликования. Этот первый по времени писаный судебник, условно названный в исследовательской литературе Древнейшая Правда, или Правда Ярослава, носил название «Правда Русская», как тот предполагаемый нами устный источник права, откуда были заимствованы его нормы. В условиях издания судебника для Новгорода этот заголовок приобретал дополнительное значение как указание нормативного акта, изданного великим киевским князем, и свидетельство южнорусского происхождения его норм. Первый писаный судебник содержал лишь небольшое число статей, что объясняется особым назначением его издания: зафиксировать необходимые для определенной судебной практики нормы устного права, произведя незначительную редакционную обработку. Вне судебника остались защита собственности, судебно-следственная процедура, определение штрафов за посягательство на жизнь различных категорий зависимого населения и т. д. Отсюда можно предположить дальнейшее применение и совершенствование содержащей данные нормы устной Правды Русской — основного великокняжеского закона — после записи Древнейшей Правды.

Развитие господского хозяйства, прежде всего княжеского, предполагало особую защиту его законом. Эта задача была частично решена изданием домениального устава, вероятно, в великое княжение Ярослава Мудрого после 1036 года. Его статьи состоят из норм, направленных на защиту людей и собственности княжеского господского хозяйства, а также общих правовых норм, заимствованных из устной Правды Русской и восходящих к Закону Русскому. Вторая группа норм в домениальном уставе изменила свою функцию, поскольку она была предназначена для защиты домена. Однако был ли составлен домениальный устав единовременно или первая группа его норм была дополнена второй — недостаточно ясно. Цели издания и тематическое единство норм домениального устава свидетельствуют о том, что он представлял собой самостоятельный юридический памятник, подобно Покону вирному и Уроку мостников. Устав имел преамбулу, вероятно: «Правда уставлена руськои земли». Различные задачи, стоявшие перед Древнейшей Правдой и уставом, предопределяли их различное содержание. В княжение Ярослава были изданы также самостоятельные законоположения: Покон вирный, который появился в результате борьбы свободного сельского населения против произвола вирников, и Урок мостников, выражавший функции государства по административному управлению. Вероятно, еще при жизни Ярослава эти законы были сведены воедино и под названием «Суд Ярославль Володимеричь» составили первый свод законов.

Вскоре после смерти отца три старших Ярославича и их приближенные мужи приняли решение об отмене кровной мести и обязательном выкупе за убийство, что явилось завершением длительной предшествующей тенденции к ограничению кровной мести. Его принятие отразило значительное общественное развитие страны, в определенной мере — принятие христианства как официальной религии, хотя, разумеется, рецидивы кровной мести продолжали встречаться позднее и они учитывались в юридической практике.

Данным законоположением коллективное юридическое творчество Ярославичей, видимо, ограничилось, однако врозь князья, вероятно, издавали отдельные законы, прежде всего в годы своего пребывания на великокняжеском столе (в ПП прослеживается законодательство киевского князя Святополка Изяславича о регулировании долговых отношений купцов). Эти нормативные акты существовали, вероятно, в виде особых записей и при составлении ПП были включены без указания имен издавших их князей. Только Устав Владимира Мономаха об отмене третного реза, опубликованный в 1113 году в особых условиях как следствие восстания в Киеве и вокняжения там Владимира, включен в свод с преамбулой, в которой указаны лица, издавшие данный закон.

Последний период в становлении ПП приходится на великое киевское княжение Владимира Мономаха (1113—1125) и, вероятно, его сына Мстислава Великого (1125—1132). В это время социально-экономическое развитие страны достигло высокого уровня. Наступал период развитого феодализма, и государство стояло на пороге нового этапа в развитии социально-экономического и политического строя — феодальной раздробленности. Замечательного расцвета достигла блестящая древнерусская культура. Система писаного права также значительно развилась к этому времени. На Руси уже существовали и редактировались церковные уставы Владимира и Ярослава, определившие объем церковной юрисдикции, складывался корпус южнославянских и переводных византийских правовых памятников[1]. Таким образом, кодификация светского права, русского по происхождению, являлась важной задачей вследствие не только потребностей феодального государства, но и внутренних закономерностей развития писаного права.

Кодификаторы положили в основу создаваемого свода свод законов Ярослава Мудрого — «Суд Ярославль Володимеричь», самостоятельные княжеские уставы и отдельные законоположения, а также необходимые для охвата правовых отношений нормы устной Правды Русской, которая, вероятно, еще продолжала использоваться в качестве основного источника светского права, поскольку предшествующее законодательство не представляло собой целостной системы. Все привлеченные источники были отредактированы, что, впрочем, не скрыло различное их происхождение. Феодальное государство шло на широкое использование результатов предшествующего многовекового нормотворчества, истоки которого восходили к периоду распада родоплеменных отношений, к начальному этапу становления классовых отношений. За соблюдением правовых норм следили уже не племенные старейшины и народное собрание, а князь — глава государства и иерархически подчиненные ему землевладельцы и служилые люди, которые составляли класс феодалов.

Русская Правда имела большое значение для формирующегося русского, украинского и белорусского феодального права. Насколько хорошо удовлетворяла ПП потребности княжеских судов, свидетельствует включение ее в юридические сборники XIII—XV вв. — Кормчие, Мерило Праведное. Она широко распространилась во всех землях Древней Руси как основной источник светского права и стала основой юридических норм, включенных в договоры XII—XIV вв. Новгорода, Смоленска с немецкими и ливонскими городами, островом Готландом, а также законодательства XIV—XV вв. Списки ПП активно распространялись еще в XV—XVI вв Только в 1497 году был издан в Московском централизованном государстве судебник, который заменил ПП в качестве основного источника светского писаного права на территориях, объединенных в составе централизованного Русского государства. Долгий период использования ПП свидетельствует о том, что в первой трети XII в. был создан совершенный по содержанию судебник, нормы которого в судебной практике стали важным орудием государства и класса феодалов в целом по правовому регулированию социально-экономических отношений в стране.

Оглавление

	Введение —	3
Глава I.	Закон Русский —	8
	Краткая редакция Русской Правды в составе Новгородской первой летописи —	12
	Пометы «зри» и «смотри» в Академическом списке Новгородской первой летописи младшего извода —	17
	Древнейшая Правда и Правда Ярославичей в составе КП —	21
	Новгородское восстание 1015 года и Русская Правда —	30
	Древнейшая Правда и Закон Русский —	35
Глава II.	Становление Русской правды —	74
	Закон Русский и законодательство великих киевских князей X века —	77
	«Правда уставлена руськои земли» —	84
	«Суд Ярославль Володимеричь» —	101
Глава III.	Пространная редакция Русской Правды —	106
	Заключение —	171